

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

ЧЖАН ЦИНХАНЬ

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ КОНЦЕПТА
«СЕМЬЯ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
И ЕГО ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ**

Специальность 10.02.01 — русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Радбиль Т.Б.

Нижний Новгород — 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. Теоретические основы комплексного лингвокультурологического анализа концепта «семья» в современном гуманитарном знании.....	15
1.1. Концепт как основная категория изучения и описания языковой картины мира	15
1.1.1. Основные понятия лингвистической концептологии	15
1.1.2. Объем и содержание научного понятия «концепт»	20
1.1.3. Классификации концептов в современной науке о языке	27
1.2. Методы и методики концептологического анализа	29
1.2.1. Методы анализа концептов в лингвокультурологии.....	29
1.2.2. История изучения концепта «семья» в лингвистике	33
1.2.3. Обоснование концепции предпринятого исследования	39
Выводы по содержанию I главы	39
ГЛАВА II. Концепт «семья» в синхронно-диахронном лингвокультурологическом описании	43
2.1. Понятие семьи в экстралингвистическом освещении	44
2.1.1. Семья в современном гуманитарном знании (по данным философии, социологии, педагогики, психологии, юриспруденции)	44
2.1.2. Семья в разных культурах: сопоставительный анализ понятия семьи в европейской и китайской традициях.....	49
2.2. Когнитивные признаки концепта «семья» и его языковая объективация в истории русского языка	58
2.2.1. Концепт «семья» в русском языке XI–XVII веков	58
2.2.2. Концепт «семья» в русском языке XVIII – начала XX веков....	62
2.2.3. Концепт «семья» в русском языке XX века (в советский период)	68
2.3. Когнитивные признаки концепта «семья» и его объективация в современном русском языке	78
2.3.1. Семантическое наполнение концепта «семья» в современном русском языке (по данным лексикографических источников)	78
2.3.2. Особенности языковой экспликации концепта «семья» в современном русском языке (словообразовательный, парадигматический, синтагматический аспекты).....	83
Выводы по содержанию II главы	104
ГЛАВА III. Концепт «семья» в речевой практике носителей современного русского языка и в современном русском языковом сознании.....	111
3.1. Языковая объективация концепта «семья» в современной русской речи	112

3.1.1. Лексемы — репрезентанты концепта «семья» по данным Национального корпуса русского языка.....	112
3.1.2. Новые явления в языковой репрезентации концепта «семья»: лексико-семантический и словообразовательный уровень	125
3.2. Концепт «семья» в языковом сознании современных носителей русского языка (по результатам свободного ненаправленного цепочечного ассоциативного эксперимента)	132
3.2.1. Особенности проведения ассоциативного эксперимента в лингвистической концептологии.....	132
3.2.2. Концепт «семья» по данным ненаправленного ассоциативного цепочечного эксперимента.....	135
Выводы по содержанию III главы.....	141
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	145
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	155
ПРИЛОЖЕНИЕ	177

ВВЕДЕНИЕ

В работе представлено комплексное синхронно-диахронное лингвокультурологическое описание семантического наполнения концепта «семья» в русской языковой картине мира и его языковой объективации в современной русской речи и в современном русском языковом сознании.

В современном междисциплинарном гуманитарном знании наших дней важнейшее место занимает так называемая антропоцентрическая парадигма, в рамках которой значительную роль играет лингвистический когнитивизм и лингвокультурология. Лингвокультурология, в свою очередь, сегодня не является единой и объединяет в себя самые разные школы и направления гуманитаристики. Одним из них выступает анализа концептов, или, как иногда называют это направление, **лингвистическая концептология**.

Интерес лингвистов к современному языку и его использованию индивидуумами требует постоянного рассмотрения процессов не только внутри его организованной системы, но и в цепочке концептуальных доминант, формирующих картину мира средствами естественного языка. В данной связи концепт «семья» – важнейшая составляющая коллективного знания о мире, воплощенного в том числе и в фактах национальных языков.

Постоянно возобновляемый интерес к семье в мировой и отечественной гуманитарной мысли вызван следующими причинами: 1) семья как социальный институт имеет большое значение в жизни каждого человека и любого народа; 2) на сегодняшний день наблюдается трансформация представлений о семье в языковом сознании наших современников. Семья является концептом универсальной, общечеловеческой значимости, но при этом в разных культурных традициях и в разные хронологические периоды представления о семье могут существенно меняться. Таким образом, мы можем говорить о национально-обусловленном аспекте концептуального содержания семьи и о его историко-культурной изменчивости. Все это обусловило необходимость нашего обращения к исследованию данного концепта.

Актуальность исследования обусловлена культурной необходимостью и научной востребованностью лингвокультурологического описания концепта «семья» в современной российской концептосфере в свете антропоцентрического подхода в современной гуманитаристике.

Семья еще на заре человеческой истории воспринималась как нечто сущностно важное для жизни человека, она рассматривалась таким же неотъемлемым атрибутом жизни общества, как природное окружение человека. Способность и стремление иметь семью для человека считается таким же доминирующим свойством, как способность думать и чувствовать, любить и страдать. Семейные отношения и регулирующие их семейные кодексы, которые сменили неписанные традиционные устои регулирования семьи, всегда были важнейшим компонентом политики государства, его экономики и социального строительства.

Представления о семье в русской национальной культуре проявляют себя в самых разнообразных языковых, речевых и текстовых свидетельствах, начиная с XI в. и вплоть до нашего времени. Во многом именно благодаря языковым данным мы сегодня можем составить целостное и объективное представление о концептуальном содержании и смысловом объеме концепт «семья» в отечественном культурном пространстве.

Огромная сложность поставленной в работе проблемы лингвокультурологического изучения семьи, многоплановость и многокомпонентность материала для изучения и разнообразие возможных аспектов проблемы ставит вопрос об определенном ограничении объекта и непосредственного предмета предпринятого исследования.

Объектом исследования является антропологический компонент русской языковой картины мира, воплощающий представления народа о человеке и его социальном окружении, в которое входит и интересующий нас концепт «семья».

Предметом исследования выступают когнитивные признаки концепта «семья» в национальной концептосфере и его объективация в речевых практиках носителей современного русского языка.

Тема, объект и предмет исследования позволяют сформулировать его **цель** — комплексное синхронно-диахронное лингвокультурологическое описание семантического наполнения концепта «семья» в национальной концептосфере и его языковое воплощение в русских дискурсивных практиках.

Поставленная цель требует решения следующих **задач**:

(1) изучить основные теоретические термины и понятия современной лингвокультурологии и концептологии, а также обосновать концепцию сопоставительного синхронно-диахронного, описания концепта «семья»;

(2) охарактеризовать особенности экстралингвистического содержания понятия «семья» в философии, социологии, психологии, педагогике и юриспруденции, а также осуществить сопоставительный анализ понятия семьи в европейской и китайской традициях;

(3) рассмотреть когнитивные признаки концепта «семья» в этимологическом и историко-лингвистическом освещении, проследить динамику духовной эволюции данного концепта в русском языке XI–XVII веков, в русском языке XVIII – начала XX веков и в русском языке XX века (в советский период);

(4) проанализировать семантическое наполнение концепта «семья» в современном русском языке по данным лексикографических источников;

(5) осветить особенности языковой объективации концепта «семья», для чего описать словообразовательные, парадигматические и синтагматические связи и отношения между лексемами, воплощающими концепт «семья» в русском языке;

(6) подтвердить выявленные раньше когнитивные признаки концепта «семья» посредством изучения его дискурсивного варьирования в текстовом массиве Национального корпуса русского языка;

(7) выявить и охарактеризовать инновационные лексико-семантические и деривационные явления в языковой объективации концепта «семья» в современной русской речи;

(8) провести психолингвистический ненаправленный ассоциативный эксперимент, на основании чего показать особенности восприятия концепта «семья» в языковом сознании носителей русского языка новейшего периода.

Материалы исследования: (1) энциклопедические источники, философские и психологические словари, фольклорные, научные и публицистические тексты; (2) лексикографические источники — основные русские толковые, фразеологические и словообразовательные словари, этимологические и историко-лингвистические словари, словари синонимов и антонимов, пословиц и поговорок, словари сочетаемости и др.; (3) данные Национального корпуса русского языка; (4) данные собственного Интернет-мониторинга автора; (5) данные психолингвистического ненаправленного ассоциативного цепочечного эксперимента, полученные автором лично

Объем обследованного материала: всего проанализировано более 900 словоупотреблений (лексемы — репрезентанты концепта, неодериваты, синонимы, антонимы, фразеологизмы, паремии и пр.); методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка было извлечено более 700 контекстов употребления слов — репрезентантов концепта, из интернета — порядка 150 контекстов.

Степень изученности проблемы. Представления о семье всегда были в центре внимания представителей самых разных наук о человеке, начиная с античных времен, Средневековья и Эпохи Возрождения. В настоящее время феномен семьи также выступает в качестве зоны притяжения исследовательской мысли в разных гуманитарных науках: философии, психологии, педагогике, юриспруденции, этнографии, демографии и т. д. Однако собственно лингвистическое изучение концепта «семья» началось сравнительно недавно, в 90-е гг. XX в., когда началось становление лингвокультурологической парадигмы научно-гуманитарного знания.

С той поры, примерно с начала 2000-х годов, в лингвистике уже накоплен значительный опыт изучения концепта «семья». Исследуемый концепт с различных позиций описывался в диссертационных исследованиях Е.В. Добровольской, Ю.В. Железновой, Н.Н. Занегиной, Д.В. Жигулиной, М.В. Матвеевой, А. Рахмат и др. [Добровольская 2005; Железнова 2009; Занегина 2011; Жигулина 2015; Матвеева 2007; Рахмат 2013 и др.]. Языковое воплощение концепта «семья» в индивидуально-авторской картине мира писателей исследовали Г.Ш. Кузьмина, С.А. Кушу, Е.З. Киреева, С.Ш. Схалыхова, Т.В. Пьянкова, С.А. Кидямкина и др. [Кушу 2004; Кузьмина 2005; Киреева 2008; Схалыхова 2008; Пьянкова 2012; Кидямкина 2014 и др.], в жанре семейных родословных – А.А. Павловой и Н.Н. Рухленко [Павлова 2004; Рухленко 2005].

Многочисленны сопоставительные исследования концепта «семья», выполненные на материале русского на фоне иностранных (английского, итальянского, китайского, немецкого, турецкого) языков [Терпак 2006; Биктагирова 2007; Гуняшова 2007; Трушинская 2009; У Синъюй 2009; Бутто 2010; Гулканыян 2010; Кострубина 2011; Баландина 2013; Щеголихина 2015 и др.] и языков народов России (адыгейского, башкирского, ингушского, татарского) [Мержоева 2009; Гибадуллина 2012; Кульсарина 2014 и др.].

При этом, несмотря на уже сложившуюся в науке о языке традицию изучения концепта «семья», остаются некоторые лакуны, восполнению которых посвящено настоящее исследование. В частности в избранном нами ракурсе синхронно-диахронного сопоставительного лингвокультурологического описания, на материале Национального корпуса русского языка и посредством проведения цепочечного ассоциативного эксперимента, концепт «семья» практически не изучен.

Все вышесказанное обуславливает *новизну исследования*, которая заключается во введении в научный оборот нового предмета для анализа — когнитивных признаков, смыслового объема и семантической структуры концепта «семья» в истории русского языка и в его современном состоянии, но-

вого материала для исследования — контекстов из Национального корпуса русского языка и данных экспериментального исследования. Также в достаточной мере не изученным в современной науке о языке является массив новых явлений в языковом воплощении концепта «семья» на лексико-семантическом и словообразовательном уровнях.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в исследовании уточняется методика комплексного описания концептов культуры в синхронно-диахронном аспекте и методика экспериментального психолингвистического анализа на новом материале — концептуальном содержании и языковой репрезентации концепта «семья» в русской языковой картине мира.

Практическая значимость работы состоит в том, что её материалы и результаты могут быть использованы в вузовских курсах по лексикологии и фразеологии, по когнитивной лингвистике, по лингвокультурологии и концептуальному анализу, в преподавании русского языка как иностранного в иноязычной аудитории, а также в практике составления словарей нового типа — словарей концептов и лингвокультурологических тезаурусов.

Методологической основой исследования являются идеи антропоцентрического подхода в лингвистике В.фон Гумбольдта, Й.-Л. Вайсгербера, Э. Сепира, Б.Л. Уорфа, Э. Бенвениста, Р.А. Будагова, В.М. Алпатова, Н.Д. Арутюновой, Ю.Н. Караулова и др.; принципы лингвокультурологических стратегий научного поиска, изложенные в трудах Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Болдырева, В.В. Воробьева, В.И. Карасика, В.В. Колесова, Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачёва, В.А. Масловой, Т.Б. Радбиля, Ю.С. Степанова и др.; основы концептуального анализа, представленные в работах С.Г. Воркачева, А.П. Бабушкина, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, Г.Г. Слышкина, В.Н. Телья, Н.Д. Арутюнова и др.

Спецификой цели и задач, поставленных в работе, обусловлены следующие **методы и методики исследования**:

- метод этимологического и сравнительно-исторического анализа, с помощью которого исследуется эволюция концептуального содержания и языковой объективации концепта «семья» в диахронической перспективе;
- сопоставительный метод, с помощью которого исследуются общие и уникальные особенности семантического наполнения концепта «семья» в неродственных языках (русском и китайском);
- описательно-аналитический метод, включающий наблюдение анализируемых языковых явлений, их анализ и классификацию, а также интерпретацию полученных результатов;
- методика концептуального анализа, принятая в Нижегородской концептологической школе;
- методика дискурс-анализа текстовых массивов Национального корпуса русского языка;
- методика цепочечного ненаправленного ассоциативного психолингвистического эксперимента.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Экстралингвистическое содержание понятия о семье, реконструируемое по данным философии, социологии, психологии, педагогики и юриспруденции, несмотря на различия научного инструментария этих дисциплин гуманитарного цикла, обнаруживает единство взгляда на феномен семьи как на малую группу, основанную на браке и / или кровном родстве, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью, а также моральной и правовой ответственностью. Это представление формируется посредством трех смысловых составляющих, которые являются основой концептуального содержания соответствующего концепта в национальной концептосфере: (1) общее происхождение; (2) совместное проживание; (3) общность интересов, деятельности.
2. Истоки концептуального содержания и особенностей языковой объективации концепта «семья» следует искать в этимологии слова — имени концепта и в истории развития лексем, воплощающих данный концепт в диа-

хронической перспективе. Этимологически слово *семья* происходит от известного индоевропейского корня **kei-* ‘лежать’, который часто использовался для образования наименований селений, жилища, стоянок. В каждую историческую эпоху когнитивные признаки концепта «семья» претерпевают изменения. В русском языке XI–XVII веков семья являлась самой высокой ценностью и основывалась на таких понятиях, как вера, супружеский союз, полная покорность женщины, послушание и др. В первой половине XX века пошатнулись представления о семье как патриархально организованном обществе с главенствующей ролью мужчины, которая просуществовала много столетий. На семейный уклад советской семьи оказали влияние культурные и мировоззренческие изменения, происходившие в обществе. Концептуальное значение слова *семья* расширяется до государственного масштаба (*братская семья народов СССР, дружная семья братских республик, в семье единой* и т. д.).

3. Семантическое наполнение концепта «семья» в современном русском языке, моделируемое по данным основных словарей русского языка, а также по анализу особенностей словообразовательной, парадигматической и синтагматической репрезентации концепта, отличается большой степенью культурной разработанности. Оно содержит 26 когнитивных признаков, отражающих разные аспекты концептуального содержания «семьи»: представление о родственной близости, о совместном проживании, об объединенности общими интересами и общей деятельностью, а также смысловые расширения за счет переноса идеи семьи на биологические объекты, языки, этнические и социальные образования, аппараты и механизмы и пр.

4. Концепт «семья» активно участвует в моделях концептуальной метафоризации: это модели овеществления, когда семья переосмысливается как неодушевленный конкретно-чувственный объект (физический, природный, биологический, искусственный), как вещество (субстанция), как контейнер (вместилище), как физическая среда, и модели одушевления, когда семья метафорически представляется как живая, активно и целесообразно действующая.

щая сущность по типу человеческого существа. Существенное качественное и количественное разнообразие концептуально-метафорических моделей овеществления и одушевления неконкретного концепта «семья» свидетельствует о вписанности данного концепта в мир национальных идеалов и ценностей, как это свойственно и другим ключевым абстрактным концептам русской культуры — разум, душа, совесть, добро, воля и под.

5. Новые явления в лексической и словообразовательной объективации концепта «семья» демонстрируют смысловые преобразования, связанные с расширением сфер приложимости лексем — репрезентантов концепта. В современной русской речи значительный положительный образно-ассоциативный потенциал таких слов, как *семья*, *семейный*, *семейство* и др. активно используется в нейминге — теории и практике создания названий фирм, товаров, продукции, торговых марок. Инновации проявляют значительную активность и во внелитературных формах русского языка — в просторечии, в жаргонах и воровском арготизме. Также в новых явлениях отражено развитие оценочного потенциала — репрезентантов концепта «семья», как в позитивном, так и в негативном плане.

6. Результаты цепочечного ненаправленного эксперимента подтверждают психологическую реальность выявленных ранее, в процессе анализа языкового материала, когнитивных признаков концепта «семья» в языковом сознании современных носителей языка. Также в данных ассоциативного эксперимента отражается возможность приобретения этим первоначально положительно-оценочным концептом отрицательных коннотаций, связанных с определенной девальвацией ценностей патриархальной семьи в современном русском мире, с распадом традиционных семейных связей и отношений.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования представлены в статьях, докладах и материалах конференций. Диссертация прошла апробацию на международных и российских научных конференциях (Прага 2018; Нижний Новгород 2018 и 2019, Пенза 2018 и 2019; Иркутск 2022; Чебоксары 2022). Диссертация прошла об-

суждение на заседании кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографического списка и приложения. Объем диссертационного исследования, не считая приложения, составил 176 с. Общий объем диссертации — 182 с.

Во **введении** характеризуется актуальность исследования, его научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность, дается характеристика объекта и предмета исследования, определяются его цель и задачи, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Теоретические основы комплексного лингвокультурологического анализа концепта «семья» в современном гуманитарном знании**» освещается основной научный инструментарий работы, дается рабочее определение концепта и концептосферы, описываются методы и приёмы современного концептуального анализа, а также обосновывается принятая концепция исследования.

Во второй главе «**Концепт «семья» в синхронно-диахронном лингвокультурологическом описании**» последовательно раскрываются объем и содержание понятия семьи в экстралингвистическом освещении — по данным философии, социологии, психологии, педагогики, юриспруденции, когнитивные признаки концепта «семья» по данным лексикографических источников и его языковая объективация в истории русского языка и в современном русском языке.

В третьей главе «**Концепт «семья» в речевой практике носителей современного русского языка и в современном русском языковом сознании**» анализируется функционирование лексем — репрезентантов концепта «семья» по данным Национального корпуса русского языка, характеризуются новые явления в языковой репрезентации концепта «семья»: лексико-семантический и словообразовательный уровень и описывается ход и результаты ненаправленного ассоциативного цепочечного эксперимента.

В заключении подводятся основные итоги и формулируются перспективы исследования.

Библиографический список включает в себя три раздела (источники, научная и учебно-методическая литература, словари и энциклопедии) и содержит 245 наименований.

В приложении в табличной форме представлен полный сводный список реакций на слова-стимулы, обозначающие родство, по данным цепочечного ассоциативного эксперимента.

ГЛАВА I. Теоретические основы комплексного лингво-культурологического анализа концепта «семья» в современном гуманитарном знании

В главе последовательно освещаются проблемы анализа концепта в современном гуманитарном знании (раздел 1.1), обсуждаются основные методы анализа концептов, рассматривается история изучения концепта «семья» в лингвистике, а также обосновывается концепция исследования (раздел 1.2).

1.1. Концепт как основная категория изучения и описания языковой картины мира

1.1.1. Основные понятия лингвистической концептологии

Ведущая тенденция современной парадигмы гуманитарного знания – антропоцентризм в интерпретации реальной действительности. При таком подходе язык и другие объекты гуманитарных исследований анализируются с точки зрения человека, с позиций особенностей проявления человеческой познавательной и оценивающей деятельности в мире, отражения опыта взаимодействия человека с внешней по отношению к нему действительностью. Также этот подход основывается на положении, что и сам язык создан по мерке человека, по образу и подобию человека, и в соответствии с этим должен изучаться [Кубрякова 1995: 15].

Лингвистический антропоцентризм направлен на исследование языка в тесной связи с человеком, его сознанием и мышлением. При этом, по мнению А.П. Чудинова, «язык не обладает самодостаточностью и не может быть объективно описан без учёта когнитивных процессов» [Чудинов 2002: 49]. Так

лингвистический антропоцентризм с необходимостью смыкается с лингвистическим когнитивизмом. В лингвокогнитивной парадигме гуманитарного знания язык не является полностью автономной и самодостаточной системой, признающей независимой от человека (как это было в предшествующей, структурно-системной парадигме языкознания, берущей свое начало в трудах Ф. де Соссюра). Язык мыслится как лишь относительно отдельный модуль, встроенный в общую систему когниции — деятельности человека по мыслительному освоению мира, вместе с другими соприсродным ему модулями — мышлением, памятью, воображением, эмоциональной сферой, волевой сферой и т.д. Важно, что в когнитивной лингвистике между этими модулями нет непроходимой грани — все они функционируют по схожим, изоморфным с языком законам.

В современном языкознании уже давно и прочно утвердилась идея о том, что именно язык составляет самые надежные, самые объективные свидетельства о том, как человеку представляется окружающий его мир, собственная психическая деятельность, каковы особенности этнического взгляда на мир, идеалов и ценностей, установок поведения. По словам А.Ф. Лосева, «личность есть самосознание, она есть всегда противопоставление себя всему внешнему, что не есть она сама. Углубляясь в познание себя самой, она и в себе самой находит эту же антитезу субъекта и объекта, познающего и познаваемого» [Лосев 1991: 74].

В подобном комплексном, антропоцентрическом и когнитивно-ориентированном подходе язык также воспринимается как источник знаний о культуре народа и о его ментальности, которую можно трактовать как совокупность представлений о мире и человека, мифологические и религиозные взгляды и пр. Именно благодаря языку человек приобщается к образу мышления и национальному характеру своего народа, потому что, согласно традиции, идущей от В. фон Гумбольдта, язык — это и есть дух нации, это не просто лингвокогнитивный механизм выражения мысли, но и средство ее формирования. Мир видится человеком через призму этнического языка. С

помощью языка тысячелетний опыт взаимодействия этноса с внешним миром, его интроспекции внутри человека не просто формируется и хранится, но и передается через поколения [Постовалова 1999: 30].

В связи с этим Т.Б. Радбиль отмечает: «Концептуализация есть предельно общее понятие, предполагающее направленность познания как на разные стороны объекта познания, так и на объект познания в целом, каким бы максимально широким этот объект ни был. Если объектом концептуализации выступает вся Вселенная, весь универсум с разнообразными связями и отношениями между его фрагментами, включая и человека как важную составную часть универсума, мы говорим о концептуализации мира <...> Именно в языке прежде всего откладываются все достижения в сфере духовной деятельности человека и этноса в целом. Язык как бы «прививает» нам определенный взгляд на вещи, определяет характер и направление умственной активности» [Радбиль 2012: 166].

В этом же русле пишет В.В. Колесов: «Мы должны понять, что и каким образом когда-то открывали, для себя наши предки, восстановить, хотя бы в общих чертах, картину их познания мира и объяснить себе эти достижения как успех цивилизации и человеческого духа в их национальных формах – потому что любая культура рождается и развивается в национальных формах» [Колесов 2000: 8].

В целях нашего исследования важно отметить, что именно такое, «языковленное» знание о мире, пропущенное через призму оценивающей и мотивационно-прагматической деятельности человека как носителя национальной культуры, является объектом изучения лингвокультурологических штудий, которые имеют комплексный характер и основываются на стыке когнитивной лингвистики, психолингвистики, этнолингвистики и социолингвистики. Главная проблема в том, что «языковое знание» (термин И.А. Бодуэна-де-Куртене) не дано нам в непосредственном наблюдении, оно представлено в фактах языка в скрытом, имплицитном виде, потому что принадлежит к области «языкового бессознательного». Носители языка по большей части

не осознают этого глубинного знания, но действуют в соответствии с ним на уровне неосознаваемого переживания тех или иных интенциональных состояний.

В наши дни традиционная лингвистика уступает место междисциплинарным областям гуманитарного знания, в числе которых и находится лингвокультурология. Интерес к экстралингвистическому содержанию языкового знака, который запрещался предшествующей структуральной парадигмой науки о языке, внимание к форматам знания, ценностным приоритетам и моделям поведения, стоящим за употреблением слов и выражений естественного языка, — все это на полноценной основе входит в сферу исследовательского внимания новой лингвистики.

Так, анализ словарных дефиниций показал, что традиционные толкования слов некорректно описывают ряд нетривиальных свойств реального значения слова, особенностей его употребления. Ссылаясь на И.А. Стернина, А.А. Камалова пишет: «Семантическая структура слова помимо дифференциальных компонентов включает разного рода недифференциальные (интегральные, потенциальные, ассоциативные) компоненты. Они не нужны для построения оппозиций, структурно значимых для данного языка, но являются реальными элементами языковой компетенции, актуализируются в речи, составляют основу семантического варьирования слова и его диахронического развития, обуславливают сочетаемость и ассоциативные связи слова» [Камалова 1998: 29]. В том же духе Л.М. Васильев пишет, что «в речевой смысл языковых значений вовлекаются <...> коммуникативно значимые элементы тех наших знаний о предмете, которые в их содержание как системных единиц не входят» [Васильев 2006: 32].

Например, при описании речевого употребления выражения «Какая женщина!» мы не можем просто ограничиться словарным толкованием слова *женщина* как 'человеческое существо женского пола'. Подлинным смыслом данного выражения будет установка говорящего на восхищение увиденной им женщиной, а также выражаемое им чувство, что данная женщина по ка-

ким-то параметрам соответствует образцовому прототипу женщины, сложившемуся в системе норм и ценностей говорящего. Для описания значений такого рода используется понятие «языковая концептуализация мира», являющееся одним из центральных в современных лингвокультурологических исследованиях на когнитивной основе.

В.В. Воробьев считает задачей лингвокультурологических исследований обнаружение и реконструкцию национально-обусловленных и культурно-обусловленных идей и представлений, стоящих за используемыми членами языкового сообщества слов и выражений естественного языка. [Воробьев 1997]. Непосредственным предметом лингвокультурологии является изучение способов выражения культурно значимого содержания в национальном языке, к которым В.Н. Телия относит культурные концепты, культурные семы, культурный фон и культурные коннотации ¹, значимыми в модели мира членов породившего их языкового сообщества [Телия 1985].

Таким образом, в современной парадигме гуманитарного знания произошел «новый» (после первого, гумбольдтовского) «поворот к человеку», что придало лингвистике новых дней философскую широту и объяснительную силу (лингвистика перестала быть чисто констатирующей и классифицирующей, т.е. описательной наукой). В междисциплинарной новой науке о языке открывается целый ряд новых исследовательских стратегий, направленных на раскрытие идиоэтнических, национальных, культурных особенностей представлений знания о мире в том или ином языке, т.е. отличительных черт национальной ментальности, выраженных в языковых формах.

Каждый национальный язык, с точки зрения современной лингвокультурологии, ценен и уникален тем неповторимым образом мира, который запечатлен в этом языке и который вбирает в себя все отголоски социальной истории и духовной эволюции этноса, всем изменения в характере его мироощущения, в опыте освоения окружающей действительности народом. Каж-

¹ Трактовка коннотативних елементів лексического значення остається дискуссионною. Згідно двом основним подходам к коннотации относят либо эмоционально-экспрессивную окраску, либо несущественные, то есть не фиксируемые словарями, но устойчивые признаки выражаемого понятия.

дый образ мира, явленный в языке, отчасти универсален, а отчасти — национально-специфичен. Главное, что язык и образ мышления всегда взаимосвязаны. В языке находят отражение те явления внеязыковой действительности, которые представляются важными и существенными для носителей культуры, пользующихся этим языком, поэтому, незаметно для себя, носители языка вместе с усвоением самого языка незаметно для себя усваивают и систему понятий, стоящую за семантикой слов и выражений этнического языка.

Все это находит свое выражение в одном из базовых для современной лингвокультурологии научном понятии — «языковая картина мира». Языковая картина мира представляет собой упорядоченный набор знаний об окружающей действительности и типовых моделей поведения, стоящих за единицами языка [Постовалова 1999; Добровольская 2005; Радбиль 2012; Гибадулина 2012 и др.]. В ЯКМ аккумулируются все данные о внешнем и внутреннем мире — природный (представления о пространстве и времени, о причинах и следствиях, качествах и количествах и пр.) и психический компоненты (сознание / мышление, речь, способность думать, чувствовать, сфера воли, эмосфера, система ценностей и пр.), зафиксированные средствами языка. Кроме того, она содержит знания о человеке как субъекте языковой способности и о самом языке — субъективный и метаязыковой компоненты.

Непосредственным строевыми элементами ЯКМ считаются **концепты культуры, или культурные концепты** (лат. *conceptus* ‘собранное вместе; содержимое; зачатие; замысел; зародыш’; греч. ‘разложение, расчленение’), представляющие собой представления или образы значимых для этноса явлений природной, социальной и внутренней жизни.

1.1.2. Объем и содержание научного понятия «концепт»

Научное понятие «концепт» является сегодня общенаучным понятием, используемым самыми разными научными дисциплинами и направления-

ми гуманитарного знания — философией, психологией, антропологией, педагогикой, литературоведением и т.д. [Вежбицкая 1996; Аскольдов 1997; Лихачев 1997; Степанов 2004 и др.]. В частности, Д.С. Лихачев понимал концепты как «некоторые подстановки значений, скрытые в тексте «заместители», некие «потенции» значений, облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом» [Лихачев 1997: 284]. Ученый говорил о разграничении концепта как культурного (индивидуально-культурного или национально-культурного) приращения смысла и лексического значения как воспроизводимого набора значений в словарном составе национального языка.

Собственно лингвистическое понимание концепта развивается в рамках современной отечественной **когнитивной лингвистики**. Концепт в этой связи выступает как минимальная единица знания о мире в человеческой когниции — познании и осмыслении мира, при этом, в отличие от логического понятия, характеризующегося аналитической и безобразной структурой, концепту присуще цельное, образно чувственное и нерасчлененное содержание [Болдырев 2001: 25–36; Кубрякова 2002: 3–9; Слышкин 2004: 75–80 и др.]. Концепт представляет собой особым образом организованный фрагмент мысли о мире, формат знания, формирующегося вокруг некоторого явления. Он имеет смысловую емкость, многоплановость, иерархическую организацию и полевою структуру.

Несколько позднее формируется и собственно лингвокультурологическое понимание концепта как элемента «языка культуры» этноса. Этим занимается **лингвокультурологический подход**. В лингвокультурологии концепт трактуется как **культурный, или лингвокультурный концепт**, который понимается как национально обусловленный элемент культурного пространства этноса, в котором в обобщенной и типизированной форме зафиксирован способ представления этноса того или иного явления физической или психической реальности. Концепт, таким образом, детерминируется сферой идеалов и ценностей этноса, его стереотипами и поведенческими уста-

новками, т.е. того, что в общем и принято именовать национальной культурой. Так понимаемый концепт имеет языковое и речевое выражение, то воплощается он не одним каким-либо знаком языка, а целой совокупностью слов, выражений, грамматических категорий и синтаксических моделей, группирующихся вокруг единого мыслительного ядра [Слышкин 2004].

Несмотря на то, что большинство ученых едины во мнении о том, что концепт является основной единицей культуры этноса, разными учеными концепт культуры понимается несколько по-разному. Так, Ю.С. Степанов в своем широко известном фундаментальном словаре русской культуры «Константы» так говорит о концепте: «Это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир <...>, это тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают слово. В отличие от понятий, концепты не только мыслятся, но и переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человек» [Степанов 2004: 43]. Ученый включает в число таковых единиц базовые для любой культуры понятия — «закон», «свобода», «истина», «власть и пр. Ю.С. Степанов исходит из диахронического подхода к анализу концептов, с опорой на этимологию корней в индоевропейском праязыке, и предлагает программу сопоставительного анализа текстов культуры на основных древних и современных европейских языках.

Т.Б. Радбиль, в свою очередь, представляет синхронический подход к описанию культурных концептов. Как пишет Т.Б. Радбиль: «Культурные концепты выступают в качестве основных единиц ценностной сферы языкового менталитета, организующих и направляющих народное самосознание в процессе духовного освоения мира» [Радбиль 2012: 234]. Они реконструируются по данным употребления самых обычных слов и выражений в современном языке и характеризуются семантической многоуровневой моделью. Т.Б. Радбиль предлагает классификацию концептов по признаку соотношения в них универсального и идиоэтнического содержания как на ментальном,

так и на собственно вербальном, языковом уровнях и подразделяет концепты на когнитивно (концептуально) универсальные, когнитивно (концептуально) уникальные и вербально уникальные [Радби́ль 2012: 235].

Необходимо разграничивать *концепт* и *логическое понятие*. Концепт — это, скорее, «наивное понятие» [Радби́ль 2012], а точнее, представление, сохраняющее, в отличие от абстрактного и безобразного понятия, образность, субъективность, эмоционально-оценочную составляющую. Логическое понятие как форма мышления задается списком существенных дифференциальных признаков, а концепт опирается на «прототипические эффекты», имеющие чувственно-воспринимаемый, часто наглядный характер [Лакофф, Джонсон 2004]. Важно и то, что в отличие от логического понятия, которое коренится в сфере дискурсивного мышления, в «светлой зоне» сознания, концепт порой бытует в «коллективном бессознательном» этноса, то есть на неререфлексируемом уровне восприятия и воспроизведения. Концепты не осмысляются рационально, а переживаются как интенциональные феномены.

Отметим также и следующее. Понятие — сущность в определенном смысле вневременная, относительная изменчивость содержания понятия связана с внешними признаками — развитие науки, эволюция аппарата логического, рационального мышления. Концепт имеет инвариантно-вариантное содержание. Оставаясь неизменным в плане своего ядерного содержания, концепт существенно меняет со временем образные и ценностные составляющие своего смыслового наполнения. Это зависит от того, как и в какой мере изменяется взгляд этноса на то или иное явление окружающей действительности, как меняется отношение к нему в оценочном плане. Так, например в понятие болезни входит сигнификативный компонент значения слова 'расстройство здоровья живого организма + нарушение его деятельности'. А вот возможное осмысление болезни как живого существа, которое можно обогнать и выгнать, — не входит в логическую структуру понятия о болезни, но входит в концептуальное содержание за счет мифологизированного компонента народных верований, отраженных в фразеологии и паремиологии.

Концепт, таким образом, в значительной степени включает в себя мифологическую составляющую смысла — ср. представления о времени как о жидкости (*время течет*), о летящем живом существе (*время летит*) и пр. Однако, как пишет О.М. Фрейденберг, «первоначально никаких метафор не было» [Фрейденберг 1997: 51]. Речь в таких случаях идет о лингвокогнитивных механизмах концептуальных метафор [Лакофф, Джонсон 2004], понимание и интерпретация которых в концептосфере этноса основано на буквальном прочтении агенсов в конструкциях с предикатами (типа *время летит*) или в генитивных метафорах (типа *нить времени*) [Чернейко 1997]. В такой ситуации мы можем говорить не о сходстве одного объекта с другим, а об уподоблении безобразного объекта образному, абстрактного — конкретному, первое как бы надевает маску последнего, заполняет вещественную полноту образным содержанием.

В работах Т.Б. Радбиля намечается также и другая классификация концептов, основанная на тематическом принципе — на той области внешней внутренней действительности, которая покрывается данным концептом. Так, выделяются концепты философские (экзистенциальные), религиозные, этические, эстетические, психологические и пр. [Радбиль 2012]. Интересующий нас концепт «семья» можно в таком случае отнести к **антропологическим**, точнее, к **социально-антропологическим концептам**, которые описывают отношения человека с его родственным и / или социальным окружением

Как уже отмечалось выше, содержание концепта является сложным лингвоментальным образованием, имеющим иерархическую структуру. В него входят разноплановые смысловые сущности.

(1) Концепт может включать в себя денотативный слой — представление о номинируемом предмете, явлении, свойстве, признаке, процессе, действии и пр.; не все концепты содержат этот слой, так как многие из них обозначают абстрактные категории или отношения [Попова, Стернин 2001 и 2007].

(2) Не будучи логическим понятием по природе, концепт все же может содержать некое логико-понятийное ядро, образующее сигнификативный слой его концептуального содержания, т.е. способ представления в семантике того или иного явления действительности, сведения, информацию о явлении [Слышкин 2004].

(3) Концепт, даже относясь к абстрактной категории, выражает ее, как правило, в образной форме, т.е. имеет образный, концептуально-метафорический компонент содержания, например, представление о радости как о легком веществе, об авторитете как о бьющемся предмете и пр. Это содержание в когнитивной лингвистике рассматривается как гештальт (время = нить) или даже как мифологема [Чернейко 1997].

(4) Концепт всегда обладает устойчивыми ассоциациями, которые носители языка постоянно воспроизводят в своей речевой практике. Это ассоциации, выражающие коллективное отношение этноса к явлению, стоящему за концептом, т.е. имеющие ценностную природу. В лингвокультурологии, вслед за В.Н. Телия, их принято именовать культурными коннотациями [Телия 1985] или ценностными коннотациями [Радбиль 2012]. Речь идет об оценочных оттенках смысла, как бы встроенных в многомерное содержание концепта, но при этом являющихся имплицитными или потенциальными, т.е. не входящими в денотативный слой семантики, эксплицитно. Они как раз и обладают максимумом культурной специфичности. Так, в работах Т.Б. Радбиля показано, что в русской языковой картине мира концепт *сладкий* имеет не ожидаемо положительно-оценочную коннотацию, связанную с приятным вкусом, а негативно-оценочную коннотацию, связанную с оценкой этого свойства как необязательного излишества [Радбиль 2012]

Именно ценностный компонент содержания культурного концепта зачастую является основным, потому что именно в нем сосредоточена основа его национальной и культурной специфики [Карасик, Слышкин 2001], именно эти составляющие имплицитно кодируют культурные различия между концептами в разных языках, которые полностью соответствуют друг другу на денотатив-

ном и сигнификативном уровне (например, концепты *бизнесмен, собственность, расчетливость* и пр. в русской и западных культурах).

Схожую позицию по поводу смысловых составляющих концептуального содержания выражает С.Г. Воркачев, отмечая такие виды составляющих, как «понятийную, отражающую его признаковую структуру; образную, фиксирующую когнитивные метафоры, поддерживающие эти концепты в языковом сознании; и значимостную, определяемую местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка, куда войдут также этимологические и ассоциативные характеристики этого имени» [Воркачев 2002: 4–5].

Ключевым вопросом современной концептологии как важной части лингвокультурологии является проблема соотношения концепта и слова. Здесь имеются разные точки зрения. Мы исходим из позиции Анны Вежбицкой, которая определила, что нервно, что отсутствие слова обязательно означает отсутствие концепта, но верно обратное: само наличие слова свидетельствует о наличии в понятийно системе этноса соответствующего концепта, потому что этнос счел данный комплекс символов настолько важным для своей жизни, что нашел для него отдельное словесное обозначение [Вежбицкая 1997].

Сегодня большинство исследователей также сходятся в мысли, что, хотя слово и концепт принадлежат разным уровням смысла (концепт есть образование ментальное, а слово — вербальное, концепт принадлежит области мысли, а слово — области языка), они взаимосвязаны. Слово выступает по отношению к концепту как форма по отношению к содержанию. Слово — «органическая часть» концепта, так как к составу концепта относится также связь «между словом как звуковой системой с его смыслом» [Аскольдов 1997: 278–279]. Концепт «не непосредственно вытекает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачев 1997: 281]. Иными словами, концепт включает в себя и лексическое значение слова, и индивидуальные, личност-

ные смыслы. При этом слово и вообще — вербальное выражение не исчерпывает всего богатства концептуального содержания; в концепте обязательно имеется и невербализованный остаток [Попова, Стернин 2001 и 2007].

Итак, проведенный анализ позволил нам выработать рабочее определение концепта. Концепт — это лингвоментальное образование, выступающее как элементарное представление о каком-либо явлении внешней и внутренней действительности, которое отражает комплекс некоего знания о мире, ценностной реакции и поведенческой установки, имеет, как правило, образный характер и выражает закрепленное в языковой картине мира этноса устойчивое отношение к обозначаемому явлению. Можно иносказательно утверждать, что язык представляет реальность знаковым способом, и результатом такого представления становятся концепты

1.1.3. Классификации концептов в современной науке о языке

Разнообразие точек зрения на концепт, существующее в современной науке, закономерно привело к многообразию классификаций концептов, что зависит от того, какой классификационный признак положен в основу типологии. Существуют так называемые внешние классификации концептов, т.е. их типологии по признаку, внешнему по отношению к структуре и содержанию концепта, к его функции (например, по сфере бытования). Существуют и внутренние классификации концепта, которые осуществляются по релевантным с точки зрения устройства концепта признакам, например, по типу вербального выражения, по характеру выражаемой информации и пр.

Ниже, опираясь на ряд цитированных выше работ, мы предлагаем обобщение имеющихся в науке о языке классификаций И.А. Стернина и З.Д. Поповой, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, Н.И. Болдырева, В.Г. Слышкина, Т.Б. Радбиля, Р.М. Фрумкиной и в удобной для восприятия графической форме (Табл. 1.1).

Таблица 1.1.

Классификации концептов в современной науке о языке

Классификатор	Классификация
I. Способ языкового воплощения концепта	1. лексические 2. фразеологические 3. морфологические 4. синтаксические
II. Тип общественного сознания, в котором представлен концепт	1. обыденные 2. художественные 3. религиозные 4. научные
III. Степень общности ментального представления носителями языка	1. универсальные 2. этнические 3. групповые 4. индивидуальные 5. индивидуально-авторские (писательские)
IV. Особенности воплощаемого формата знаний	1. представления 2. схемы 3. понятия 4. фреймы 5. сценарии (скрипты) 6. гештальты
V. Регулярность вербализации	1. устойчивые (регулярно вербализуемые в стандартной языковой форме) 2. неустойчивые (нерегулярно или совсем не вербализуемые)
VI. Характер наблюдаемости / эксплицитности	1. вербализованные 2. скрытые
VII. Степень абстрактности концептуального содержания	1. конкретные 2. абстрактные

Таким образом, мы можем видеть, что в гуманитарном знании имеются классификации концептов по степени обобщения концептуального содержания (представление, гештальт, фрейм, схема, сценарий, пропозиция, прототип, схема, модель и пр.), по степени абстрагированности концептуального содержания, по типу представления концептуального содержания, по сложности и комплексности содержания, по языковому уровню воплощения концепта, по сфере бытования концептов (например, универсальные, националь-

ные, социально-групповые, индивидуальные), по соотношению универсального и идиоэтнического компонентов содержания в концепте (универсальные, когнитивно уникальные, вербально уникальные) и пр. [Баранов, Добровольский 1997: 11–21].

У нас есть все основания полагать, что основные классификационные признаки в типологии концепта являются в то же время и дифференциальными признаками самого концепта как научного понятия. Отметим следующие, важные в целях предпринятого нами исследования: лингвоментальный характер бытования; принадлежность к разным сферам бытования: этническая, коллективная или индивидуальная сфера; наличие денотативного, сигнификативного, образного и оценочного компонентов концептуального содержания; инвариантно-вариантный синхронно-диахронный характер бытования, способность к духовной эволюции.

В целом для функционирования концептов характерна интеграция в их концептуальное содержание принципиально разных типов информации: рационально-логической, конкретно-чувственной, наглядно-опытной, мифологической, религиозной, научной и пр.

Все, изложенное в данном разделе главы I, закономерно подводит нас к необходимости теоретического освещения методов и методик концептуального анализа, которые на данной стадии развития науки о языке также отличаются существенным многообразием.

1.2. Методы и методики концептологического анализа

1.2.1. Методы анализа концептов в лингвокультурологии

В настоящее время методология концептуального анализа находится на стадии формирования, что обуславливает огромное количество методов и

методик, весьма различных по своим исходным теоретическим принципам и конкретному научному инструментарию. Этот научный инструментарий сильно зависит от принадлежности ученого к той или иной научной школе, от цели исследования, выбранного материала для анализа (толкования значений слов в словарях, корпус фразеологизмов и паремий, корпус текстов — научных, религиозных, художественных и под.) и характера исследования (монолингвальный или полилингвальный, т.е. сопоставительный; синхронный или диахронный и под.).

Анализ литературы по данному вопросу позволяет сделать вывод о том, что на сегодня не существует единого общепринятого метода концептуального анализа. В многочисленных работах по лингвокультурологии и лингвокогнитологии выделяется ряд методов, методик и приёмов описания концептов, объединяемых под названием *концептуальный анализ*.

Концептуальный анализ позволяет моделировать исследуемый фрагмент языковой картины мира, запечатлённый в сознании носителей языка. Несмотря на существующие в науке о языке методологические расхождения, все исследователи сходятся в одном: концептуальный анализ представляет собой совокупность исследовательских процедур, направленных на выявление некоего экстралингвистического, ментального или культурного, феномена посредством интерпретации исходных языковых данных.

Иными словами, в аналитической технологии той или иной мере присутствует массив языковых фактов или фрагментов текстов, написанных на данном языке. Постулируется, явным или неявным образом, что язык выступает как базовый резервуар ключевых идей и образов, значимых для представителей той или иной культуры, и воплощаются эти идеи и образы обязательно в семантике естественного языка (лексической, фразеологической, словообразовательной, морфологической, синтаксической, стилистической).

Об этом пишет, например, А.Д. Шмелев: «Значение большого числа лексических единиц <...> включает в себя лингвоспецифические конфигурации идей. При этом нередко обнаруживается, что эти конфигурации смыслов

соответствуют каким-то представлениям, которые традиционно принято считать характерными именно для «русского» взгляда на мир. В других случаях лексико-семантический анализ позволяет уточнить выводы этнокультурологов, полученные без привлечения лингвистических данных» [Шмелев 2002: 12].

Для широкой практики описания концептов характерен принцип «доверия к языку» [Радбильт 2012], т.е. исследовательская установка на то, что именно лингвистический анализ разного типа способен верифицировать действительно объективное содержание той или иной культуры, в отличие от других типов суждений — писателей, публицистов, общественных деятелей, и др., которые могут носить характер бездоказательных спекуляций на злободневную тематику.

В свое время еще А. Вежбицкая высказала глубокую мысль о том, что для исследователя важно не только выявить наличие в исследуемом языке тех или иных явлений, предположительно имеющих культурную значимость, но и суметь посредством интерпретации этих явлений сказать о данной культуре что-либо содержательное, опираясь на объективные языковые данные [Вежбицкая 1997].

Согласно исследованиям [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Радбильт 2012 и др.], такие объективные свидетельства о содержании той или иной культуры не даны в языке в непосредственном виде. Они входят в семантику слов, выражений, моделей и конструкций анализируемого языка в имплицитном (пресуппозитивном или инференционном) виде, и потому их следует реконструировать специальными методами, в числе которых мы и включаем концептуальный анализ.

В нашем понимании концептуальный анализ обязательно включает анализ экстралингвистического и собственно лингвистического содержания концепта, причем на фоне анализа контекстного окружения слов — репрезентантов концепта. При этом контекст рассматривается в широком и узком смысле. Контекст в широком смысле — это культурный контекст, предпола-

гающий изучение встречаемости интересующих нас лексем и выражений в научных, религиозных, публицистических, художественных, фольклорных текстах. Контекст в узком смысле — это макроконтекст (высказывание или фрагмент текста — сложное синтаксическое целое), где встречается интересующая нас единица, и микроконтекст — непосредственное окружение слова, т.е. его сочетаемость.

В настоящее время в лингвистической концептологии уже сформировались некие общие, базовые требования к процедуре производства концептуального анализа, которой в целом придерживаются разные исследователи, даже если они и принадлежат разным научным школам:

(1) на первоначальном этапе осуществляется первичный анализ экстралингвистического окружения концепта — его вписанности в парадигмы философии, религии, культуры;

(2) обязательно производится сводный анализ словарных толкований слов, которые воплощают тот или иной концепт в языке;

(3) полученные знания верифицируются посредством анализа дискурсивного варьирования контекста в текстах разного типа — художественных, публицистических, научных, рекламных и пр., обращения к внутренней интроспекции и языковой интуиции самого аналитика, к экспериментальным данным [Фрумкина 1992: 2-7].

Еще И.А. Стернин в свое время подвел итог обсуждению вопроса об основных методах, методиках и приёмах, которые используются при анализе концептов:

- 1) выявление ключевых слов-репрезентантов данного концепта в языке;
- 2) этимологический анализ слова-имени концепта;
- 3) семантический анализ слова-имени концепта (описание его парадигматических и синтагматических связей);
- 4) семантический анализ переносных значений слов-репрезентантов данного концепта;

- 5) классификация и систематизация слов-репрезентантов концепта;
- 6) анализ речевых контекстов, отражённых в паремиологическом фонде языка, в различных текстах (художественных, публицистических и др.);
- 7) ассоциативный эксперимент для изучения реакций на вербальные обозначения концепта [Стернин 2001: 58–65].

Первые пять исследовательских процедур направлены на характеристику ядра концепта и проводятся обычно на материале лексикографических источников; последние две направлены на выявление интерпретационного поля концепта (периферии).

Свойства концепта обнаруживаются в семантике языковых репрезентантов данного концепта и в речевых контекстах.

В зависимости от компетенции исследователя для выявления этноспецифичности концепта может использоваться сопоставление с данными других языков, как правило, неродственных.

Сложная, «слоистая» структура концепта детерминировала построение описания концептов в словаре русской культуры «Константы» Ю.С. Степанова: слово, называющее концепт, исследуется, начиная с его этимологического значения, семантических характеристик до историко-культурного его описания [Степанов 2004: 43].

1.2.2. История изучения концепта «семья» в лингвистике

На протяжении последних двух десятилетий учёные проявляют живой интерес к концепту «семья». Концепт «семья» становится объектом исследования по следующим причинам. Во-первых, семья как социальный институт имеет большое значение в жизни каждого человека и любого народа. Во-вторых, на сегодняшний день наблюдается трансформация представлений о семье в языковом сознании наших современников. Исследования концепта

«семья» проводятся в рамках таких научных направлений, как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лингводидактика и др.

Одним из первых диссертационных исследований, посвящённых комплексному описанию концепта «семья», стала работа Е.В. Добровольской. На всех этапах анализа концепта «семья» автором привлекаются данные английского языка. Это позволило автору сделать вывод об этноспецифичности концепта в русской языковой картине мира: в русском сознании семья предстаёт как основа миропонимания и миропорядка [Добровольская 2005: 5].

В работе Ю.В. Железновой проведён лингвокогнитивный и лингвокультурный анализ концепта «семья» на материале русского и французского языков. Важным представляется одно из положений диссертации о том, что, несмотря на длительное существование концепта «семья», его нельзя считать сформировавшимся, потому что различные исторические сдвиги в обществе приводят к изменению концепта и, как следствие, к возникновению новых репрезентантов [Железнова 2009: 7].

Н.Н. Занегина описывает концепт «семья», опираясь на обширный языковой материал. Интересны наблюдения диссертанта, касающиеся новых производных единиц с компонентом *семья*: «в XX веке это, например, *семейственность* в значении ‘отношения на службе, основанные на предоставлении льгот и поблажек родственникам, друзьям и близким’, в конце XX – начале XXI века это сочетания *шведская семья, однополая семья, семья Ельцина* <в политическом контексте>» [Занегина 2011: 5].

Оригинальность исследования, предпринятого Д.В. Жигулиной, заключается в диахроническом подходе к описанию концепта «семья». Её работа выполнена по данным славянских памятников X – XIV вв. [Жигулина 2015].

Комплексный подход с позиций когнитологии позволил М.В. Матвеевой построить таксономическую модель концепта «семья». который последовательно представляет такие иерархические уровни, как род (клан) → племя → народность → народ → нация → метаэтнос (человечество) [Матвеева 2007: 10–11]. Как особенность данной работы следует отме-

тить привлечение идиоматического фонда польского языка, что позволило автору сделать вывод об общности репрезентации концепта «семья» в славянских языках.

Исследование Ани Рахмат базируется на паремиологическом фонде русского и индонезийского языков, репрезентирующем концепт «семья». Как в русском, так и в индонезийском языке названный концепт представляет собой совокупность микроконцептов «отец», «мать», «муж», «жена», «дети» [Рахмат 2013].

С.В. Белковский, анализируя концепт «семья» в текстах многотиражных изданий «Аргументы и факты» и «Комсомольская правда», отмечает тенденции изменения в ценностных ориентациях различных поколений. Под концептом в этой работе подразумеваются «семантические конструкты, которые обладают большой убеждающей силой» [Белковский 2013: 193]. Причину трансформации семейных ценностей автор видит в исторических изменениях XX – начала XXI веков, к которым относит распад российской и советской империи, формирование новой для России модели экономического устройства, включение страны в мировой рынок трудовых ресурсов.

Особый интерес представляют исследования, посвящённые изучению концепта «семья» на материале художественных произведений. Такие работы позволяют сравнить реализацию концепта в языке (некое усреднённое представление) и в индивидуально-авторской картине мира писателей.

В исследовании Г.Ш. Кузьминой представлен синергетический подход к описанию концептосферы С.Т. Аксакова как русской языковой личности. Диссертант моделирует концептосферу писателя через призму супер-концептов «пространство» и «время», обогащающихся новыми индивидуально-авторскими квантами знания в связи с концептом «семья» [Кузьмина 2005: 12]. В составленном на материале автобиографической диалогии частотно-сопоставительном словаре концепт «семья» и его репрезентанты наиболее частотны. Г.Ш. Кузьмина приходит к выводу о том, что семья в анализируемых произведениях выступает как неповторимая единица культу-

ры, в которой синтезируются духовное и материальное, соборное национальное сознание и индивидуальная личность.

С.А. Кушу, анализируя произведения адыгского писателя Т. Керашева, выделяет ряд базовых представлений, концептов адыгского народа, среди которых концепт «семья» («род»). Исследователь отмечает такие особенности данного концепта, как почтительное и уважительное отношение к старшему поколению родственников (дедушкам, бабушкам, родителям, братьям), суровое и строгое отношение к детям, а также угнетённое и неправомерное положение невестки, снохи [Кушу 2004].

В диссертационном сочинении Е.З. Киреевой охарактеризована вербализация представлений о семье в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» различными культурными кодами (антропоморфным, акциональным, анимическим, биоморфным, фетишным и религиозным). Автор отмечает, что данный роман, «как, впрочем, и любое произведение, является ответом на свою эпоху. Время, “когда все перевернулось и только укладывается”, знаменовало собой начало отхода от привычных, основанных на народных, представлений о роли и статусе семьи и брака. В свою очередь, роман стал средством формирования русской лингвокультуры в XX – начале XXI в.» [Киреева 2008: 76].

С.Ш. Схалыхова в концепте «брак», «семья» выделяет «три аксиологических центра: 1) ролевая ценностность самой семьи как таковой, 2) отношения между супругами, 3) отношения между родителями и детьми». Описание данного концепта проиллюстрировано примерами из произведений древнерусской литературы и русской классической литературы XIX века [Схалыхова 2008: 7].

В фокусе диссертационной работы Т.В. Пьянковой семья как художественный концепт и ассоциативно-семантическое поле в индивидуально-авторской картине мира ярких представителей женской прозы Л. Улицкой и Л. Петрушевской. В творчестве Л. Улицкой обнаруживаются четыре разных по объёму макрополя, репрезентирующих исследуемое текстовое ассоциа-

тивно-семантическое поле: 1) «Пространство семьи, домашний очаг»; 2) «Состав семьи»; 3) «Взаимоотношения в семье» (в его составе микрополя «Единство в семье», «Любовь членов семьи» и пр.); 4) «Время семьи» (в его составе микрополя «Время существования семьи», «Семейные традиции и обычаи», «Род, наследственность»). В творчестве Л. Петрушевской анализируемое текстовое ассоциативно-семантическое поле представлено такими макрополями, как: 1) «Любовь-ненависть в семье» (в его составе микрокомпоненты «Противоестественность любви» и «Одиночество, разъединенность»); 2) «Родственные отношения»; 3) «Пространство семьи»; 4) «Время семьи». Сопоставление названных макрополей в идиостиле Л. Улицкой и Л. Петрушевской продемонстрировало, что языковые единицы текстового ассоциативно-семантического поля «семья» лишь отчасти совпадают с единицами, составляющими текстовое ассоциативно-семантическое поле «Семья» в русском языке. Отличия зафиксированы и в наборе лексем, и их отнесённости к тому или иному микро- и макро полю [Пьянкова 2012]..

Очевидно, что концепт «семья» занимает центральное место в жанре семейных родословных. Их изучению посвящены также диссертационные сочинения А.А. Павловой и Н.Н. Рухленко. Согласно исследованию А.А. Павловой, концепт «семья», наряду с концептами «память», «имя», «добро» и пр., входит в систему концептов, регулирующих жанр внутрисемейных родословных [Павлова 2004]. Н.Н. Рухленко в структуре концепта «семья» выделяет слоты «семья как единый организм», «родители – дети» и «муж – жена». Диссертантом разработан и использован приём анализа взаимодействия и пересечения микрополей, образующих названные слоты [Рухленко 2005].

Для выявления национально-культурной специфики того или иного концепта учёные обращаются к данным других языков. В связи с этим многочисленны сопоставительные исследования концепта «семья», выполненные на материале русского на фоне иностранных (английского, итальянского, китайского, немецкого, турецкого) языков и языков народов России (адыгей-

ского, башкирского, ингушского, татарского) [Терпак 2006; Биктагирова 2007; Гуняшова 2007; Мержоева 2009 и др.]. Отдельно отметим работу У Синьюй, в которой концепт «семья» рассматривается с позиций лингвокультурологии и лингводидактики. Особое место в исследовании занимает аспект межкультурной коммуникации китайцев, овладевающих русским языком [Синьюй 2009]. Е.С. Баландина прослеживает динамику образа семьи в языковом сознании русских, англичан и американцев. Данные, полученные в ходе ассоциативного эксперимента, были сопоставлены с материалами русского и английского ассоциативных словарей [Баландина 2013]. С.А. Кидямкина описала семиосферу семейных аномалий, в число которых вошли одиночество, супружеская измена, развод. Актуальность предпринятого исследования обусловлена привлечением художественных произведений конца XX – начала XXI вв. [Кидямкина 2014].

Подводя итог обзора лингвистических исследований, посвящённых концепту «семья», отметим следующее:

- 1) при описании концепта «семья» и связанной с ней концептосферы исследователи чаще всего выступают с позиций когнитивной лингвистики;
- 2) с целью выявления национально-культурной специфики концепта учёные обращаются к материалам разных языков (как правило, неродственных, разноструктурных);
- 3) изучение репрезентации концепта «семья» в художественных произведениях вносит вклад в описание индивидуально-авторской картины мира писателей; при этом учёные делают выводы о наполнении концепта «семья» в языке и в сознании отдельно взятой языковой личности;
- 4) особую значимость имеют работы, описывающие трансформацию концепта «семья» в сознании наших современников. С одной стороны, они представляют собой синхронный аспект изучения данного концепта, с другой стороны, становятся отправной точкой для диахронического изучения концепта.

1.2.3. Обоснование концепции предпринятого исследования

Анализ теоретической и учебно-методической литературы по тематике исследования позволяет нам обосновать концепцию исследования.

На первом этапе мы раскрываем экстралингвистическое содержание представлений о семье в гуманитарном знании, на основании данных философии, социологии, психологии, педагогики, юриспруденции и пр., а также даем сопоставительное описание феномена семьи разных культурных традициях (европейской и китайской).

На втором этапе дается комплексное синхронно-диахроническое лингвокультурологическое описание концепта «семья». Сначала осуществляется этимологический анализ и рассматривается содержание этого концепта в истории русского языка. Далее анализируется семантическое наполнение концепта уже в синхроническом плане, по данным русских лексикографических источников, а также раскрывается специфика его языковой экспликации в словообразовательном, парадигматическом и синтагматическом аспектах.

Наконец, третий этап предполагает освещение языковой объективации концепта «семья» в современной русской речи (по контекстам, представленным в Национальном корпусе русского языка, верифицируются ранее выявленные когнитивные признаки концепта «семья» и анализируются лексико-семантические и словообразовательные инновации в дискурсной актуализации слов, воплощающих концепт «семья») и в современном русском языковом сознании (по результатам экспериментального исследования обобщаются данные по анализу ассоциатов на слова-стимулы *семья* и др.)

Выводы по содержанию I главы

Ведущая тенденция современной парадигмы гуманитарного знания – антропоцентризм в интерпретации реальной действительности. При таком

подходе язык и другие объекты гуманитарных исследований анализируются с точки зрения человека, с позиций особенностей проявления человеческой познавательной и оценивающей деятельности в мире, отражения опыта взаимодействия человека с внешней по отношению к нему действительностью.

В современном языкознании уже давно и прочно утвердилась идея о том, что именно язык поставляет самые надежные, самые объективные свидетельства о том, как человеку представляется окружающий его мир, собственная психическая деятельность, каковы особенности этнического взгляда на мир, идеалов и ценностей, установок поведения. Именно благодаря языку человек приобщается к образу мышления и национальному характеру своего народа, потому что, согласно традиции, идущей от В. фон Гумбольдта, язык — это и есть дух нации, это не просто лингвокогнитивный механизм выражения мысли, но и средство ее формирования. Мир видится человеком через призму этнического языка.

Основной категорией изучения и описания языковой картины мира является концепт. В определении названного понятия нет единообразия, но бесспорно одно: концепт воспринимается как комплексное, многомерное социопсихологическое и культурологическое образование, которое соотносится с коллективным и индивидуальным сознанием, сферой науки и искусства, бытовой сферой и т.д.

В настоящей работе концепт понимается следующим образом. Концепт — это лингвоментальное образование, выступающее как элементарное представление о каком-либо явлении внешней и внутренней действительности, которое отражает комплекс некоего знания о мире, ценностной реакции и поведенческой установки, имеет, как правило, образный характер и выражает закрепленное в языковой картине мира этноса устойчивое отношение к обозначаемому явлению.

Совокупность концептов именуется концептосфера, которая, в зависимости от типа обобщения, мыслится как национальная, социально-групповая

или индивидуальная (применительно к писателям — индивидуально-авторская).

В целом для функционирования концептов характерна интеграция в их концептуальное содержание принципиально разных типов информации: рационально-логической, конкретно-чувственной, наглядно-опытной, мифологической, религиозной, научной и пр.

Концептуальный анализ позволяет моделировать исследуемый фрагмент языковой картины мира, запечатлённый в сознании носителей языка. Концептуальный анализ представляет собой совокупность исследовательских процедур, направленных на анализ смыслов, передаваемых через значения языковых единиц, репрезентирующих концепт, и через речевые контексты.

Несмотря на существующие в науке о языке методологические расхождения, все исследователи сходятся в одном: концептуальный анализ представляет собой совокупность исследовательских процедур, направленных на выявление некоего экстралингвистического, ментального или культурного, феномена посредством интерпретации исходных языковых данных.

Одним из ключевых культурных концептов, как в общечеловеческом, универсальном, так и в идиоэтническом планах, является концепт «семья». Собственно лингвистическое исследование концепта «семья» началось сравнительно недавно. При описании концепта «семья» и связанной с ней концептосферы исследователи чаще всего выступают с позиций когнитивной лингвистики. Особую значимость имеют работы, описывающие трансформацию концепта «семья» в сознании наших современников. С одной стороны, они представляют собой синхронный аспект изучения данного концепта, с другой стороны, становятся отправной точкой для диахронического изучения концепта.

Несмотря на многочисленные исследования концепта «семья», остаются некоторые лакуны, восполнению которых посвящено настоящее исследование. Анализ теоретической и учебно-методической литературы по тематике исследования позволил нам обосновать его концепцию, которая состоит в

последовательном описании экстралингвистического содержания представлений о семье, собственно лингвистическом синхронно-диахронном анализе когнитивных признаков концепта «семья», исследовании речевой реализации лексем, воплощающих данный концепт в дискурсах разного типа, в экспериментальном подтверждении ранее полученных данных.

Данная концепция исследования последовательно воплощается в главах II и III настоящей работы.

ГЛАВА II. Концепт «семья» в синхронно-диахронном лингвокультурологическом описании

В соответствии с принятой концепцией исследования, в главе рассматривается экстралингвистическое содержание понятия семьи в мировой и отечественной культуре (раздел 2.1), раскрываются когнитивные признаки концепта «семья» по данным этимологии и истории русского языка (раздел 2.2), анализируется смысловое наполнение концепта по данным основных русских словарей, а также словообразовательные, парадигматические и синтагматические особенности его языковой экспликации (раздел 2.3).

Экстралингвистическое содержание понятия семьи, согласно замыслу нашего исследования, имеет два аспекта. Первый аспект — обобщенное междисциплинарное изучение отражения понимания семьи в разных научных областях гуманитарного знания, а именно — в философии, социологии, психологии, педагогике, юриспруденции и др. Второй аспект — это уже сопоставительное изучение культурной эволюции представлений о семье в европейской и китайской социокультурных пространствах.

Диахронический аспект изучения концепта «семья» проводится по данным этимологии и сравнительно-исторической характеристики развития семантического поля «семья», начиная с XI-XVII вв. через период XVIII и XIX вв. к советскому времени.

Собственно синхронический аспект изучения концепта «семья», согласно принятой концепции исследования, предполагает обобщение анализа лексикографических описаний лексем, воплощающих концепт «семья» в основных русских толковых словарях. Далее полученные данные дополняются исследованием словообразовательных, парадигматических и синтагматических связей и отношений между лексемами, воплощающими концепт «семья» в современном русском языке в качестве средств языковой экспликации указанного концепта.

2.1. Понятие семьи в экстралингвистическом освещении

Феномен семьи еще со времен античности находится в центре напряженной исследовательской мысли. В древнегреческой философии семья вообще полагалась как основа государственности, что видим еще у Аристотеля: «Уяснив, из каких элементов состоит государство, мы должны прежде всего сказать об организации семьи, ведь каждое государство складывается из отдельных семей. Семья в свою очередь состоит из элементов, совокупность которых и составляет её организацию. В совершенной семье два элемента: рабы и свободные» [Аристотель 2012: 26].

Этически ориентированный подход к взаимообусловленной связи семьи и государства находим у Платона, с его идеей важности «улучшения "человеческого материала", для чего законодательно устанавливался лучший с точки зрения опыта и данных тогдашней науки возраст для заключения брака и деторождения; кроме того, предусматривалась возможность развода по ряду оснований» [Платон 1998: 47–48]. Ср. также его мысли о государственном значении «правильного» брака: «Главное же в том, что брак становится действительно священным, его чистота охраняется законом, а нарушитель лишается всех “почётных гражданских отличий” как человек, действительно чуждый государству» [там же: 48].

2.1.1. Семья в современном гуманитарном знании (по данным философии, социологии, педагогики, психологии, юриспруденции)

В современном гуманитарном знании феномен семьи изучается с разных сторон во всех направлениях и научных дисциплинах. Ведь, действительно, у проблемы семьи есть самые разные аспекты: общефилософский, социальный, психологический, педагогический, также возможно изучение семьи с точки зрения истории и правоведения.

Для начала рассмотрим социологический подход к проблеме семьи, которая трактуется как «основанное на кровном родстве, браке или усыновлении (опекунстве) объединение людей, как правило, связанных отношениями собственности, общностью быта, взаимной ответственностью за воспитание детей» [Волков, Мостовая 2000: 422].

В «Кратком социологическом словаре» даётся следующее определение данного феномена: «Семья – супружеская пара, живущая вместе или отдельно от неженатых детей, либо отдельный родитель, проживающий с сыном или дочерью; малая социальная группа, основанная на браке, кровном родстве или усыновлении и связанная общностью быта, отношениями взаимопомощи и взаимной ответственностью» [Кравченко 2009: 249]. В «Российской социологической энциклопедии» семья определяется как «общественный механизм воспроизводства человека, отношения между мужем и женщиной, родителями и детьми, основанная на этих отношениях малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью» [РСЭ 1998: 462]. В «Энциклопедическом словаре» семья интерпретируется с позиции «общественной единицы, основанной на браке и отношениях кровного родства» [ЭС-III 1983: 197]. С точки зрения социологов, «брак – это исторически меняющаяся социальная форма отношений между женщиной и мужчиной, посредством которой общество упорядочивает и санкционирует их половую жизнь и устанавливает их супружеские и родственные права и обязанности» [Радугин А., Радугин К. 1995: 124].

Социологическая интерпретация семьи выходит далеко за рамки чисто супружеских отношений, поскольку в современных обществах, которые могут отличаться разными степенями патриархального подхода к семье, семья включает в себя сложно структурированное единство родственных и свойственных связей. Так понимаемая семья вписана в разные виды социальных институтов, и сама является определенным социальным институтом неформального, неинституционализованного типа, носителем и проводником определенных, ценностей и традиций, объектом общественного регулирования

через систему юридизированных и неюридизированных (этических) норм, конвенционально принятых в обществе.

В психологии семья определяется как основанное на кровном родстве, браке или усыновлении объединение людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью за воспитание детей [Лысова 2003: 119]. Семья как малая социальная группа отличается комплексом этических, психологических, ценностных и правовых отношений при наличии брачных или родственных связей и иерархической координации между ее членами [Целуйко 2006: 9]. Н.Н. Посысов считает, что «семья – это важнейшая форма организации личной жизни, вид социальной общности, малая группа, основанная на супружеском союзе, родственных связях или усыновлении, то есть на многосторонних отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями, сёстрами, другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство» [Основы психологии семьи 2004: 22].

В «Большом толковом психологическом словаре» представлена следующая информация, касающаяся феномена семьи: «1. В самом строгом значении термин «семья» относится к фундаментальной единице родства. В своей минимальной или ядерной форме семья состоит из матери, отца и потомства. В более широком использовании это может относиться к расширенной семье, которая может включать дедушку и бабушку, двоюродных братьев и сестёр, приёмных детей и т.д., которые все вместе действуют как отдельная социальная единица. У социологов и антропологов имеется множество других специальных классификаций для различных видов семей, согласно тому, как они представляются в различных культурах и обществах. 2. Более широкое значение – группа людей с близкими социальными или личными связями, даже если между ними нет никаких кровных связей. 3. Ещё более широкое значение – термин, применимый к любой совокупности близко или формально связанных предметов или событий; в математике это относится к семье кривых, в социальной психологии – к семье черт или отношений, в лингвистике – к семье языков и т. д. 4. В биологии – уровень классификации связанных

видов (или иногда отдельного вида), которые сгруппированы в определённом порядке» [БТПС-II 2000: 234].

Психология также рассматривает различные типы отношений между категориями семьи и брака. Эти категории находятся в отношениях пересечения: семья выступает как более глобальный феномен, который образуется необязательно на основе брака, однако брак не может существовать вне пространства семьи. Важно и то, что семья и исторически, и логически предшествует образованию государственных институтов, поскольку ее существование отвечает базовым, более глубоким межличностным потребностям человека, чем внешняя по отношению к человеку идея государства [Николаева 2013: 11].

Не менее важные аспекты семьи рассматриваются в рамках философии. Традиционно семья определяется философами как основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимной помощью [ФЭС 1983: 602]. В «Философском словаре» И.Т. Фролова находим следующее определение этого понятия: «Семья – вид социальной общности, важнейшая форма организации личного быта, основанная на супружеском союзе и родственных связях, то есть на многосторонних отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сёстрами и др. родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство» [ФС 1991: 403]. В «Новейшем философском словаре» представлена ещё одна дефиниция рассматриваемого понятия: «Семья – основанное на браке или кровнородственных отношениях объединение людей, связанное хозяйственно-бытовой общностью и взаимной ответственностью; первичная институционализируемая социальная форма совместной жизни людей» [НФС 1999: 1052]. В философской литературе присутствует и такая формулировка понятия «семья»: «Семья – элементарная ячейка общества, представляющая собой отношения между мужем и женой, родителями и детьми. Семья, как сложное социальное явление, включает в

себя не только естественные отношения между мужем и женой, но и экономические, и нравственные» [Моисеева, Деркач 2015: 43].

В представлении философа А.Г. Спиркина «семья – это первичная ячейка общества, объединяющая супругов и их потомство» [Спиркин 2000: 583]. Автор указывает также на то, что «семья – важнейший инструмент индивидуального становления личности: именно здесь ребёнок впервые включается в общественную жизнь, усваивает её ценности, нормы поведения, способности мышления, язык» [там же: 583].

В педагогике семья рассматривается как «основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью» [РПЭ-П 1999: 319]. В других словарях по педагогике мы находим аналогичные определения [ПЭЦ 2008: 257; ПБСЭ 2005: 523 и др.].

В юриспруденции представлено определение понятия «семья», которое отражает специфику данной отрасли науки: «Семья – это круг лиц, которые связаны личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака. Это малая социальная группа, объединяющаяся на основе родства, которая функционирует в рамках социально-биологических, хозяйственно-экономических, юридических, нравственных, психологических и культурных отношений и связей» [БЮЭ 2007: 544]. В «Юридической энциклопедии» находим следующее определение интересующего нас понятия: «исторически обусловленная социальная ячейка, основанная на брачных связях лиц, заключивших брак, и отношениях родства» [Тихомирова Л., Тихомиров М. 2006: 785].

Можно попытаться подытожить понимание семьи в разных областях гуманитарного знания, ведь у этого понимания и в социологии, и в психологии, и в философии, и в педагогике, и в юриспруденции намечается общее концептуальное зерно, которое можно сформулировать следующим образом:

— семья — это малая группа, основанная на браке или кровном родстве, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью, а также моральной и правовой ответственностью.

2.1.2. Семья в разных культурах: сопоставительный анализ понятия семьи в европейской и китайской традициях

В целях нашего исследования интересно сопоставить экстралингвистическое содержание понятия семьи, сложившегося в культурах с полярным типом мировоззрения, в аспекте вечной проблемы соотношения «Запад — Восток». Для примера рассмотрим представления о семье в китайской культуре и в современной западной культуре, а также в культуре русской, которая занимает определенное промежуточное положение в рамках указанной оппозиции восточных и западных культур.

Как известно, идеология конфуцианства с древнейших времен и по сегодняшний период занимает главенствующее место в любой области жизни в Китае. Поэтому совершенно логично, что конфуцианская идеология пронизывает и области семейных отношений.

Конфуций был убежденным государственным деятелем, и семья в его учении выступает как образ государства в миниатюре. Во главе этого маленького государства находится патриарх — отец, которому принадлежит право неоспариваемых решений во всех сторонах жизни семейства. Этот тип патриархальных отношений подкрепляется мифологическим прецедентом, освящается тысячелетними традициями и входит также в психотип китайца, который думает и ведет себя в соответствии с этими стереотипными установками, даже не отдавая себе отчет, почему он так делает.

Европейская семья, в свою очередь, во времена феодализма также была патриархальной, но в наши дни уже далеко ушла от этой модели. Для западной семьи сегодня характерно разрушение моральных устоев, отказ от традиций, сформированных в предыдущие хронологические периоды на ос-

нове жестких религиозных установлений христианства и культурных установок мифологического типа. В сегодняшней нуклеарной семье Европы, состоящей только из мужа, жены и одного-двух детей, меняется отношение к пожилым людям — старшим родственникам. Очень трудно представить себе в современной Европе деда или прадеда, беспрекословно диктующим социально полноценным и профессионально сложившимся сорокалетним детям, которые сами уже имеют детей, что делать и как вести себя во всех ситуациях. Скорее, напротив, этот дед или прадед окажется в комфортном доме престарелых и будет отключен от повседневной жизни и забот этой семьи.

В китайском культурном пространстве культ пожилых людей — главы семьи не претерпел особых изменений за тысячелетия. Главное отличие китайского идеала семьи — установка на сохранение и приумножение семьи. В этом, как и во времена Конфуция, видится залог процветания государства.

Учение Конфуция о семье, сформированное, как и вся государственная идеология конфуцианства, примерно в VI в. до н.э., не взялось ниоткуда. Оно основывается на культурных достижениях предыдущих эпох, Шань (Инь) и Чжоу, когда и были сформированы первоначальные китайские религиозные нормы семейных отношений. Именно тогда детально регламентированный культ предков, включающий в том числе и жертвоприношения, вошел в менталитет китайских людей. На этой базе сформировалась модель многочисленной семьи с большим количеством детей мужского пола, в задачу которых входило воспроизводство семьи за счет опять же рождения сыновей, поскольку дочери уходили из-за замужества в другую семью и, соответственно, способствовали уже ее процветанию.

Так, уже в эпоху Чжоу в Китае сформировался полноценный институт семьи, который, за некоторыми изменениями, благодаря конфуцианской традиции в качестве опосредующей культурной почвы, Далее в книге Конфуция «Лунь Юй» этот институт подвергается жесткой этической регламентации. В другой книге «Сяо Цзин» сформулированы, в частности, пять обязанностей сыновнего благочестия. Эта регламентация, правда, была не только этической:

она включала в себя определенные социальные правила и даже юридические нормы. Также на ее основе возникли и разнообразные китайские ритуалы и обряды, связанные с идеей семейного благоденствия.

В древнекитайской письменности слово *отец* обозначалось иероглифом, изображавшим руку, которая держит топор, – 父. В конфуцианской концепции семьи старшие члены семьи имеют право абсолютной власти над младшими, жена абсолютно подчиняется мужу. Это и есть модель государственного устройства, воспроизводимая на уровне семьи. Соответственно, книга «Сяо цзин» — это не только памятник идее семьи, но и одновременно пропаганда необходимости всеобщей социальной иерархии на уровне всего государства. Статус человека — это его возраст. Самый главный в иерархическом устройстве семьи и государства в Китае — это старик.

Итак, мы видим, как в Китае с древнейших времен формируется модель отношения государства и народа по принципу отношений отца и сыновей, т.е. по патриархально-семейному типу. Как мы покажем далее, при анализе «домостроя» и других источников, что-то подобное было и в истории России, когда отношения царя к непосредственно подчиненным и ко всем жителям страны также строятся по схеме отношений отца и детей.

Интересно, что в современной России, на уровне официальной семейной политики, этот тип отношений, конечно, не сохранился, потому что семья в России во многом теперь строится по образцам западной нуклеарной семьи. Но вот в неформальном межличностном общении отголоски этой патриархальной модели мы видим в принятой системе неформальных обращений даже к незнакомым людям посредством названия членов семьи: *брат (браток), отец, мать, внучок, внучка, дочка* и пр. Т.Б. Радбиль указывает, что в современной русской концептосфере очевиден «перенос патриархальной модели семьи на отношение к незнакомым людям, ко всему миру. Мир метафорически воспринимается как семья, как совокупность родственников» [Радбиль 2012: 217].

Итак, учение Конфуция сыграло определяющую роль в установлении в китайской культуре определенного параллелизма — правитель авторитарного государства = справедливый отец семейства, который хранит устои государства и семьи (что в менталитете древних китайцев было в общем одно и то же). То же видно и в истории российского самодержавия. По сути, Конфуций создал и легитимировал в сознании китайцев на протяжении многих столетий так называемую геронтоцентрическую парадигму семьи и государства, в которой предложил культурные модели почитания стариков и безусловной значимости долголетия. Образцами почитания старших, идеалы сыновнего подчинения отцу были проникнуты отношения между государем и народом как между отцом и детьми.

И в этом плане можно видеть определенное концептуальное расхождение в модели китайской и русской семьи. Китайская семья предполагает жестко регламентированные и освященные традицией отношения между ее членами с не менее жесткой вертикальной иерархией подчинения младших старшим. В русской модели акцент делается на неофициальных, неформализованных «задушевных» отношениях между всеми людьми мира, как это должно быть между членами семьи. Жесткой официализированной иерархии нет, всех объединяют отношения эмоциональной душевной близости. Не социально-иерархические отношения по типу государственного управления, а отношения эмпатии, искреннего взаимопонимания переносятся в русском культурном пространстве на всех встречаемых, на весь мир.

Определенные схождения и расхождения мы можем видеть и в ситуациях так называемого «вторичного» употребления терминов родства в русском и китайском языках.

В русском языке существуют 12 терминов родства, которые могут использоваться при обращении к неродственникам: **дедушка, бабушка, отец, мать, дядя, тетя, брат, сестра, сын, дочь, внук и внучка**. Как видно из списка, речь идет о всех пяти поколениях родственников. Вторичное употребление терминов родства можно разобрать на наглядном примере: «Сы-

нок, помоги мне, принеси воды, пожалуйста». Такое обращение уже идет не к родственнику или члену семьи, бабушка обращается не к своему родному сыну, а к какому-либо другому человеку и даже к незнакомцу. На этом и основано вторичное употребление терминов родства: человек, который заведомо не является родственником, оценивается по возрасту и полу, и делается умозаключение, кем бы он мог быть говорящему. Подобное употребление терминов родства помогает сократить дистанцию между говорящим и адресатом, делая их «роднее». Все вышесказанное касается только русского языка. Теперь рассмотрим данное лингвистическое явление на примере китайского языка.

В настоящее время вторичное употребление терминов родства в современном китайском языке насчитывает 21 термин родства. Давайте их рассмотрим: (老爹 *die*) отец, (爷 *ye*) дедушка, (奶奶 *nai nai*) бабушка, (伯 *bo*) дядя, (叔 *shu*) дядя, (伯母 *bo mu*) тетя, (妈 *ma*) мать, (娘 *niang*) мать, (婶 *shen*) тетя, (姨 *yi*) тетя, (兄 *xiong*, 哥 *ge*) старший брат, (嫂 *sao*) невестка, (姐 *jie*) старшая сестра, (弟 *di*) младший брат, (妹 *mei*) младшая сестра, (孙子 *sun*) внук, (老表 *lao biao*) кузен, (侄子 *zhi zi*) племянник (сын брата), (外甥 *wai sheng*) племянник (сын сестры), (姑奶奶 *gu nai nai*) сестра дедушки по отцу. (祖宗 *zu zong*) предки.

В русском языке такие слова и понятия родства применимы только для терминов кровного родства кроме «тетя» и «дядя». Например, «Внучок (сынок), помоги перейти через дорогу», «дяденька, дайте сто рублей», «бабушка, присаживайтесь». К незнакомцу нельзя обратиться как «золовка», «свояченица» или «деверь». Также в русском языке не используются названия родственников, принадлежащих к боковым линиям как племянник, кузен и др.)

В китайском языке вторичное употребление родства характерно не только для обращения к близким родственникам, они еще могут применяться как наименования различных родственников, принадлежащих к боковым ли-

ниям родства. Например: 外甥 (*wai sheng*) племянник, может служить для дружеского обращения к сыну друга; 外甥女 (*wai sheng nu*) племянница, дружеское обращение к дочери друга; 老表 (*lao biao*) кузин, дружеское обращение к близкому другу; 嫂子 (*sao zi*) невестка, дружеское обращение к жене друга; 伯母 (*bo mu*) жена старшего брата отца, дружеское обращение к женщине, которая старше своей матери и др. 姑奶奶 (*gu nai nai*) сестра дедушки по отцу (разговорный, уничижительный или лестный) — словоупотребление, используемое для девушки или женщины, которые претенциозны или которым трудно угодить; 祖宗 (*zu zong*) предки, переводится как "негодник" и используется старшим поколением для укора детям.

В русском языке пожилые люди часто испытывают потребность в близких, душевных отношениях. Поэтому они часто обращаются к незнакомому им человеку как «сынок», «дочка», «внучок» и т.д. Таким образом они подсознательно стремятся расположить к себе чужого им человека. Тем не менее, такие обращения к себе очень приятно слышать от незнакомых людей пожилого возраста. Стоит отметить, что в китайском языке вторичное употребление таких терминов, как 孙子 (*sun zi*) внук и 儿子 (*er zi*) сын – считается оскорблением, и имеет уничижительный оттенок.

В современном разговорном китайском языке вторичное употребление терминов родства используется в более широком диапазоне. Данное явление можно найти не только в разговоре между соседями, друзьями или незнакомыми людьми, но и в некоторых особых ситуациях. Например, между учителем и учеником, хозяином и слугой, чиновниками и простыми гражданами. Разберем конкретный пример: в китайском языке ученики при обращении к своим учителям обычно используют термин «*shi fu*» 师父, что переводится как "мастер-отец", а если у учителя есть жена, то ученики к ней обращаются «*shi mu*» 师母 – "мастер-мать". Данная традиция берет свое начало из древней китайской истории. В Китае даже существует поговорка: «Побыв один день учителем, получаешь уважение на всю жизнь как к родному отцу».

В русском языке такого выражения не существует. Еще один пример: в древнем Китае простой народ называл чиновников словом 父母官 «*fu tu guan*», что переводится как «чиновник-родитель», «родной чиновник», или же 老爷 «*lao ye*», что переводится как "старый дед". Китайские императоры иногда обращались к народу словом «*zi min*» 子民, что обозначает родственную связь между властью и народом, дословный перевод - "сыновья" или "дети". Китайские девушки называют друзей-парней, которые старше их, “братом” 哥哥 (*gege*).

Теперь рассмотрим половицы и поговорки в сравниваемых лингвокультурах. В китайских пословицах и поговорках зафиксированы следующие взаимоотношения членов семьи. Большое количество народных высказываний о главенстве мужа:

夫为妻纲 – Муж – руководитель жены;

在家从父, 出嫁从夫 – До свадьбы послушание отцу, а после свадьбы – мужу;

夫者, 妻之天也 – Муж – небо жены;

男主外, 女主内 – Муж отвечает за внешние дела, а жена – за внутренние;

父母在, 不远游, 游必有方 – Пока родители живы, не уезжай далеко, а если уехал, обязательно живи в определённом месте.

В китайском языке существует множество пословиц и поговорок, которые отражают китайский менталитет – стремление к семейной гармонии. Если в доме присутствует хорошая и доброжелательная атмосфера, то это помогает человеку добиваться успеха во всех делах.

Приведем примеры пословиц и поговорок в китайском языке на тему «семейной гармонии»:

一家安乐值千金 – Хорошая семья стоит больше, чем тысяча золота (бесценна);

家和万事兴 – Гармония в семье помогает во всех начинаниях;

家和日子旺– Если в семье присутствует хорошая и доброжелательная атмосфера, то каждый завтрашний день будет лучше вчерашнего.

В русском языке не очень много пословиц о главенстве мужа и тем более — деда. Большинство обнаруженных нами пословиц — именно о семейной гармонии:

Муж и жена — одна сатана.

Вся семья вместе, так и душа на месте.

Семья в куче - не страшна и туча.

В хорошей семье хорошие дети растут.

В семье дружат - живут не тужат.

Согласие да лад в семье клад.

Семья сильна, когда над ней крыша одна.

В семье и каша гуще.

Семейное согласие всего дороже.

Согласную семью горе не берет.

В семье согласно, так идет дело прекрасно.

Даже негативно-оценочные пословицы свидетельствуют о необходимости достижения лада в семье (при его отсутствии):

В недружной семье добра не бывает.

Когда нет семьи, так и дома нет.

Не будет добра, коли в семье вражда.

В семье разлад, так и дому не рад.

Намеки да попреки - семейные пороки.

Примечательно, что в китайской концепции семьи, из-за конфуцианской идеи параллелизма семьи и государства, семья становится вопросом социальным, ее процветание — дело всех членов семьи, а вопросы любви и заботы отходят на задний план. Отсюда — проблема выбора «правильного» мужа или «правильной» жены:

只要嫁得好，不要嫁得早 – Не выходи замуж слишком рано, а надо за правильного человека.

男怕入错行，女怕嫁错郎 — Мужчина боится выбрать неправильную профессию, а женщина- плохого мужа.

В мире русской культуры правильность или неправильность выбора мужа или жены, как правило, относится к области психологической совместимости, нравственной проблематики межличностных, опять же неформальных, взаимоотношений, но никак не социального преуспевания:

Женился на скорую руку, да на долгую муку;

Жениться не напасть, да как бы жениться, не пропасть;

Жениться не лапоть надеть;

Замуж выходи, в оба гляди;

Жениться - не воды напиться.

Концепция семьи, вполне в соответствии с конфуцианской идеологией, распространяется китайцами и на профессиональную сферу. Так, для китайца (как во многом — и для корейца, и для японца) руководитель предприятия — отец, а сама фирма — как семья:

一日为师，终身为父 – Один день учитель, пожизненно отец;

父母官 – Чиновник как родитель.

В русском языке мы не обнаружили подобных пословиц по поводу восприятия руководителя на работе как отца. Однако так может быть воспринят царь, не случайно в неформальной русской речи он именовался как *царь-батюшка*:

Царь-батюшка — надежда.

Государь-батюшка, надежда — православный царь.

Государь — батька, земля — матка.

Отсутствие царя тоже может мыслиться в русских пословицах в терминах семьи:

Без царя — земля вдова.

Таким образом, идеи Конфуция, сыгравшие ведущую роль практически во всех сферах жизни китайского общества, особое влияние оказали на формирование концепта «семья» в китайской культуре. В европейской культуре

определяющую роль сыграла религия, сначала католическая, потом — протестантская. В тех странах Европы, где парадигма протестантизма сменила католическую, отмечается серьезная тенденция к секуляризации семьи, к ее приспособлению к формату капиталистических, товарно-денежных отношений. На представления о семье в русской культуре повлияла отмечаемая многими исследователями оппозиция между официальной и неофициальной культурой, определенное противостояние между язычеством и христианством [Толстой 1995; Трубачев 2003; Радбильт 2012 и др.]. Русская также достаточно долго сохраняла свои патриархальные устои, что ярко видно по содержанию пословиц как носителей традиционных ценностей этноса, но все же и она в новое время сдает свои позиции в пользу семьи нового типа — ядерной семьи.

2.2. Когнитивные признаки концепта «семья» и его языковая объективация в истории русского языка

2.2.1. Концепт «семья» в русском языке XI–XVII веков

Такие явления, как семья, дом, природа и т.д. включены в когнитивную базу говорящих на различных языках, в том числе тех, кто говорит по-русски и по-китайски.

Объективация этих единиц национальной языковой картины мира осуществляется с помощью соответствующих лексем: «семья» — семья: «мать» — мать, «отец» — отец, «сын» — сын, «дочь» — дочь, «сестра» — сестра, «брат» — брат; «дом» — дом: «тепло, комфорт» — комфорт, частная собственность, семья; «природа» — природа: «человек» — человек, «животные» — животные, «растения» — растения и т. д. Это указывает на ценность этих реалий в жизни человека, независимо от того, к кому принадлежит лингвистическая культура

и являются фактами всеобщей картины мира и, следовательно, универсальны по своему характеру» [Карасик, Слышкин 2001].

Как отмечает Е.В. Добровольская, «именно эти национально-специфические компоненты, с одной стороны, доказывают наличие национальных когнитивных механизмов, активно участвующих в процессах концептуализации и категоризации действительности, с другой стороны, будучи объективированными и непосредственно наблюдаемыми, служат материалом для изучения ненаблюдаемого когнитивного мира человека, его структур и механизмов» [Добровольская 2005: 5].

Согласно принятой методике исследования, обратимся к историко-этимологическому комментированию слова – имени концепта «семья». В фокусе внимания этимологии находится лексика, формы и значения слов. Результаты этимологического анализа выявляют формальную и семантическую мотивацию слов, а следовательно, и способ постижения и концептуализации языковой общностью действительности.

По мнению О.Н. Трубачёва, в основе русского слова *семья* лежит праиндоевропейский корень **kei-* ‘лежать’». Этот корень в системе номинаций древних этносов обычно использовался для образования наименований селений, жилища, стоянок: ср. готск. *haims* ‘селение’, др.-исл. *heimr* ‘родина, мир’, нем. *heim* ‘дом, семейный очаг’ и др. [Трубачев 1959: 164–165].

Словарь П.Я. Черных приводит рефлексy этого корня в восточнославянских и южнославянских языках: укр. *сім'я́* (чаще *роді́на*), белорус. *сям'я́*, болг. *семе́йство*. В ряде других славянских языках это же значение передается лексемами с другими корнями: в сербскохорватском *породица*, словенском *družina*, чешском *rodina*, польском *rodzina* [ИЭССРЯ-II 1999: 154].

С другой стороны, в древнерусском языке фиксируется (XI–XII вв.): *сэмиі* со значением ‘челядь, домочадцы, рабы, семья, семейство’, *сэминский*, *сэміянинъ* ‘домочадец, слуга’, *сэминъ* ‘работник, слуга’ [МДСДРЯ-III 1958: 893]; в старославянском – *сэнь* ‘личность’, *сэмиі*, семья ‘домочадцы, рабы’ [ИЭССРЯ-II 1999: 154].

В русских диалектах интересно по своей форме и содержанию олонечное *семёюшка* : «ласкательное название для супругов; жена для мужа *семья*, и муж для жены то же; надёжной *семеюшкой* чаще зовут мужа» [Трубачев 1959: 164].

Другим учёным, подробно исследовавшим историю слова *семья*, является Б.А. Ларин. Он обнаруживает следующие рефлексy данного корня в балтийских языках: лит. *šeituna* ‘семья, родня, челядь’, латышское *sāite* ‘челядь, большая семья’ [Ларин 2013: 8]. Б.А. Ларин считал, что древнейшим значением этого слова является ‘круг людей, объединенных родственными связями’, при этом имеются в виду все родственники, даже отдаленные, т.е. речь идет о «задруге», «большой семье». Можно сказать, что речь идет о расширительном понимании семьи в условиях родо-племенного сообщества (*клан* в кельтских языках, или *род* в славянских языках). В эпоху разрушения родо-племенных связей, когда на смену им приходят отношения феодальной зависимости и жесткая регламентация общественных структур в связи с происхождением человека, *семья* обогащает свое содержание, включая в него представление о слугах, о челяди, о домочадцах, т.е. о людях, обслуживающих главу знатного семейства, но не связанных с ними родственными отношениями.

Анализ древнерусских текстов XVI–XVII веков позволил Б.А. Ларину обнаружить ещё три значения слова *семья*: из значения ‘хозяйственный коллектив из лиц родственных и неродственных’ путём метонимического переноса выделились следующие: ‘единомышленники, сговорившиеся и действующие заодно’ и ‘жена’. В настоящее время употребление *семья* в значении ‘жена’ встречается в диалектах и в устном народном творчестве [там же: 8].

Таким образом, историко-этимологический анализ показывает, что лексема *семья* имеет общеславянские корни и три исходных понятийных направления, основанных на метонимии: 1) группа живущих вместе родственников; 2) ‘группа людей, объединённых общими интересами’; 3) ‘жена.

В Средние века на концепт «семья» в русской культуре сильно повлияло православно-христианское мировоззрение. По мнению В.Н. Дружинина, «ни одна мировая религия не отводит столь важное место семье в системе вероучения, как христианство» [Дружинин 2005: 51].

Одним из источников, демонстрирующих объективацию концепта «семья» в истории русского языка, является памятник средневековой культуры XVI века «Домострой». У исследователей средневековой русской культуры давно сложилось представление, что «Домострой» выступает как базовый транслятор норм и ценностей, характерных в целом для русской языковой картины мира этого периода [Колесов 1994: 65–66]. По данным М.Г. Волотовой, в «Домострое» система концептов воплощается в виде системы ключевых понятий и образов, восходящих как к православию, так и к гражданской этике [Волотова 2013: 11]. Периферия концепта «семья» восходит к традициям православия. Во внешнем поведении все должно быть чинно, ступание кротко, глас умерен, слово благочинно. Не приветствовались смехотворения, песни, пляски и любые мирские потехи. По «Домострою», семья, весь семейный уклад – это не просто малая церковь, а малая обитель, с игуменом-мужем во главе. Весь распорядок дня, как и в монастыре – молитва и труд. Игры, любой досуг, особенно женский, осуждается.

Протоиерей Евгений Корчуков констатирует факт сильного влияния монашеского идеала на всю русскую цивилизацию и на семейный уклад в России в XIII–XVII веках в частности. В течение этого периода русское общество дышит идеалом монашеским, стремится устроиться по соответствующему образцу [Корчуков 2014: 101–102]. Семья устраивается как маленькая обитель. Позже в эпоху Петра I в России усиливается влияние западной религиозной и светской культуры, что сказалось и на принципах устройства семьи, семейных отношениях.

Исследователи отмечают, что в России долгое время функционировал особый тип семьи, в их терминологии — «расширенной» и «составной». Расширенная семья состоит из одной супружеской пары, вокруг которой

формируются родственники по данной линии. Составная семья обязательно включает в себя несколько супружеских пар (по линии мужа или жены) и их родственников: при этом существовала детальная регламентация роли всех родственников по каждой из ветвей (по мужу или по жене — девери, шурины, снохи, золовки и пр.), а также не-родственников (прислуги, приживалов, приемных детей и под.) [Вишневский 2008]. Русская семья описываемого периода вообще могла включать в себя несколько десятков человек, особенно если эта семья знатного и богатого человека.

Таким образом, ядро концепта «семья» в русском языке XI–XVII веков составляют концепты-номинации членов семьи: *муж – жена, отец – мать, дети (сын – дочь)* и т. д., а также *домочадцы*, под которыми подразумеваются не только дети, но и слуги. Семья являлась самой высокой ценностью и основывалась на таких понятиях, как вера, супружеский союз, полная покорность женщины, послушание и др.

2.2.2. Концепт «семья» в русском языке XVIII – начала XX веков

В начале XVIII в. в социокультурном пространстве России произошли коренные изменения, коснувшиеся как общественных укладов, так и области быта. Также для этого времени характерно усиление государственного начала во всех сферах жизни и определенная секуляризация духовной жизни русских людей, хотя также отмечается и определенное доминирование православной церкви в культурной среде народа. Все эти тенденции нашли свое отражение в знаменитом памятнике русской словесности — в книге «Юности честное зерцало».

Это произведение было создано предположительно по прямому указанию Петра I и вышла в 1717 году. В целях нашего исследования отметим, что данная книга, по сути, содержит свод регламентированных правил семейной жизни на всех возможных ее этапах, начиная со стадии самого образования

семьи. В книге прежде сего строго регламентируются нормы этикета для дворянский «отроков» (юношей) и «девиц» (девушек). Россия Петровской поры во многом ориентировалась на западные образцы политической, экономической, социальной жизни. Даная книга тоже, по сути, была вольным переложением соответствующих европейских источников применительно к реалиям российской действительности [Глебкин 2013: 111].

В книге уже заметен явный отход от традиционно-патриархального понимания семьи, основанного на православной традиции. На первый план выходит вполне светское понятие европейского типа — «кодекс чести дворянина», устанавливающее уже не сословно-коллективную, а индивидуальную ответственность дворянина за свое поведение, в том числе и в области семейных отношений. Дворянское в человеке вытесняет христианское. Служение благу государства превышает служения Богу. Но это касалось в основном молодых людей. К благочестию дворянских девушек требования оставались такими же строгими, как в «Домострое». Так, в главе «Венец девической чести и добродетелей, заключающийся в следующих двадцати добродетелях» встречаем следующий, вполне домостроевский список добродетелей: где идет перечисление добродетелей: *«Охота, и любовь к слову, и службе божьей, истинное познание бога, страх божий, смирение, призывание бога, благодарение, исповедание веры, почитание родителей, трудолюбие, благочиние, приветливость, милосердие, чистота телесная, стыдливость, воздержание, целомудрие, бережливость, щедрота, правосердие, и молчаливость, и прочая»*.

В.В. Глебкин пишет: «Женщины остаются за рамками социальной структуры петровской России, поэтому у них отсутствует сословная этика, формирующаяся у мужчин, и базовыми для них остаются христианские ценности, не зависящие от места в социальной иерархии. Женщины не попадают в поле начатых Петром преобразований, и модель их поведения оказывается вполне традиционной, следующей уже устоявшейся традиции» [там же: 113].

Содержание книги «Юности честное зерцало» демонстрирует преемственность с культурой XVII века и отсутствие кардинальных перемен в социально-бытовом и семейном укладе русских.

Следующий важный источник сведений о представлениях о семье встречаем уже через век, в словарях русского языка и в художественных текстах XIX в. Прежде всего это «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, который охватывает примерно состояние русской разговорной и книжной лексики, фразеологии и паремиологии в первую половину XIX в. Ср. толкование лексемы *семейство* ‘совокупность близких родственников, живущих вместе; в тесн. знач. родители с детьми; женатый сын или замужняя дочь, отдельно живущие, составляют уже иную семью’ [СД-III 1998]. Также в словаре даются следующие дериваты от слова *семья*:

семейный ‘к семье относящийся’;

семейно ‘всей семьей, в кругу своей семьи | людно, многолюдно’;

семейственные связи ‘семейные, родственные’;

семьянин ‘семейный человек; член семьи; у кого своя семья, человек с женою и с детьми’;

семейщина ‘совокупность всего семейного быта’;

семьянистый, семейстый ‘у кого большая семья’;

семьиться арх. ‘обзаводиться семьёю или жениться и водить детей’.

Анализ производных слов на базе лексемы *семья* будет подробно осуществлен в следующих разделах нашей работы. Здесь мы только выделим некоторые дериваты, которые отсутствуют в современном русском языке: *семейщина*, *семьянистый*, *семьистый*, *семьиться*, которые отражают представления о семье. Сложившиеся именно в тот хронологический период — важность представления о большой семье, о том, что в семье должно быть много детей. Также отметим наличие обобщающей абстрактно-собирательной лексемы *семейщина*, которая схватывает посредством единой словесной номинации целый комплекс связей и отношений, идей и представлений, формирующих целостный и многоплановый концепт «семья».

Пословицы В.И. Даля также отражают основные номинативные и оценочные смыслы, связанные с семьей в представлениях русского народа. Пословицы отражают вполне традиционные идеи о том, что в семье должен быть лад, что муж и жена должны уважительно относиться друг к другу и пр.:

На что и клад, коли в семье лад;

Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад;

Советно жить – время коротать;

Любовь да совет – так и нуждочки (и горя) нет;

Муж с женой ругайся, а третий не мешайся;

Своя собака лайся, чужая не впрядывай;

Жену с мужем некому судить, кроме Бога;

Муж с женой бранится, да под одну шубу ложится и т. д.

Именно представления о единстве семьи как об основе вообще жизни, и даже о ее смысле лежат во многих пословицах о семье — можно сказать, что русские пословицы передают коллективистское мироощущение, вообще присущее русской культуре, неприятие приоритета индивидуалистических устремлений над соборными, общими и под. :

Вся семья вместе – так и душа на месте;

Семья воюет, а один горюет;

Семейный горшок всегда кипит;

Семеро семейка – не скиснет горох;

В семье и смерть красна и т. д.

«У русских известна притча об отце, предложившем своим семи сыновьям сломать веник, чтобы показать им, насколько они сильны, пока живут вместе. В конце концов сыновья отказываются от идеи раздела» [СДЭС-IV: 616].

В пословицах закреплено главенство мужа в семье, например:

Муж в дому, что глава (что крест) на церкви;

Где муж, там и жена;

Без мужа, не жена;

Жена без мужа – всего хуже и др.

Ведущая роль жены рассматривается как отклонение от нормы и получает негативную оценку, например:

Худо дело, коли жена не велела;

Кто жене волю дает, сам себя окрадывает или бьёт;

Худо мужу тому, у которого жена большая в доме и др.

Большое количество пословиц, в которых описывается нежелательное поведение жены:

И дура жена мужу правды не скажет;

Муж не знает, где жена гуляет;

Железо уваришь, а злой жены не уговоришь;

Дважды жена мила бывает: как в избу введут, да как вон понесут

и т. д.

Русские пословицы отражают вполне патриархальный взгляд на супружескую измену, которая является простительной слабостью для мужа, но жестко осуждается для жены:

Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет;

Муж согрешил, так в людях грех, а жена согрешила, домой принесла.

При этом дается жестко негативная оценка разводу:

Женитьба есть, а разженишьбы нет;

Поп венчал – сам архиерей не развенчает.

И вполне закономерно, что хорошая жена расценивается как подарок судьбы, как благоволение Божие:

Умная жена, как нищему сума (все сбережет);

Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать;

С доброй женой горе – полгоря, а радость вдвойне и др.

В целом мы можем отметить, что пословицы в сборнике В.И. Даля отражают вполне традиционные представления русских людей о семье, о семейном счастье — согласии и ладе, о национальном идеале мужа и жены, об

иерархии отношений между мужем и женой, об оценочных реакциях на разные стороны семейной жизни.

В русской классической литературе XIX в. тема семьи также приобрела значительную разработанность. Возьмем в качестве примера роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (1873–1877), про который сам автор говорил о том, что в нем отражена «мысль семейная»: «Так в «Анне Карениной» я люблю *мысль семейную*, в «Войне и мире» любил мысль народную, вследствие войны 12 го года...» [Толстая 1978: 502].

Сопоставление разных моделей семьи и выявление причин разрушения семьи из-за распада нравственных укладов современного Толстому общества являются концептуальным центром романа. Широко известна первая фраза романа, которая составляет своего рода ключ для его дальнейшей интерпретации: «*Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему*». В современном русском языке данное предложение употребляется как афоризм и говорится в качестве совета рассмотреть конкретную причину разлада в семье.

О семье Стивы и Долли Облонских сказано: «*Все члены семьи и домочадцы чувствовали, что нет смысла в их сожителстве и что на каждом заезде люди, которые случайно сошлись, больше связаны между собой, чем они, члены семьи и домочадцы Облонских*».

Семья Карениных представляет другой тип отношений. Долли вспоминает, что, когда она находилась в Петербурге у Карениных, ей «*не нравился самый дом их; что-то было фальшивое во всем складе их семейного быта*». Для Каренина семья – это не тепло семейного очага или доверительные отношения между её членами, а прежде всего официально узаконенная форма отношений.

По мнению Л.Н. Толстого, для создания крепкой семьи мужчину и женщину, кроме искренней любви, должны связывать ещё и общие интересы, они должны быть единомышленниками.

Дом в романе является олицетворением семейного начала, он связан в сознании персонажей с представлениями об уюте, благополучии, счастье. Дом в значении 'человек' – древнейших языческий символ, возникший на основе другого символа: огонь – (а значит и домашний очаг) – душа человека. То есть дом как оболочка для очага ассоциировался с телом человека как оболочкой души [Афанасьев 1994: 197].

Дом – это средоточие семейных и культурных традиций. Анна об Облонском говорит: *«Эти люди делают неверности, но свой домашний очаг и жена – это для них святыня»*.

В целом надо отметить, что к концу XIX в. — началу XX в. в представлениях о семье в русском обществе подготавливаются существенные сдвиги. Для патриархальной семьи было характерно вступление в брак в раннем возрасте. Неженатые и незамужние воспринимались негативно, как ущербные нравственно и социально члены общества [Воронцова 2011: 71-72]. Однако со временем развития буржуазных отношений и распада традиционной модели семьи с большим количеством детей и других членов люди начали вступать в брак позже, увеличилось также число людей, которые не хотели вообще связывать себя узами брака, предпочитают внебрачную модель жизни. С этим же периодом связано и постепенное, пока еще робкое освобождение женщины от подчиненного положения в обществе и семье, от социального неравенства. Да и развод не воспринимается как жизненный крах, потому что брак во многом становится экономическим проектом, чем-то вроде удачной сделки или вложения капитала.

2.2.3. Концепт «семья» в русском языке XX века (в советский период)

Начало XX века ознаменовано для России большими социальными и политическими потрясениями, которые оказали влияние на семейно-бытовой уклад жизни населения страны.

С принятием в 1918 году «Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» акты гражданского состояния стали прерогативой гражданской власти – отделов записи браков и рождений. Бракосочетание по православному обычаю лишилось юридической силы. В ходе гонений на Церковь в советский период истории России, церковный брак был вытеснен гражданским.

После революции на модель патриархальной семьи в России обрушились волны критики. Официальные идеологи коммунизма были убеждены, что «в коммунистическом обществе вместе с окончательным исчезновением частной собственности и угнетения женщины исчезнут и проституция, и семья» (Н. Бухарин), что «место семьи как замкнутого мелкого предприятия должна занять законченная система общественного ухода и обслуживания» (Л. Троцкий).

Гражданская война принесла с собой массовые бедствия для людей: убитых на фронтах, расстрелянных, пропавших людей, прежде всего мужчин – отцов семейств – остались беспризорные семьи и дети, лишившиеся родителей. Такие дети, толпами бродившие по стране, назывались беспризорными, беспризорниками, безнадзорными. Новая советская власть сделала очень многое, чтобы устроить их – собрать под крыши, обогреть, накормить. И это удалось. Общий оптимистический настрой отразился в литературе: прежде всего в одной из первых книг на эту тему – «Республика Шкид» (1927) Леонида Пантелеева и Григория Белых. Оба автора сами были воспитанниками Школы им. Достоевского для беспризорных (откуда и сокращённое название учреждения – «Шкид»). Историки так характеризуют эту книгу: «С молодым задором, весело и откровенно юные авторы рассказали о том, как уходил в прошлое старый мир и в трудностях, в революционной борьбе рождался новый; о том, как из пестрого сборища бесшабашных бродяг, воришек и хулиганов вырос коллектив полноправных советских граждан» [цит. по: Степанов 2004: 815].

Вскоре появилось эпохальное произведение Антона Семеновича Макаренко «Педагогическая поэма» (1933–1935), основанная на фактах жизни трудовых колоний молодежи, полная оптимизма книга о практике и о теории трудового воспитания коллектива и человека в коллективе. Позднее (совместно с Г.С. Макаренко) А. Макаренко написал «Книгу для родителей» (1937). Применительно к советской идеологии проблема внутрисемейных отношений отцов и детей казалась решенной. Однако наступило время нового испытания для страны и советского человека – Великая Отечественная война, в результате которой многомиллионное население страны потеряло существенную часть мужчин трудоспособного и детородного возраста. Появились семьи без отцов. Функция главы семейства легла на плечи женщин.

Таким образом, общественно-политическая трансформация государства, социальные потрясения (революция, войны) первой половины XX века пошатнули традиционные патриархальные устои русской семьи.

Как было установлено Б.А. Лариным в исследовании, впервые опубликованном в 1951 году, в современном словоупотреблении сохранились пережитки таких значений слова *семья*, как ‘жена и дети’, ‘единомышленники’. Учёный приводит такие примеры: а) *бессемейный* ‘тот, у кого нет жены и детей’, б) *семейственность* ‘сплочение на основе родственных и дружеских отношений’. В советское время появились устойчивые словосочетания *семья народов, семья большевиков* [Ларин 2013: 9].

«Толковый словарь языка Совдепии», в котором зафиксированы советизмы – лексические единицы, отражавшие советские реалии, представляет следующие устойчивые обороты с лексемой *семья*:

[братская] семья наро́дов [СССР], [вели́кая, дру́жная] семья́ бра́тских (свободо́дных) наро́дов – ‘о населении Советского Союза’;

дру́жная семья́ бра́тских респуб́лик – ‘о Советском Союзе’;

в семье́ еди́ной – ‘в составе Советского Союза’;

чу́ство семьи́ еди́ной – ‘о братской дружбе народов СССР [Мокиенко, Никитина 2005: 381].

Как видно из приведённых значений, лексема *семья* с определениями преимущественно употреблялась как перифраза для номинации государства Советского Союза и его общественно-политического устройства. «В перифразе обычно содержится оценка обозначаемого... или какая-либо экспрессия... Есть и нейтральные перифразы – главным образом из сферы терминологии)» [Ларин 2013: 9]. В данных устойчивых сочетаниях, обозначающих Советский Союз, актуализирована положительная коннотация слова *семья*. Экспрессивно окрашенное словоупотребление характерно для языка советской эпохи в целом.

В семантике экспрессива отражается, как известно, не столько сам предмет, сколько отношение к нему человека. Внутреннее содержание экспрессивной лексической единицы, связанное с отражением отношения человека к реальной действительности, есть экспрессивность данной лексической единицы. То же характерно и для экспрессивного перифрастического сочетания. Сигнификат перифразы составляют те семантические элементы, которые актуализируются, выражают субъективное отношение к называемому.

Как отмечает Т.И. Бытева, «преобразованный сигнификат, или сигнификат в коннотативном ореоле перифрастического сочетания, отчётливо осознаётся и воспринимается, это то, ради чего перифраза создана. Отсюда чёткая семантическая определённость значения экспрессивной перифразы, в отличие от экспрессивного слова, особенностью семантики которого является распространённая диффузность» [Бытева 2008: 65].

Экспрессивное приращение в значении перифразы определяется коммуникативными условиями, коммуникативным намерением говорящего. Перифраза *семья народов* обладает положительным оценочным компонентом значения, так как она выражает суждение о том, что она обозначает, то есть одобрение.

Приведём примеры из **Национального корпуса русского языка**, относящиеся к периоду существования Советского Союза и постсоветской эпохи.

Вместе с тем Советский Союз представляет собой монолитную семью народов, великое несокрушимое содружество наций. (обобщенный. За активную предвыборную пропаганду // «Наука и жизнь», 1950)

Не найдется более безумца, который бы дерзнул ополчиться на Русскую Землю, на союзную семью народов, дружно слившихся на священной, единой целине. (Н.К. Рерих. Листы дневника (1943)) – ‘о Советском Союзе’;

Вот почему свою творческую биографию Эльфрида Яновна исчисляет с 1940 года, с того года, когда латышский народ вступил в братскую семью народов СССР. (Р.А. Пелше. Слово о наших кандидатах. Эльфрида Яновна Пакуль (1950.03.04) // «Советское искусство», № 10 (1202), 1950) – ‘в составе Советского Союза’;

Теперь главной задачей было сохранить малые народы, чтобы они влились в большую, единую и счастливую «семью народов». (Валерий Писигин. Письма с Чукотки // «Октябрь», 2001) – ‘о населении Советского Союза’;

Когда в 1936 году было опубликовано стихотворение П. Тычины «Чувство семьи единой», его название сразу же стало крылатым — настолько метко определил выдающийся украинский поэт святое чувство единения народов нашего государства. (Ф. Покровский. И классика, и современность // «Огонек», 1980) – ‘о братской дружбе народов СССР’.

В современном русском языке в связи с тенденцией к негативной оценке советской эпохи данное перифрастическое сочетание часто имеет отрицательную коннотацию, используется для осмысления советского прошлого сквозь призму иронии и сарказма.

Прибалтика бодро вливалась в дружную семью народов. (Ирина Ратушинская. Одесситы (1998));

В дружной семье народов СССР их называли не иначе, как «лица еврейской национальности». (Евгений Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999–2000));

С детства нас учили, что мы живем в одной большой и дружной семье народов, где равные права и уважение имеют и русский, и грузин, и армянин,

и представитель любой другой национальности. (Арсений Петров. Дружные танцы (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.05.16).

Для исследования функционирования концепта «семья» в советский период важен и другой языковой факт, который получил широкое распространение в эту эпоху. Речь идёт о перифразе *ячейка общества*, употреблявшейся в значении ‘советская семья’: *Семья становится естественной первичной ячейкой общества, тем местом, где реализуется прелесть человеческой жизни, куда приходят отдыхать победные силы человека, где растут и живут дети – главная радость жизни.* (А.С. Макаренко. Книга для родителей (1937)).оборот ячейка общества так же зафиксирован в «Толковом словаре языка Совдепии» [Мокиенко, Никитина 2005: 482].

Этот языковой факт советской эпохи свидетельствует о том, что представления о функции семьи дополняются новым принципом – семья для государства.

Замечено, что «власти очень скоро научились использовать громкое морализирование в патриархально-семейном духе, что позволяло бесцеремонно вмешиваться в жизнь семьи: морализаторскими заклинаниями сопровождался запрет аборта, ограничение разводов, непризнание незарегистрированных браков, повышенное внимание к «моральному облику» при назначении на «ответственные» должности, вмешательство «общественности» в семейные дела, преувеличенное целомудрие официального искусства» [Вишневский 2008].

В современном русском языке оборот *ячейка общества* часто употребляется вместо слова *семья* как его синоним:

– *В бар надо ходить семьями,* – объяснил свой способ укрепления *ячейки общества* преуспевающий менеджер Маленков. (Рустам Арифджанов, Василий Гулин. 14 способов укрепления семьи (1997) // «Столица», 1997.07.15);

Семейный портрет на киноэкране: как выглядит ячейка общества в самых модных фильмах сезона? (Виктория Никифорова. Папа, мама, я – однополая семья // «Знамя», 2006);

Современная “ячейка общества” тяготеет к закрытости и “отдельности”. (Анна Варга. Аксиомы родителей детям больше не нужны // «Октябрь», 2008).

Авторы приведённых контекстов используют оборот *ячейка общества*, чтобы избежать лексического повтора. Здесь данная лексическая единица стилистически немаркированная.

Наряду с нейтральным словоупотреблением встречаются следующие коннотативные значения:

– одобрение: *У них дружная семья, настоящая ячейка общества*. (Андрей Белянин. Свирепый ландграф (1999)); *Их внесли в кассу около трех десятков женихов и невест, которые с помощью Виолетты Павловны обрели свое счастье и образовали ячейки общества – семью*. (Сергей Романов. Парламент (2000)); *И у нас будет не крепкая ячейка общества, а воскресная семья какая-то*. (Светлана Авербух. Папа на час (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.12.19);

– противопоставление формального, социального *ячейка общества* и душевного, интимного *семья*: *Мы хотим, чтобы наша семья была не просто ячейкой общества, а пространством взаимной любви и поддержки, а ребенок – не данью традиции или уступкой биологическим часам, а следствием сознательного желания быть родителем*. (Андрей Беспалов. Как дела у 25-летних? // «Психология на каждый день», 2010);

– противопоставление прошлого и настоящего: *Парад мертвых душ начинается с незыблемой ячейки бывшего советского общества – семьи*. (Раиса Шиллимат, критика на: Андрей Кучаев. «Sex Libris» // «Зинзивер», 2011).

Приведённые контексты употребления оборота *ячейка общества* в современном русском языке демонстрируют отношение говорящего, его оценку означаемого данным оборотом. В самом обороте выражается отношение к семье в советском обществе как социальному, общественному институту, лишённому личностного, индивидуального начала.

В «Толковом словаре языка Совдепии» слово *династия* даётся со значением 'ряд поколений, передающих из рода в род профессиональное мастерство' и имеет помету «одобрительно» или «патетически»; приводятся устойчивые обороты *рабочая (трудовая) династия* 'патет. О династии, включающей представителей рабочих профессий' и *династия труда* 'патет. о рабочем классе'[Мокиенко, Никитина 2005: 121–122]. По поводу переосмысления и употребления слова *династия* с новыми значениями в советскую эпоху писал И.Ф. Протченко: «Применительно к новым условиям жизни переосмыслены, например, слова: *династия (династия рационализаторов, чабанская династия, династия педагогов, династия шахтеров)*» [Протченко 1975: 114]. На это же указывал В.В. Колесов: «В 30-е годы на Донбассе переосмысляются значения слов *потомственный, знатный, династия*, прежде связанные с родовой знатью: естественная попытка приспособить старые слова для новых целей» [Колесов 1998: 119].

Приведём примеры употребления слова *династия* в художественной литературе и публицистике советского периода:

А с Бориса начнётся новая династия – Назимовых-авиаторов. (Н.Н. Шпанов. Домик у пролива (1930));

Известна научная династия французских физиков Беккерелей. Глава этой династии – Антуан Сезар Беккерель (1788–1878) – занимался вопросами фосфоресценции, флюоресценции, термоэлектричества и кристаллооптики. (В. Кошманов. «Семейственность» в науке // «Техника – молодёжи», 1976);

Что же, на этом прекратилась рабочая династия семьи Папугиных на Трехгорке? (М. Иванов. Судьба рабочей семьи // «Человек и закон», 1977);

Предки Вильямса – шахтеры, династия шахтеров, люди храбрые, для которых земля и ее недра были одновременно силой грозной и доброй. (С.А. Дангулов. Вильямс (1981));

Я расскажу о пиротехнической мастерской Харьковского парка культуры и отдыха имени Горького. Руководит ею долгие годы «династия»

Давтянов. Еще в 1926 году очаровало 14-летнего Сережу Давтяна искусство заезжего пиротехника Роджери. (Э. Звоницкий. «Раскаты гордого салюта» // «Наука и религия», 1985).

Слово *династия* активно употребляется и в современном русском языке с одобрительным коннотативным значением:

На весь мир прославилась династия швейцарских ботаников Декандолей. (Семен Шноль. Михаил Семенович Цвет (1872–1919) // «Знание – сила», 1997);

Наша семейная династия тимирязевцев насчитывает сегодня 11 человек. (коллективный. Неделя. Письма // «Огонек», 2015).

Господствующая идеология формировала образ счастливой и дружной советской семьи как основной ячейки общества (сложилась раслененная номинация *коммунистическая ячейка общества*). Параллельно с семейными отношениями, причудливо с ними переплетаясь, возводились в ранг идеала и трудовые подвиги, что нашло свое выражение в такой мифологеме советского общества, как «трудовая династия». Создавалась и советская семейная обрядность, что находило отражение в таких ритуалах, как *комсомольская свадьба, советская семья*, т. п.

Таким образом, необходимо отметить, что в каждую историческую эпоху когнитивные признаки концепта «семья» и его объективация претерпевают изменения. В первой половине XX века пошатнулись представления о семье как патриархально организованном сообществе с главенствующей ролью мужчины, которая просуществовала много столетий. Она не менялась по своей сущности, но социальные потрясения этого периода истории стали предпосылкой для формирования нового типа семьи – ячейки общества, где все члены имеют равные права и свободы. На семейный уклад советской семьи оказали влияние культурные и мировоззренческие изменения, происходившие в обществе.

Подведем предварительные итоги.

В каждую историческую эпоху когнитивные признаки концепта «семья» и его объективация претерпевают изменения.

В русском языке XI–XVII веков ядро концепта «семья» составляют концепты-номинации членов семьи: *муж – жена, отец – мать, дети (сын – дочь)* и т. д., а также *домочадцы*, под которыми подразумеваются не только дети, но и слуги. Семья являлась самой высокой ценностью и основывалась на таких понятиях, как вера, супружеский союз, полная покорность женщины, послушание и др.

К концу XIX в. — началу XX в. в представлениях о семье в русском обществе подготавливаются существенные сдвиги. Для патриархальной семьи было характерно вступление в брак в раннем возрасте. Неженатые и незамужние воспринимались негативно, как ущербные нравственно и социально члены общества. Однако со временем развитием буржуазных отношений и распада традиционной модели семьи с большим количеством детей и других членов люди начали вступать в брак позже, увеличилось также число людей, которые не хотели вообще связывать себя узами брака, предпочитают внебрачную модель жизни. С этим же периодом связано и постепенное, пока еще робкое освобождение женщины от подчиненного положения в обществе и семье, от социального неравноправия.

В первой половине XX в. пошатнулись представления о семье как патриархально организованном сообществе с главенствующей ролью мужчины, которая просуществовала много столетий. Социально-общественные потрясения этого периода истории стали предпосылкой для формирования нового типа семьи – ячейки общества, где все члены имеют равные права и свободы. На семейный уклад советской семьи оказали влияние культурные и мировоззренческие изменения, происходившие в обществе. Концептуальное значение слова *семья* расширяется до государственного масштаба (*братская семья народов СССР, дружная семья братских республик, в семье единой* и т. д.).

Как отметил Б.А. Ларин ещё в середине XX века, слово *семья* имело сложнейшую историю употребления, его значение сильно менялось и нико-

гда не было узким и простым [Ларин 2013: 9]. Концептуальное содержание понятия *семья* продолжает своё развитие и в наши дни.

В соответствии с принятой концепцией исследования, описание концепта должно быть синхронно-диахронным. Поэтому исследование этимологических и историко-лингвистических особенностей эволюции концептуального содержания семьи необходимо дополнить синхроническим анализом современных лексикографических источников, а также словообразовательных, парадигматических и синтагматических особенностей языковой объективации концепта.

Рассмотрению когнитивных признаков концепта «семья» и его объективации в современном русском языке посвящен следующий раздел 2.3 данного диссертационного исследования.

2.3. Когнитивные признаки концепта «семья» и его объективация в современном русском языке

2.3.1. Семантическое наполнение концепта «семья» в современном русском языке (по данным лексикографических источников)

В соответствии с принятой в нашем исследовании методикой концептуального анализа в настоящем разделе выявим семантическую структуру концепта «семья» в русском литературном языке по данным современных толковых словарей.

Рассмотрим значения лексемы *семья*, представленные в толковых словарях современного русского языка.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой даётся 3 значения этой лексемы: 1. ‘Группа живущих вместе близких родственников’. 2. *Перен.* ‘Объединение людей, сплоченных общими интересами’ (*высок.*). 3. ‘Группа животных, птиц, состоящая из самца, самки и дете-

нышей, а также обособленная группа некоторых животных, растений или грибов одного вида'. ♦ Семья языков – в языкознании: группа родственных языков. || уменьш. *смейка* (к 1 и 3 знач.). || прил. *смейный* (к 1 знач.) [СО 1999: 811].

Согласно названному словарю, слово *семейство* имеет два значения: 1. 'То же, что семья (в 1 знач.)'. 2. 'В систематике животных и растений: группа из нескольких родов, сходных по строению и близких по происхождению'.

В «Толковом словообразовательном словаре русского языка» И.А. Ширшова представлены следующие дефиниции слова *семья*: 1. 'Группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе'. 2. *Перен.* 'Группа людей, объединённая общей деятельностью, общими интересами'. 3. 'Группа животных, состоящая из самца, самки и детёнышей, живущих вместе'. 4. *Лингв.* 'Группа родственных языков' [ТССРЯ 2004: 787].

В названном словаре приводятся 11 дериватов от лексемы *семья*: *семейка*, *семейный* (прил.), *семейный* (сущ., например: *санаторий для семейных*), *бессемейный*, *по-семейному*, *семейно*, *семейство*, *семейственный*, *семейственность*, *семьянин*, *семьянинка*. Для слова *семейство* даны те же толкования, что и в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой.

В лексикографическом источнике «Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения» Г.Я. Солганика названы два значения слова *семья*: 1. 'Группа живущих вместе родственников (муж и жена, родители с детьми)'. 2. *Перен., позит., высок.* 'Единство, объединение людей, сплочённых общими интересами' [ТС-ЯГРТ 2008: 593].

В отличие от других лексикографических источников в словаре Г.Я. Солганика приводится 4 значения слова *семейство*: 1. 'То же, что семья (в 1 знач.)'. 2. 'Общая категория в систематике растений и животных, объединяющая близкие по происхождению роды (растений и животных)'. 3. 'Группа машин, приборов, аппаратов и т. п., объединённых рядом важных

сходных качеств'. 4. *Ирон.* 'О группе государств, которых объединяют общие интересы, цели и т. п.' [там же: 592].

В «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» зафиксировано следующее значение слова *семья*: *Семья* [С прописное или строчное]. *Публ. Неодобр.* О ближайшем окружении Б.Н. Ельцина, сформировавшемся в высших властных структурах России в последние годы его президентского правления (1991–1999 гг.).

– На Сицилии «семьей» называют мафию [ТСРЯ-XXI 2008: 902-903].

На это же значение указывается в книге Г. Гусейнова «Нулевые на кончике языка: Краткий путеводитель по русскому дискурсу»: «В политическом лексиконе нулевых под «Семьей» понимают <...> семью и ближайшее окружение Бориса Ельцина – от Бориса Березовского, который вошёл в ближайшее окружение тогдашнего президента России, до Валентина Юмашева» [Гусейнов 2012: 109]. Употребляя слово *семья* в данном значении, автор использует кавычки.

Сравнения занимают особое место в языке. Оно выражает более общий когнитивный механизм аналогии, посредством которой человек вообще способен понять что-то новое в опыте своего взаимодействия с внешним миром, только сопоставив это с чем-то уже известным. Также сравнение выступает образным средством характеристика вещей и явлений окружающего мира. В.М. Мокиенко отмечает, что «экспрессия сравнений основана прежде всего на том, что их образы черпаются из наиболее актуальных и традиционных сфер жизни и деятельности человека. Чтобы быть ярким, образ должен являться актуальным (общепонятным) и зримым. Вот почему ядро многих сравнений составляют образы животного и растительного мира, традиционного крестьянского быта, производственной деятельности человека» [Мокиенко 2003: 3].

В целях нашего исследования особенно важны так называемые устойчивые формулы сравнения, которые опираются на многовековой опыт интроспекции этноса, на его ценности и идеалы, жизненные установки, хотя грань

между свободными и устойчивыми сравнениями не всегда возможно установить с достаточной четкостью: «Очевидно, что границы между сравнениями устойчивыми и свободными весьма проницаемы, поэтому произвести точный подсчёт устойчивых сравнений в языке не представляется возможным» [Лебедева 1996: 4-5].

Все сравнения с компонентом «семья», зафиксированные в «Словаре сравнений русского языка» В.М. Мокиенко, имеют помету «одобрительно», другими словами, эти сравнения обладают положительной коннотацией:

Жить одной семьёй. Одобр. О людях, живущих дружно, в полном согласии, взаимопонимании и единстве.

(жить, держать себя) Как одна семья. Одобр. То же, что *Жить одно семьёй*.

Работать как одна семья. Одобр. О дружной, согласованной и слаженной работе какого-либо коллектива [Мокиенко 2003: 385–386].

Таким образом, обобщая данные лексикографических источников, можно выявить следующие значения лексемы *семья* в современном русском языке, включая выявленное ранее этимологическое значение, связанное с идеей дома, вообще — места для проживания людей, которые объединены в какую-то общность — родовую, племенную, клановую и пр.:

1. Близкие родственники (*муж, жена, отец, мать, дети, сын, дочь* и т. д.).
2. Люди, объединенные совместным проживанием (*домочадцы*, под которыми подразумеваются не только члены семьи, но и слуги, домашние животные).
3. Ряд поколений, передающих из рода в род мастерство, трудовые традиции.
4. Ряд монархов из одного и того же рода, сменяющих друг друга на престоле по праву наследования.
5. Люди, объединенные общими интересами, общей деятельностью.

6. *Биол.* Обособленная группа некоторых животных, насекомых, растений или грибов одного вида.

7. Группа машин, приборов, аппаратов и т. п., объединённых рядом важных сходных качеств.

8. *Полит., публ.* Ближайшее окружение Б.Н. Ельцина, сформировавшееся в высших властных структурах России в последние годы его президентского правления (1991–1999 гг.).

9. *Лингв.* Группа родственных языков.

Также считаем необходимым добавить в этот список когнитивный признак, возникший в результате смыслового расширения лексемы *семья* применительно к этическим или социальным образованиям в устойчивых сочетаниях тип *семья братских народов* в дискурсе СМИ или политическом дискурсе. На этом основании мы можем сформулировать еще один когнитивный признак:

10. *Полит., публ.* Совокупность этнических или социальных образований, объединенных дружескими связями (*перен.*).

Базовый смысловой объем концепта «семья», таким образом, составил 10 когнитивных признаков.

Все эти значения можно сгруппировать вокруг следующих базовых смысловых пластов в концептуальном содержании «семья»: I. Общее происхождение. II. Совместное проживание. III. Общность интересов, деятельности.

Таким образом, мы можем сформировать семантическую структуру концепта «семья» в его базовой части (см. табл. 2.1).

Таблица 2.1.

Семантическая структура концепта «семья» (базовая часть)

Общее происхождение	Общность интересов, деятельности	Совместное проживание
3. Ряд поколений, передающих из рода в род мастерство, трудовые традиции.		2. Совместное проживание (<i>домочадцы</i> , под которыми подразумеваются не только члены семьи, но и слуги, домашние животные).

4. Ряд монархов из одного и того же рода, сменяющих друг друга на престоле по праву наследования.		
	10. Совокупность этнических или социальных образований, объединенных дружескими связями	
1. Близкие родственники (муж, жена, отец, мать, дети, сын, дочь и т. д.).	5. Общие интересы, деятельность.	
6. Биол. Обособленная группа некоторых животных, насекомых, растений или грибов одного вида.	7. Группа машин, приборов, аппаратов и т. п., объединённых рядом важных сходных качеств.	
9. Лингв. Группа родственных языков.	8. Полит., публ. Ближайшее окружение Б.Н. Ельцина, сформировавшееся в высших властных структурах России в последние годы его президентского правления (1991–1999 гг.).	

2.3.2. Особенности языковой экспликации концепта «семья» в современном русском языке (словообразовательный, парадигматический, синтагматический аспекты)

В соответствии с принятой концепцией исследования, на данном этапе описания концепта «семья» последовательно освещаются словообразовательные, парадигматические и синтагматические связи и отношения между словами — репрезентантами анализируемого концепта.

Словообразовательные особенности языковой объективации концепта «семья». Описание словообразовательных особенностей языковой объективации концепта заключается в анализе семантики производных слов, входящих в словообразовательное гнездо с вершиной *семья*. Это позволит обогатить и уточнить набор выявленных ранее когнитивных признаков. Словообразовательное гнездо моделируется по данным «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова [СТ 1985], «Толкового словообразовательного словаря русского языка» И.А. Ширшова [ТССРЯ 2004]. Оно гра-

фически представлено на **Схеме.2.1**. Оно содержит 13 производных слов разной степени производности:

СЕМЬ-Я → семей-К-а		
→ семей-СТВ-о	→ семейств-ЕНН-ый	→ семейственн-ОСТЬ
	→ ПОД-семейство	
→ семь-ЯНИН	→ семьянин-К-а	
→ семей-Н-ый	→ семейн-ОСТЬ	
	→ ПО-семейн-ОМУ	
	→ семейн-О	
→ БЕС-семей-Н-ый	→ бессемейн-ОСТЬ	

Схема 2.1.

Словообразовательное гнездо с вершиной СЕМЬЯ.

В словообразовательном гнезде представлены слова следующих частей речи — существительные, прилагательные и наречия. Примечательным фактом является отсутствие глагольных дериватов, что свидетельствует о том, что в русской языковой картине мира концепт семьи не может осмысляться в процессуальных параметрах. Рассмотрим основные производные слова гнезда с целью уточнения и возможного расширения набора выявленных ранее когнитивных признаков для концепта «семья».

Большинство дериватов — это существительные, отражающие разные аспекты общего понятия о семье. Слово *семейство* было проанализировано выше, в предыдущем подразделе 2.3.1: «1. ‘То же, что семья (в 1 знач.)’. 2. ‘В систематике животных и растений: группа из нескольких родов, сходных по строению и близких по происхождению’» [СО 1999]. Также важно смысловое расширение для слова *семейство*, которое может означать и ‘группа машин, приборов, аппаратов и т. п., объединённых рядом важных сходных качеств’ [ТС-ЯГРТ 2008: 593]. В биологии на базе *семейство* развился дериват *подсемейство*, означающий подвид в классификации биологических существ или объектов (но это значение указано в словарях как специальное).

В возвышенном стилистическом употреблении слово *смейство* приобретает значение 'Единство, объединение людей, сплочённых общими интересами' [ТС-ЯГРТ 2008: 593]. Это свидетельствует о закреплении в языке положительно-оценочного потенциала для общеупотребительного нейтрального *семья*. Другую сторону оценочного потенциала развивает дериват *смейка*, который, чаще всего, отражает не просто уменьшительное значение к *семья*, но и выражает разного рода негативные оценки смысла – пренебрежительные, уничижительные, иронические (ср., например, *Ну и смейка!*).

Субъектную сторону концепта «семья» воплощают дериваты *смейянин* и реже употребляющееся *смейянинка*. В плане развития положительно-оценочного потенциала концепта важно, что это слово вовсе не всегда означает 'член семьи', но имеет чаще всего оценочно-нормативное значение соответствия идеалу, нормам, правилам, принятым в культурой среде этноса. Так, в словаре Т.Ф. Ефремовой отмечается, помимо значения 'тот, кто имеет семью', значение 'тот, кто обладает необходимыми для семейной жизни качествами' [СЕ-III 2000]. Показательно, что в МАС как устаревшее отмечается значение 'семейный человек' [МАС-IV 1984], а словаре Т.Ф. Ефремовой устаревшим значением именуется значение 'член семьи'. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, отражающем более современную стадию развития языка, на первое место выводится именно значение 'тот, кто обладает необходимыми для семейной жизни качествами' [СО 1999]. В этом плане слово может приобретать определения посредством общеоценочных прилагательных *хороший* или *плохой*. Смейянинка имеет те же значения, но при этом закономерно отражает и дополнительный семантический признак 'только по отношению к лицу женского пола'. Важно и то, что *смейянин* не имеет нормативного множественного числа.

Большое разнообразие значений имеет прилагательное *семейный*. В норме оно является относительным и имеет обобщенное значение 'имеющий семью, принадлежащий семье, предназначенный для членов семьи, рассчитанный на семью и пр.' [МАС-IV 1984]. В значении 'имеющий семью' слово

может переходить в существительное — *купе для семейных*. Переносное значение прилагательного ‘частный, внутренний, домашний’ также развивает положительный оценочный потенциал концепта «семья». Интересно, что прилагательное *семейный* может переходить и в качественное, обозначая уже положительные свойства лица: *Он такой семейный, он очень семейный*. Это значение — ‘обладающий необходимыми для семейной жизни качествами’, схожее с *семьянин*, но в отличие от последнего, выражает не лицо, а признак лица. Примечательно, что антоним *бессемейный* отражает только первый комплекс значений ‘тот, кто не имеет семьи, одинокий’ [СЕ-III 2000]. В МА-АС для этого слова указано еще и метонимическое значение ‘протекающий без семьи’ — *бессемейная жизнь* [МАС-IV 1984]. На базе последнего значения от этого прилагательного образуется отвлеченное существительное *бессемейность*.

Также интересно другое прилагательное — *семейственный* на базе *семейство*. Оно отражает все три возможных оценочных регистра. В нейтральном употреблении, в устаревшем значении, — оно означает ‘то же, что семейный (в I значении — имеющий семью)’ [МАС-IV 1984]. В положительно-оценочном ключе это прилагательное имеет значение нормативно-оценочное ‘склонный к семейной жизни, проявляющий особую заботу о семье’ [БАС -XIII, 1963; МАС-IV 1984; СО 1999]. Но у этого слова есть и негативно-оценочное значение, отмечаемое в словарях пометой *неодобр.* ‘характеризующийся семейственностью’ ← *семейственность* ‘отношения на службе, основанные на предоставлении льгот и поблажек родственникам, друзьям и близким’ [СЕ-III 2000].

Интересно, что по форме *семейственность* образовано от *семейственный*, а по переносному значению, негативно-оценочному — наоборот, *семейственный* определяется через *семейственность*. В том же значении, что и *семейственность*, употребляется и слово *семейность* (не просто ‘наличие семьи’, а именно ‘негативно оцениваемые отношения на производстве’).

Теперь рассмотрим наречия на базе *семья*. Наречие *семейно* интересно тем, что оно не просто обозначает признак действия по исходному прилагательному *семейный* (*Жители в основном живут **семейно***). Это наречие имеет добавочные значения — характеристику образа какого-либо действия : (1) ‘в кругу семьи, в семейном кругу’ (*рассудили между собой, **семейно***); (2) ‘всей семьей (***семейно** решать будем*)’ [БАС -XIII, 1963; МАС-IV 1984; СО 1999; СЕ-III 2000]. Наречие *бессемейно* как антоним отражает только первое, прямое значение — ‘без семьи, одиноко’.

В отличие от наречия *семейно*, наречие *по-семейному* имеет несколько другой круг значений, потому что образовано по модели сравнительных наречий (ср. *по-весеннему* — ‘как весной’, *по-прежнему* — ‘как прежде’ и под.). Это значение образа действия, нормативно-оценочное по характеру — ‘как это должно быть в семье, как это характерно для семьи’ [СЕ-III 2000].

Таким образом, анализ производных слов подтверждает некоторые из выявленных ранее 10 когнитивных признаков концепта «семья» и позволяет расширить семантический объем концептуального содержания за счет включения в него следующих когнитивных признаков, во многом развивающих оценочный потенциал данного концепта в русской языковой картине мира:

11. Член семьи; такой, который имеет семью
12. Имеющий отношение к семье, входящий в семью; такой, который относится к семье, связан с жизнью семьи
13. Принадлежащий семье, предназначенный для семьи
14. Семейная жизнь
15. Нормы, правила, идеалы семейной жизни
16. Носитель норм, правил, идеалов семейной жизни
17. Обладающий необходимыми для семейной жизни качествами
18. Соответствующий нормам, правилам, идеалам семейной жизни
19. Отношения на службе, основанные на предоставлении льгот и по-
блажек родственникам, друзьям и близким (*неодобр.*)

20. Проникнутый отношениями на службе, основанными на предоставлении льгот и поблажек родственникам, друзьям и близким (*неодобр.*)

21. Имеющий сходство с семьей, похожий на семью (*перен.*)

Таким образом, анализ особенностей словообразовательной экспликации концепта «семья» позволил выявить еще 11 когнитивных признаков. Совокупный смысловой объем на данном этапе анализа составляет 21 когнитивный признак.

Парадигматические особенности языковой объективации концепта «семья». Анализ парадигматики концепта «семья» предполагает описание синонимических, антонимических и иных типов семантических отношений между лексемами, воплощающими данный концепт в лексико-семантической системе языка.

Анализ синонимических отношений проводится по словарю В.И. Даля, по словарю синонимов Н. Абрамова и по словарю синонимов под ред. А.П. Евгеньевой [СД 1999; СРСА 1999; ССРЯЕ 2003]. В указанных словарях имеется следующий синонимический ряд:

СЕМЬЯ — *семейство, фамилия, дом, род, династия; домашний очаг* [СД 1999; СРСА 1999].

СЕМЬЯ — *семейство, семейные, семейный круг, фамилия (разг.), близкие* [ССРЯЕ 2003].

В «Объяснительном словаре синонимов русского языка» под ред. Ю.д. Апресяна нет словарной статьи на лексему *семья*, там описывается синонимический ряд: *родственники, родня, родные* [ОССРЯ 2003: 986–988].

О.Н. Трубачёв утверждает, что «несомненно общеиндоевропейским является корень **gen-*, образующий во многих индоевропейских языках название *рода*, а также название действия *рождать(ся)*, тесно примыкающее к терминам родства. Типичным для славянского и отличающим его от других индоевропейских языков, в том числе и от балтийских, является исключительное употребление в значениях ‘род, рождать(ся)’ местных названий. Старославянские *родъ, родити* представляют собой результат вторичного раз-

вития и фонетической формы и.-е. **ordъ, *orditi*. <...> Это чисто славянское новшество, которое, однако, представляет собой в сущности лишь новое использование древних индоевропейских морфем» [Трубачев 1959: 148-157].

П.Я. Черных указывает, что слово *фамилия* произошло от латинского *familia* ‘семья; семейство’, ‘(вся) родня’; иногда ‘род’, далее ‘дом’ как совокупность всех домочадцев; наконец, ‘фамильное имущество’; старшее значение – ‘дворня, рабы’. Латинское слово однокоренное с *famulus* ‘прислуживающий, подвластный, слуга’ (ср. приведённое выше др.-рус. *семья* ‘челядь, домочадцы, рабы, семья, семейство’). Данная лексема имеет два значения: ‘наследственное семейное (обычно полученное от родителей) наименование, прибавляемое к личному имени’; устар. ‘семья, род’. *Фамильный* значит ‘семейный, родовой’. В значении ‘семья, семейство, родня’ употребляется в белорусском, болгарском, сербскохорватском, чешском, польском языках. В русском языке слово известно с начала XVIII века в значении ‘род благородный’; значение ‘семья, род’ некоторое время сохранялось в XIX веке [ИЭС-СРЯ-I 1999: 301–302]. В современных толковых словарях это значение имеет помету «устаревшее» [СО 1999: 848].

Дом – общеславянское слово **dom* с индоевропейским корнем (ср. др.-инд. *dāmas* ‘дом’, греч. *dómos* ‘дом, постройка, здание, комната, семья’, лат. *domus* ‘дом’ и т. д.) [КЭСРЯ 1975: 124]. Слово *дом* имеет такие значения: ‘здание, предназначенное для жилья, для учреждения и т. п.’, ‘обитатели дома’, ‘семья, люди, живущие вместе’. Имеется во всех славянских языках: ср. украинское *дім*, белорусское *дом*, болгарское *дом (къща)*, сербскохорватское *дѹм* (главным образом в значении ‘семья; домашний очаг’), словенское *dom* ‘палата; общежитие’ (ср. *hiša* ‘дом’), чешское *dům*, словацкое *dom* ‘дом’ (ср. *dóm* ‘собор’), польское *dom* [ИЭССРЯ-I 1999: 262]. Древнерусское (с XI века) *домъ* ‘жилище; хозяйство; семья; род; храм’ [МДСДРЯ-I 1958: 699-702].

Слово *династия* произошло от гр. *dynasteia* ‘власть, господство’. Значение ‘дом, род, поколение государей’ зафиксировано в словаре М.И. Михельсона (конец XIX – начало XX веков) [Михельсон 1896–1912].

Современные толковые словари фиксируют такие значения: 1) 'ряд монархов из одного и того же рода, сменяющих друг друга на престоле по праву наследования'; 2) *переносное* 'ряд поколений, передающих из рода в род мастерство, трудовые традиции, например, династия музыкантов, рабочая династия' [НСИС 2008: 267].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что синонимический ряд от *семья* выражает в общем и целом когнитивные признаки, принадлежащие к базовому компоненту его концептуального содержания:

1. Близкие родственники (*муж, жена, отец, мать, дети, сын, дочь* и т. д.).
2. Люди, объединенные совместным проживанием (*домочадцы*, под которыми подразумеваются не только члены семьи, но и слуги, домашние животные).
3. Ряд поколений, передающих из рода в род мастерство, трудовые традиции.
4. Ряд монархов из одного и того же рода, сменяющих друг друга на престоле по праву наследования.
5. Люди, объединенные общими интересами, общей деятельностью.

Новых когнитивных признаков анализ парадигматики концепта не выявил.

Анализ родо-видовых (гипо-гиперонимических) отношений применительно к концепту *семья* заключается в анализе семантики видовых коррелятов — слов, входящих в лексико-семантическое поле 'семья'. К лексико-семантическому полю «семья» относятся термины родства по крови и термины родства по свойству. Эти языковые единицы образуют концепт *семья* «...демонстрируют не только сложность и разветвлённость традиционной системы родственных отношений (степень сложности различна в различных традициях), но и характерные для славян способы их осмысления» [Николич, Новоспасская 2013: 74–78].

В работах Д.В. Жигулиной отмечается патриархальная модель семьи у восточных славян, в которой после принятия христианства брак трактуется как освященный Богом союз между мужчиной и женщиной. До христианства в эпоху язычества среди восточных славян можно было встретить и многоженство. Церковь освятила единобрачие как единственно нравственно приемлемую схему создания брака, но еще и столетие спустя среди высшей славянской знати можно встретить вторые браки, о чем свидетельствуют летописные книги XI–XIV вв. [Жигулина 2015].

Их можно классифицировать по способу словообразования.

Первую группу составляют слова, образованные суффиксальным способом: *мачеха / мащеха, отчимъ*.

Во вторую входят лексемы, образованные префиксально-суффиксальным способом: *падъчерица / падыщерица, пасынькъ, иночимъ*.

Третью группу формируют субстантивированные притяжательные прилагательные (субстантиваты): *мачешиничъ / мачешичъ*.

Особую, четвертую группу образуют лексемы, образованные аналитически: *творимыи / твореныи отць, творимыи / твореныи сынъ, творена сестра, творима / творена тетъка*.

В «Этимологическом словаре славянских языков» отмечено, что «образование «matjexa» – самое распространённое название мачехи в славянских языках, весьма древнее по форме и обычно возводимое к и.-е. компаративу māt(r)jes-i ‘подобный матери’ – производному от «mati», род. п. «matere» с суф. сравнит. степени «-jes-». Таким образом, «matjexa» первоначально означало «подобная матери», а различные уничижительные оттенки – вторичное стилистическое приобретение славянских суффиксов с характерным согласным «-х-».

Слово *сынъ*, слав. *synъ* восходит к форме *sŭpnis* со значением ‘рождённый матерью, вскормленный матерью’. Таким образом, *пасынок* означает буквально ‘подобный сыну’. Слово *падчерица* буквально ‘подобная дочери’

образовано от праславянского *dъkti*, давшем в старославянском языке *падъщерица*, в древнерусском – *падъчерица*.

В русском языке слово *родственность* толкуется как свойство по прилагательному *родственный* в значениях ‘свойственный родственникам; теплый, сердечный’ (например, *испытывать родственные чувства к кому-либо, родственный обед*) и ‘сходный по основным свойствам, признакам, связанный общностью происхождения’ (например, *родственные языки, родственные науки; родственность натур*). Ближайшими синонимами понятия *родственность* являются лексемы *родственники, родные, родня*.

Наиболее яркий пример различий в развитии лексической языковой системы обнаруживается при рассмотрении русских лексем, обозначающих одно из понятий кровного родства в соседних поколениях – *дядя* и *тётя*. Обращаясь к этимологии слов *дядя* и *тётя* в русском языке, можно установить, что до XVII в. термин родства *дядя* имел значение, отличное от современного – ‘отец, старик’, вместо привычного для современного носителя языка слова *дядя* использовались две другие единицы – *стрый* и *вуй*. *Стрый* – это ‘брат отцу, дядя по отцу’. Вплоть до XIV в. *стрый* весьма употребительно в древнерусском и лишь после этого времени постепенно вытесняется другими лексемами, становится архаизмом. В других славянских языках оно сохраняется. Общеславянское слово *вуй* для русского языка является архаичной лексической единицей, не употребляющейся в настоящее время. В словаре В.И. Даля отмечается: *вуй* или *уй*, м. – ‘дядя по линии матери, материн брат’. Подтверждение этому можно найти в летописных источниках: *Святослав не хотел против вuia своего Изяслава воевать, но, опасаясь стрыя Святослава, не смел от него отстать*. В современном русском языке данная лексема не сохранилась.

Эквивалент лексемам *стрый* и *вуй* – *дядя* определяется в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой так: 1. ‘Брат отца или матери, а также муж тётки’. 2. ‘В сочетании с именем собственным уважительно о простом немолодом мужчине, а также обращение к взрослому

мужчине (прост.)' [СО 1999: 185]. В русской языковой традиции дядя рассматривается как родственное славянского *Dedъ*. Кроме основной формы дядя, в русском языке имеются и менее привычные формы, например, диалектные *отчичь*, *бачко*, *отечникъ* и др.

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова приводятся следующие толкования лексической единицы *тётя*: 1. 'Сестра отца или матери по отношению к племянникам'. 2. 'Знакомая женщина, старшая по возрасту'. 3. 'Употр. как обращение ребенка к незнакомой женщине' [БТСРЯ 2000].

Обращаясь к ранее рассмотренному термину *вуй*, можно найти в словаре В.И. Даля термины *вуйка*, *уйка* 'жена уя', 'тётка по свойству', однако в русском языке это слово вышло из активного употребления. Аналогичным образом термину *стрый* соответствуют слова *стрыя*, *стрия*, *стрыня* 'отчая сестра, тётка по отцу'.

Лексическая единица дядя в истории русского языка имела значительное количество производных слов: *дядинка*, *дядинский*, *дядний*, *дядько* (*дядька*), *дядьчити*, *дядюшка*, *дядюшкинъ*, а также три формы по числу дядя – *дяди* – *дядья*. Так, например, в словаре русского языка XI–XVII вв. можно найти такие определения: «*Дядинка* – жена дяди. *Да я же Моисеико слышал у своей дядинки у Ефимовой жены Василева у Парасковьи* (1649); *Дядинский* – прилагательное к дядя – *Азь тою вытью дядинскою Михайловскою благословил зятя своего* (1556); Прилагательное *дядний*: *Версталь воевода Иванъ Позняковъ на Карочъ въ дѣти боярския недорослей на отцовския и на дѣдовския и на дядни и на братни помѣстьи* (1650)» [СРЯ XI-XVIII вв.- IV: 401].

Наиболее ранним значением является значение *дядька* 'воспитатель': *И оста по немъ сынъ его Святославъ малъ, 15 лѣтъ; дядка же бѣ у него Асмудъ*.

Более поздний источник в словаре русского языка XI–XVII вв. содержит такой пример: «*Тарковской же Суркай шевкаль и Одрѣевской Казаналъ мурза даютъ... въ аманаты дѣтей не отъ прямыхъ жонъ и во дядькахъ*

съ ними присылають холопей, а не родственников людей (1651)» [СРЯ XI-XVIII вв.- IV: 401].

«Дядькинъ – имя прилагательное к дядька: Батырбея мурзы Черкаского дяткину сыну Енбудучке, да мамкѣ 20 руб. (1681).

Дядько, м. То же, что дядька. (946): И рече Свиндиль Исмудѣ дядко ег (1202). Свѣтъ створи с Мирославомъ и с дядькомъ (718).

Дядьковичъ, м. ‘сын дядьки’ (1289): Се же услышавъ Левъ князь, посла Семена своего дядьковича ко снови своему (930).

Дядчити, глагол, ‘заступаться’. Онъ же закрича гнѣвом великим, и рече: добро, сестрица, добро, – коли ты дятъчишь, тотъ часъ готово ей у меня мѣсто! (XVII).

Дядюшка, м., ласкат. к дядя. Токмо едино глаголаше: «дядюшка» (XVI). Приѣзжали, государь, тѣ крестьяне въ деревнишко дядюшки моево (1636).

Дядюшкин, прил. к дядюшка. А грабежомъ дядюшкиныхъ денегъ... пятьдесятъ пять рублевъ взяли (1936)» [СРЯ XI-XVIII вв.- IV: 401].

Таким образом, мы можем заключить, что для современных номинаций — репрезентантов концепта «семья» — характерно существенное упрощение терминосистемы разветвленных обозначений родства. Анализ лексики, репрезентирующей концепт «семья» в русском языке, также демонстрирует достаточную проработанность ментального объекта, стоящего за данным именем в русском языке. Именем концепта выступает существительное *семья*, нейтральное в стилистическом отношении, относящееся к общеупотребительной лексике, которая используется в разных контекстах. В основном все рассмотренные единицы отражают такой когнитивный признак концепта, как

1. Близкие родственники (*муж, жена, отец, мать, дети, сын, дочь* и т. д.).

2. Люди, объединенные совместным проживанием (*домочадцы*, под которыми подразумеваются не только члены семьи, но и слуги, домашние животные).

Новых когнитивных признаков анализ не выявил.

Антонимические отношения непосредственно для лексемы *семья* в лексико-семантической системе русского языка не выявлены, поэтому эта лексема закономерно отсутствует в словарях антонимов [САРЯ 1985]. Отсутствие антонима непосредственно к этому слову может косвенно свидетельствовать о том, что в русском языковом сознании не концептуализируется представление об «отрицательной» альтернативе семье — нет словесного знака, обозначающего понятие 'отсутствие семьи'. Возможно, это как-то связано с представлением об особой выделенности, значимости этого понятия в национальной концептосфере.

Однако на уровне производных признаков слов антонимия все же имеется: *семейный* — *бессемейный*, *семейность* — *бессемейность*. Данные антонимы были проанализированы выше, при описании словообразовательных особенностей языковой экспликации концепта. Новых когнитивных признаков на этом этапе также не обнаруживается.

Анализ синтагматических отношений, согласно принятой концепции исследования, состоит в исследовании стандартной узуальной сочетаемости лексем — репрезентантов концепта *семья*, а также в изучении неuzuальных контекстов употребления слова *семья*, в которых отражены семантические преобразования данного концепта по типовым моделям концептуальной метафоризации.

Характеристика контекстов **стандартной сочетаемости** дается по материалам «Словаря сочетаемости слов русского языка» под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина [СССРЯ 1983] и «Большого универсального словаря русского языка» В.В. Морковкина, Г.Ф. Богачевой и Н.М. Луцкой [БУСРЯ 2017]. Узуальная сочетаемость лексем — репрезентантов концепта «семья» отражает следующие когнитивные признаки.

КП 1. Близкие родственники (*муж, жена, отец, мать, дети, сын, дочь* и т. д.).

*[Не]большая, маленькая, счастливая, весёлая, бедная, богатая, обеспеченная, образцовая, трудовая, хорошая, плохая, новая, интеллигентная, рабочая, крестьянская, моя, его, своя, вся — **семья**.*

***Семья** кого: (о человеке) ~ рабочего, колхозника, военного, учителя, Леонида Ивановича, Иванова, Ивановых .*

*Глава, член, друг, состав, бюджет, расходы, уклад, честь, интересы, влияние ... **семьи**. Обстановка, жизнь, отношения...в **семье**.*

*Создать, укреплять, разрушить, бросить, любить, вспоминать, содержать, кормить, отправить куда-л. **семью**. Помогать ... **семье**. Делать что-л., поехать куда-л. ... всей **семьёй**.*

*В чью-л. **семью** (войти ~, принять кого-л. ~ ...). В [какой-л.] **семье** (жить ~, воспитываться ~ ...). В кругу **семьи** (жить ~, находиться ~, праздновать что-л. ~ . .). Для **семьи** (жить работать ~, делать что-л. ~ ...). Из семьи (уйти ~ ...). К **семье** (приехать ~, относиться как-л. ~ ...). О **семье** (заботиться ~, вспоминать ~, думать ~, беспокоиться ~, скучать ~ ...). От **семьи** (уйти ~, уехать ~ .~). По **семье** (скучать ~, тосковать ~ ...). С **семьёй** (приехать куда-л. отдыхать — ...); с какой-л. семьёй (познакомиться ~, переписываться ~ ...).*

*У кого-л. есть **семья**, нет **семьи**.*

ПРИМЕРЫ: Семья у него была большая -, два сына и внук женатый, и все жили вместе (Л. Толстой). Она в семье своей родной Казалась девочкой чужой (Пушкин). По праздникам за столом собиралась вся семья [СССРЯ 1983; БУСРЯ 2017].

КП 11. Член семьи; такой, который имеет семью:

СЕМЕ'ЙНЫЙ, семейная, семейное, семейные.

Человек, мужчина, женщина, рабочий ...

*Быть, стать, оказаться ... **семейным**.*

*Кто-л. **семейный**.*

ПРИМЕР: Брат — человек семейный, у него много забот.

КП 12. Имеющий отношение к семье, входящий в семью; такой, который относится к семье, связан с жизнью семьи

Отношения, жизнь, дела, обязанности, воспитание, узы (высок.), союз, счастье, радости, быт, уклад, обстановка, круг, совет, честь, интересы, ссоры, неурядицы (разг.), драма, вечер, праздник, торжество... СЕМЕ'ЙНЫЙ, семейная, семейное, семейные.

ПРИМЕР: *Как все старые холостяки, не очень верил он в запоздалое семейное счастье (Павленко).*

КП 13. Принадлежащий семье, предназначенный для семьи

Очаг, традиции, реликвия, предание, фотография, альбом, обед ... СЕМЕ'ЙНЫЙ, семейная, семейное, семейные. [СССРЯ 1983; БУСРЯ 2017].

Закономерно, что стандартная сочетаемость лексемы *семья* выявляет основные когнитивные признаки концепта, что как раз и подтверждает реальность их выделения.

Более интересным в плане обнаружения возможных новых когнитивных признаков концепта является анализ контекстов **нестандартной сочетаемости лексемы *семья***, в которых актуализуются модели концептуальной метафоризации по типу овеществления или одушевления. В этих контекстах можно выявить определенные национально-обусловленные смысловые составляющие в представлении о семье в русской языковой картине мира.

В теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона концептуальная метафора функционирует в концептуальной системе людей и упорядочивает знание о мире человека, структурирует его опыт взаимодействия со средой, выступая как «объяснение одного опыта в терминах другого опыта» — например, объяснение абстрактной сущности через ее овеществленное или одушевленное, чувственно-воспринимаемое представление [Лакофф 2004; Лакофф, Джонсон 2004].

Лексема *семья* имеет в русском языке собирательный тип семантики, обозначая некую нерасчлененную общность существ. Тем самым эта лексема мыслится как неодушевленная неконкретная сущность. Т.е. семья — это не

чувственно воспринимаемая вещь, не физический объект в пространстве и времени. Л.О. Чернейко, развивая подход Дж. Лакоффа и М. Джонсона именно применительно к анализу неконкретных номинаций, русских отвлеченных имен, предлагает анализировать языковые механизмы концептуально-метафорического осмысления абстрактного имени через анализ сочетаемости отвлеченных существительных с предикатами или атрибутами конкретной семантики, в норме присущими чувственно-воспринимаемым естественным объектам, субстанциям и артефактам культуры или одушевленным существам [Чернейко 1997: 284–284]. При этом необходимо так называемое буквальное прочтение узуальной сочетаемости абстрактного имени с конкретными предикатами или атрибутами, что, собственно, и составляет суть языкового механизма актуализации концептуальной метафоры.

В анализируемом нами материале из Национального корпуса русского языка мы обнаружили значительное количество контекстов, демонстрирующих вхождение лексемы *семья* в самые разнообразные контексты овеществленного и / или одушевленного концептуально-метафорического представления. Нас больше всего интересуют такие типовые контексты, как контексты субъектно-предикатной или предикатно-объектной сочетаемости ('Семья осуществляет к.-л. целесообразное контролируемое действие', 'X производит к.-л. конкретное действие над семьей'), в которых, согласно Л.О. Чернейко, задействован механизм гештальта, а также генитивной сочетаемости с существительным ('X семьи'), в которых, согласно Л.О. Чернейко, задействован механизм генитивной метафоры [Чернейко 1997].

(1) Лексема *семья* в моделях концептуально-метафорического овеществления. В этих контекстах неконкретное собирательное понятие семьи как совокупности / множества переосмысливается как конкретно-чувственный физический, биологический или социальный объект, как вещество, как вместилище / контейнер и пр.

Так, семья метафорически переосмысливается как конкретно воспринимаемый физический объект, который может рушиться:

*Мы без конца ссорились и разводились. **Семья**, как говорится, рушилась. И даже возникали новые побочные семьи* [Сергей Довлатов. Наши (1983)];

А ведущие душераздирающих ток-шоу — поведать о том, как рушатся семьи или о печальных судьбах великих, или о несчастных детях [И. А. Забежинский. Если бы мы не смотрели, они бы не показывали (2015)].

Подобный объект может восприниматься зрением: *Если в Европе **семья** попадает в поле зрения социальных служб, то это не значит, что из нее заберут ребенка, тем более навсегда* [А. А. Данилова, Л. В. Петрановская. Людмила Петрановская: Законы России позволяют забрать ребенка у каждого // 2017].

Физический объект — семья — может восприниматься и слухом: *Старый дом сгорел, — писал Соловьёв, — дядя Саша в могиле, тётя Саша помешана, и вся **семья** трещит* [Марк Смирнов. Последний Соловьёв // «Наука и религия», 2011].

Подобный объект можно скреплять или вытеснять другим объектом:

Чувствовал приближение развода. Она рассчитывала, что ребенок скрепит семью. Соединит нас [Юрий Азаров. Подозреваемый (2002)];

*По сути, традиционная **семья** потихоньку вытесняется новыми формами связей, которые внешне на нее похожи, но не являются таковыми* [Елена Пушкарская. «Семья крайне уязвима» // «Огонек», 2014].

Семья также осмысливается как объект, могущий перемещаться в пространстве — двигаться, летать:

*Моя **семья** летит вверх тормашками, а вы хохочете!* [Н. В. Нестерова. Милые бранятся (2013)];

*Несмотря на время от времени принимаемые Государственной Думой постановления о необходимости спасти семью в самом традиционном ее варианте, российская **семья** упорно движется в том же направлении, что и европейская: к тому выходу из метро, над которым висит табличка «Выхода нет»* [Ирина Прусс. Прекрасные дамы — мамы // «Знание — сила», 2010].

Это может быть создаваемый, сделанный, построенный объект, который имеет структуру:

Во всём этом была та цепкая женская забота, которая делает семью — семьёй и поддерживает род человеческий [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 26-51 (1968) // «Новый Мир», 1990];

*Видите ли, **семья строится** не в постели, — но зато именно в постели разрушается* [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008];

*Применительно к теме нашего разговора это означает, что брак может распасться после рождения первенца просто из-за того, что это событие является причиной неизбежных изменений в **структуре семьи**: перераспределения функций, обязанностей, неизбежного, опять-таки, обострения противоречий* [Мария Давыдова. Кто в доме хозяин? // «100% здоровья», 2003.01.15]

Представление о семье как о некоем сложно устроенном объекте выражается в генитивной метафоре модели: *Модель семьи — у каждого своя. И это нормально, если есть согласие и любовь* [Надежда Вылегжанина. Большая родня // «Новгородские ведомости», 2013].

Другая сторона онтологической метафоры семьи — представление ее как природной стихии, природной силы:

И так, заядлым частником и закоренелым индивидуалистом Лёва и назвал старика Сташенка, сказал, что Олеся никак не воздействует на отца, наоборот, индивидуалистическая стихия семьи захлестывает и её [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)];

Дело в общении. В атмосфере семьи. Но, с другой стороны, Кямал — тоже не философ [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002].

«Природная» метафора семьи может выражаться в переосмыслении семьи как биологического объекта — растения, которое может срастаться с другим растением: *Возьмем хотя бы тех мужчин, для которых **семья** прочно*

срастается с понятием «дом» [Андрей Гусев. Простые ответы на непростые вопросы // «Психология на каждый день», 2010].

Еще одна разновидность онтологических метафор — это метафора вещества. Так, семья может осмысляться как вещество, которое распадается: *Ежели какой откроет — та **семья** и распадется* [М. Б. Бару. Замок с музыкой // «Волга», 2013].

Особое «вещество» семь может быть разной консистенции — твердым, которое можно расколоть: ***Семья** раскалывается — значит, нужно собрать семью, как собирают стада тундровые пастухи, — палками, собаками и страхом, не упрощая каждого оленя бежать в загон* [Александр Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы // Урал, 2013]

— или, напротив, похожим на снег, который тает: *Купец Негода разорился, и **семья** его гладом тает* [Евгений Водолазкин. Лавр (2012)].

В работе [Лакофф, Джонсон 2004] указывается и на такой специфический вид онтологической метафоры, как метафора контейнера — трехмерного вместилища, которое наполнено неким содержимым:

*Примеры из Писания и Предания всегда определяют духовное наполнение **семьи** качеством, а не количеством* [А. А. Данилова, протоиерей Андрей Кордочкин. «Хотелось бы больше сочувствия друг к другу» // 2017];

Я думаю, что у каждого есть своё оптимальное время и зависит оно от атмосферы в семье [Марк Тайманов. Эмоции неисчерпаемы // «64 — Шахматное обозрение», 2003.10.15].

В это вместилище объекты могут проникать:

*Только вот с тобой, гнидой, похоже, проморгали! **В семью** нашу змеюкой проник. Думаешь, если сына у него не стало, так и беспредельничать можно?* [Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003)];

Но для того, чтобы это организовать, нужно мыслить в другой парадигме, без примитивного противопоставления: «хорошие — плохие семьи», «наши — не наши», «отобрать — оставить», «влезть в семью сапогами — оставить как есть, и гори все синим пламенем» [А. А. Данилова, Л. В. Пет-

рановская. Людмила Петрановская: Законы России позволяют забрать ребенка у каждого // 2017].

В подобных вместилищах можно что-то хранить: *Теперь они у нас в семье хранятся* [Сати Спивакова. Не всё (2002)].

Еще один распространенный вид онтологической метафоры семьи — это метафора среды, физического пространства в котором могут пребывать разные объекты, в котором объекты могут двигаться или в который объекты могут проникать из другого пространства:

Мне кажется, что надо держаться веры, которая существует в семье [Валерия Михайлова. Николай Дроздов: «Кто ткнул в точку Вселенной?» // 2017];

Как показало недавнее исследование психолога Е. Амен, сегодня главный источник тревоги переместился из школы в семью: подростки боятся, что с родителями что-нибудь случится, что не будет денег, у них страх возможного физического насилия, страх личной несостоятельности, неопределенности в будущем [Ирина Прусс. Прекрасные дамы — мамы // «Знание - сила», 2010];

Откуда? Натюрморты от родственников перекочевали в семью. Он не мог разрываться на два дома [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002].

Это пространство может мыслиться как природная среда, в которой могут расти биологические объекты: *Лена видела, что Алена не вращается в семье так, как выросла она, Лена* [Н. В. Нестерова. Из породы собак (2013)].

Таким образом, проведенный анализ моделей концептуальной метафоризации лексемы *семья* по типу овеществления позволяет выделить еще 4 когнитивных признака, имеющих метафорический характер:

22. Чувственно воспринимаемый физический, природный или искусственный объект, имеющий структуру (*концепт.-метаф.*)

23. Вещество, субстанция твердой или жидкой консистенции (*концепт.-метаф.*)

24. Трехмерный контейнер (вместилище), обладающий неким содержанием (*концепт.-метаф.*)

25. Физическая среда, пространство, в котором можно находиться или перемещаться (*концепт.-метаф.*).

(2) Лексема *семья* в моделях концептуально-метафорического одушевления. В этих контекстах неконкретное собирательное понятие семьи переосмысливается как одушевленная сущность, активное и целесообразно действующее человеческое существо и пр. В норме лексема *семья*, имеющая значение 'совокупность людей', закономерно задействует стандартную модель метонимического переноса 'совокупность людей как неодушевленный объект' → 'люди как объект одушевленный' (по типу *город спит* = 'жители города спят'). В нашем материале обнаружено много подобных контекстов употребления с глаголами типа *жить*, *переживать*, *сидеть*, *ужинать* и пр.:

*Последние два года **семья** живёт на пенсии и детские пособия* [Константин Арский. «Метровые» дети // «Вечерняя Москва», 2002.05.16];

*Тем более в тот момент, когда **Семья** переживает самую крупную трансформацию с момента своего возникновения как группы влияния* [Иосиф Гальперин. Власть «делом» занимается // «Совершенно секретно», 2003.08.09];

— *Вы выглядите так, что можно подумать, будто ваша **семья голодает*** [Коллекция анекдотов: персоналии (1970-2000)];

*В её маленькой голове проносились видения — старый подвал, дружная **семья** ужинает коркой сыра...* [Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996];

*Иногда вся **семья** сидит в одном коридоре — что ж?* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)].

Однако нам встретились и контексты персонификации концепта «семья», в которых субъектом действия является не множество людей, а одно одушевленное лицо:

Семья меня клеимит: «Люба, ты — мещанка!» Но интересно, что ровно через день после того, как я налажу себе угол, в него начинают переползать кошка, собака, за ними Серёжа и Маша (муж и дочь. [Наталья Складорова. Если бы у медведя было ружье // «Вечерняя Москва», 2002.02.07].

— или биологическое существо: Ольга Славникова, автор романа «2017», дает любопытные интервью: «*Семья мутирует...* Главный мутагенный фактор — рост продолжительности жизни [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008]

Таким образом, анализ моделей концептуальной метафоризации лексемы *семья* по типу одушевления позволяет выделить еще 1 когнитивный признак, имеющий метафорический характер:

26. Одушевленная сущность, активное и целесообразно действующее человеческое существо (*концепт.-метаф.*).

В целом проведенный анализ выявил существенное качественное и количественное разнообразие концептуально-метафорических моделей ове­ществления и одушевления неконкретного концепта «семья», что может косвенным образом свидетельствовать о значительной степени «культурной разработанности» (А. Вежбицкая) данного концепта в национальном языковом сознании, о его вписанности в мир национальных идеалов и ценностей, как это свойственно и другим ключевым абстрактным концептам русской культуры — разум, душа, совесть, добро, воля и под.

Выводы по содержанию II главы

На начальном этапе исследования в данной главе было проанализировано экстралингвистическое содержание понятия семьи в пространстве мировой и отечественной культуры по данным научно-гуманитарных источников. Мы подытожили понимание семьи в разных областях гуманитарного знания, ведь у этого понимания и в социологии, и в психологии, и в филосо-

фии, и в педагогике, и в юриспруденции намечается общее концептуальное зерно, которое можно сформулировать следующим образом:

— семья — это малая группа, основанная на браке или кровном родстве, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью, а также моральной и правовой ответственностью.

На следующем этапе мы рассмотрели концепт «семья» в этимологическом и историко-лингвистическом освещении. Мы выяснили, что в основе русского слова *семья* лежит праиндоевропейский корень **kei-* ‘лежать’». Этот корень в системе номинаций древних этносов обычно использовался для образования наименований селений, жилища, стоянок: ср. готск. *haims* ‘селение’, др.-исл. *heimr* ‘родина, мир’, нем. *heim* ‘дом, семейный очаг’ и др.

Наше исследование показало, что в каждую историческую эпоху когнитивные признаки концепта «семья» претерпевают изменения. В русском языке XI–XVII веков ядро концепта «семья» составляют концепты-номинации членов семьи: *муж — жена, отец — мать, дети (сын — дочь)* и т. д., а также *домочадцы*, под которыми подразумеваются не только дети, но и слуги. Семья являлась самой высокой ценностью и основывалась на таких понятиях, как вера, супружеский союз, полная покорность женщины, послушание и др.

К концу XIX в. — началу XX в. в представлениях о семье в русском обществе подготавливаются существенные сдвиги. Так, для патриархальной семьи было характерно вступление в брак в раннем возрасте. Однако со временем развития буржуазных отношений и распада традиционной модели семьи с большим количеством детей и других членов люди начали вступать в брак позже, увеличилось также число людей, которые не хотели вообще связывать себя узами брака. Да и развод больше не воспринимается как жизненный крах.

В первой половине XX века пошатнулись представления о семье как патриархально организованном сообществе с главенствующей ролью мужчины, которая просуществовала много столетий. На семейный уклад совет-

ской семьи оказали влияние культурные и мировоззренческие изменения, происходившие в обществе. Концептуальное значение слова *семья* расширяется до государственного масштаба (*братская семья народов СССР, дружная семья братских республик, в семье единой* и т. д.).

Также наше исследование выявило три базовых смысловых пласта концептуального содержания «семья», вокруг которых группируются когнитивные признаки концепта:

- I. Общее происхождение.
- II. Совместное проживание.
- III. Общность интересов, деятельности.

Далее было проанализировано смысловое наполнение концепта «семья» по данным основных лексикографических источников русского языка. В результате было выявлено 10 исходных когнитивных признаков, которые составили базовый смысловый объем концепта:

1. Близкие родственники (*муж, жена, отец, мать, дети, сын, дочь* и т. д.).
2. Люди, объединенные совместным проживанием (*домочадцы*, под которыми подразумеваются не только члены семьи, но и слуги, домашние животные).
3. Ряд поколений, передающих из рода в род мастерство, трудовые традиции.
4. Ряд монархов из одного и того же рода, сменяющих друг друга на престоле по праву наследования.
5. Люди, объединенные общими интересами, общей деятельностью.
6. *Биол.* Обособленная группа некоторых животных, насекомых, растений или грибов одного вида.
7. Группа машин, приборов, аппаратов и т. п., объединённых рядом важных сходных качеств.

8. *Полит., публ.* Ближайшее окружение Б.Н. Ельцина, сформировавшееся в высших властных структурах России в последние годы его президентского правления (1991–1999 гг.).

9. *Лингв.* Группа родственных языков.

10. *Полит., публ.* Совокупность этнических или социальных образований, объединенных дружескими связями (*перен.*).

Далее было смоделирована и представлена в табличной форме семантическая структура концепта «семья».

В соответствии с принятой концепцией исследования, на завершающем этапе анализа в главе были охарактеризованы словообразовательные, парадигматические и синтагматические особенности языковой объективации концепта «семья».

Анализ словообразовательных связей и отношений лексем, входящих в словообразовательное гнездо с вершиной *семья*, показал, что гнездо с вершиной *семья* в современном русском языке включает в себя 13 производных слов разной степени производности по отношению к исходному *семья*.

В результате анализа было выявлено еще 11 когнитивных признаков концепта:

11. Член семьи; такой, который имеет семью
12. Имеющий отношение к семье, входящий в семью; такой, который относится к семье, связан с жизнью семьи
13. Принадлежащий семье, предназначенный для семьи
14. Семейная жизнь
15. Нормы, правила, идеалы семейной жизни
16. Носитель норм, правил, идеалов семейной жизни
17. Обладающий необходимыми для семейной жизни качествами
18. Соответствующий нормам, правилам, идеалам семейной жизни
19. Отношения на службе, основанные на предоставлении льгот и по-
блажек родственникам, друзьям и близким (*неодобр.*)

20. Проникнутый отношениями на службе, основанными на предоставлении льгот и поблажек родственникам, друзьям и близким (*неодобр.*)

21. Имеющий сходство с семьей, похожий на семью (*перен.*)

Таким образом, совокупный смысловой объем концепта «семья» на данном этапе анализа составил 21 когнитивный признак.

Анализ парадигматики концепта «семья» включал в себя описание синонимических, антонимических и иных типов семантических отношений между лексемами, воплощающими данный концепт в лексико-семантической системе языка. На этом уровне анализа новых когнитивных признаков выявлено не было. Но при этом нам удалось показать разветвленность и глубокое историко-культурное своеобразие синонимических, антонимических, гиперонимических связей между лексемами, воплощающими концепт «семья» в русском языке на разных этапах его истории и в динамике духовной эволюции семантического наполнения и смыслового объема концепта «семья». Именно язык предоставляет нам объективные свидетельства, с одной стороны, упрощения системы терминов родства на протяжении веков, а с другой — смыслового расширения оставшихся в языке терминов родства, которые увеличивают объем значений применительно к реалиям нового времени.

Далее был осуществлен анализ синтагматических связей лексем — репрезентантов концепта «семья», который, согласно принятой концепции исследования, заключался в исследовании стандартной узуальной сочетаемости лексем — репрезентантов концепта *семья*, а также в изучении неузуальных контекстов употребления слова *семья*, в которых отражены семантические преобразования данного концепта по типовым моделям концептуальной метафоризации.

Характеристика контекстов стандартной сочетаемости не выявила новых когнитивных признаков концепта, но подтвердила повышенную активность следующих когнитивных признаков в речевой практике носителей русского языка:

КП 1. Близкие родственники (*муж, жена, отец, мать, дети, сын, дочь* и т. д.).

КП 11. Член семьи; такой, который имеет семью.

КП 12. Имеющий отношение к семье, входящий в семью; такой, который относится к семье, связан с жизнью семьи.

КП 13. Принадлежащий семье, предназначенный для семьи.

Проанализированные контексты субстантивной, адъективной, глагольной и адverbиальной сочетаемости лексем — репрезентантов концепта «семья» обозначило и ряд смысловых расширений для этих слов, связанных уже с реалиями XX и XXI вв.

Исследование контекстов нестандартной сочетаемости лексемы *семья*, в которых актуализуются модели концептуальной метафоризации по типу овеществления или одушевления, позволил выявить ряд когнитивных признаков, имеющих характер онтологических метафор. Данные контексты оказались примечательны тем, что в них стало возможным выявить определенные национально-обусловленные смысловые составляющие в представлении о семье в русской языковой картине мира. Это связано с определенной мифологизацией концепта «семья», имеющей место в ряде народных культур, в том числе и в русской. Модели овеществленного или одушевленного представления неконкретного собирательного представления о семье подкреплены текстами фольклора (в основном — сказок), пословицами и поговорками русского народа.

Так, анализ моделей концептуальной метафоризации лексемы *семья* по типу овеществления позволил выделить еще 4 когнитивных признака:

22. Чувственно воспринимаемый физический, природный или искусственный объект, имеющий структуру (*концепт.-метаф.*)

23. Вещество, субстанция твердой или жидкой консистенции (*концепт.-метаф.*)

24. Трехмерный контейнер (вместилище), обладающий неким содержимым (*концепт.-метаф.*)

25. Физическая среда, пространство, в котором можно находиться или перемещаться (*концепт.-метаф.*).

В свою очередь, анализ моделей концептуальной метафоризации лексемы *семья* по типу одушевления позволил добавить еще один когнитивный признак:

26. Одушевленная сущность, активное и целесообразно действующее человеческое существо (*концепт.-метаф.*).

В результате итоговый совокупный смысловой объем концепта «семья» составил 26 когнитивных признака.

В целом проведенный анализ выявил существенное качественное и количественное разнообразие концептуально-метафорических моделей одушевления и одушевления неконкретного концепта «семья», что может косвенным образом свидетельствовать о значительной степени «культурной разработанности» (А. Вежбицкая) данного концепта в национальном языковом сознании, о его вписанности в мир национальных идеалов и ценностей, как это свойственно и другим ключевым абстрактным концептам русской культуры — разум, душа, совесть, добро, воля и под.

В соответствии с принятой концепцией исследования, на завершающем этапе необходимо уточнить выявленные ранее когнитивные признаки концепта «семья» путем дискурс-аналитических процедур оценки встречаемости лексем — репрезентантов концепта «семья» в массивах текстов на русском языке, а также выявить их реальность для русского языкового сознания путем экспериментального исследования ассоциатов. Это и осуществляется в следующей, III главе работы.

ГЛАВА III. Концепт «семья» в речевой практике носителей современного русского языка и в современном русском языковом сознании

В главе освещается дискурсивное варьирование слов — репрезентантов концепта «семья» в современной русской речи и анализируются новые явления в его языковой экспликации в национальной речевой практике новейшего периода (раздел 3.1), а также рассматриваются особенности отражения концепта в современном русском языковом сознании по данным ненаправленного цепочечного ассоциативного эксперимента (раздел 3.2).

Дискурсивное варьирование слов — репрезентантов концепта «семья» в современной русской речи в данной работе не случайно осуществляется по данным Национального корпуса русского языка. Национальный корпус русского языка сегодня представляет собой наиболее полный массив размеченных для удобства поисковой работы текстов на русском языке, исчисляющегося десятками миллионов, начиная с XI вплоть до XXI вв. В целях нашего исследования важно, что в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) имеется очень удобная система поиска языкового и текстового материала по разным лингвистически значимым параметрам. представлены не только тексты интересующих нас в целях нашего исследования разных хронологических периодов, но и тексты разных дискурсов (художественный, медийный, научный, быденный и пр.). Новые явления на лексико-семантическом и словообразовательном уровнях, помимо текстовых данных НКРЯ рассматриваются с использованием метода сплошной выборки в собственном интернет-мониторинге автора по разнообразным сайтам. Собранные и проанализированные данные предполагается дополнить качественной интерпретацией результатов предпринятого и проведенного нами ассоциативного цепочечного психолингвистического эксперимента.

3.1. Языковая объективация концепта «семья» в современной русской речи

3.1.1. Лексемы — репрезентанты концепта «семья» по данным Национального корпуса русского языка

В целом данные Национального корпуса русского языка и другие собранные нами языковые материалы подтверждают выявленные когнитивные признаки концепта «семья».

В результате предшествовавшего анализа семантического наполнения концепта по данным лексикографических источников и его языковой объективации в истории русского языка было выявлено 26 когнитивных признаков концепта. Все эти признаки находят своё подтверждение в языковых данных Национального корпуса русского языка и других собранных нами материалов. Так как цель нашего исследования на этом этапе заключается в выявлении семантического наполнения концепта «семья» в национальной концептосфере и его языковой объективации в современной русской речи, введём временное ограничение: учитывать данные Национального корпуса русского языка за период после 1991 года.

1. Близкие родственники (муж, жена, отец, мать, дети, сын, дочь и т. д.):

*Сожалею, что так и не обзавёлся **семьёй**, не родил детей* [Федор Чеханков: Ненависть меня разрушает (2002) // «Витрина читающей России», 2002.09.13];

*Олег – старший в **семье**, у него десять братьев и сестёр* [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002];

*Итак, первый ребёнок в **семье** – огромная радость, предмет гордости для мамы и папы, и одновременно первое, по большому счёту, серьёзное ис-*

пытание на прочность для молодых родителей [Мария Давыдова. Кто в доме хозяин? (2003) // «100% здоровья», 2003.01.15];

*Ребёнок получал инструкцию: «Нарисуй свою **семью** так, чтобы её члены были чем-либо заняты»* [Л.А. Захирина, Н.Ф. Бережная. Особенности развития старших дошкольников при перинатальной патологии ЦНС // «Вопросы психологии», 2004];

*Ничего не успевает, или понаделал долгов, или в **семье** проблемы, или нет **семьи** – и это проблема* [Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)];

*Рома уже давно ходил какой-то задумчивый, напряжённый, и когда я, нажимая на то, что мы договорились ничего друг от друга не скрывать, начала его расспрашивать, он с неохотой, поддавшись моему давлению, сказал, что хочет наконец иметь нормальную обычную **семью**...* [Ольга Зуева. Скажи, что я тебе нужна... // «Даша», 2004];

*Особенно много вопросов у представителей различных социальных групп вызвало предполагаемое введение в программу общеобразовательных школ основ православной культуры, поскольку это касалось миллионов школьников, а значит – практически каждой российской **семьи*** [Мария Козлова. Свобода совести и светскость государства: проблемы и решения (1 часть) (2004) // «Адвокат», 2004.12.01];

*Марокканцы в Европе могут открыть совместный текущий счёт в местном отделении для себя и для членов **семьи**, проживающих в Марокко* [Денежные переводы мигрантов – фактор инновационного развития мировой финансовой инфраструктуры // «Вопросы статистики», 2004];

*Кто-то мне говорил, что он работает в Питере гувернёром и воспитывает детей из богатых **семей*** [Запись LiveJournal (2004)];

*А если учесть, что у нас в **семье** одни девчонки (бабушка, мама, сестра, тётка), то я вообще теряюсь* [Наши дети: Подростки (2004)].

2. Люди, объединенные совместным проживанием (домочадцы, под которыми подразумеваются не только члены семьи, но и слуги, домашние животные):

*Василиса [помощница семьи – прим. наше] хоть и была членом **семьи**, но в геометрии семейного треугольника была членом вспомогательным, лишь придающим их существованию дополнительную устойчивость [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000];*

*Моя принимающая **семья**, узнав, что я собираюсь в Техас, засыпала меня всяческими предостережениями: будь осторожна, там все резче и крупнее, не разговаривай с незнакомцами, а главное, не говори, что тебе в Техасе не нравится [Ольга Панфилова. Америка от А до Я (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.03.20];*

*– Он в Турове родился, а несколько лет назад его **семья** переехала в посёлок Большевик [Александр Богомолов. Прирожденный убийца. 17-летний подросток бил пенсионеров табуреткой до смерти (2003) // «Известия», 2003.02.17];*

*Опер из «горячего» Чкаловского района Екатеринбурга пожаловался недавно автору этих строк: «Получил вот 5 тысяч за февраль – разве на это **семью** прокормишь?» [Георгий Летов. Героиновая шкатулка (2003) // «Еженедельный журнал», 2003.04.08];*

*Лет 200–300 тому назад многие знатные московские **семьи** имели здесь особняки или целые усадьбы [Сергей Апенин. Судьба старой усадьбы (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.02.07];*

*А также в **семье** имеются: двулетняя дочка Катя и собака Джеки, помесь эрдельтерьера с карликовым пуделем [Ольга Демьянова. Вот, например (1997) // «Столица», 1997.06.10];*

*Так кошек в нашей **семье** стало две [Эльвира Савкина. Если впрягаюсь, то основательно (2002) // «Дело» (Самара), 2002.05.03];*

Я помню наш приезд в Испанию: несколько автобусов со всеми членами семей оркестрантов, чадами и домочадцами [Сати Спивакова. Не всё (2002)].

3. Ряд поколений, передающих из рода в род мастерство, трудовые традиции:

Его первая любимая девушка Генриетта Белякова происходила из потомственной цирковой семьи [И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)];

Он родился в семье военных и проделал весь путь, на роду написанный людям, делающим военную карьеру [Сергей Татевосов. Князь тьмы в малиновом берете // «Коммерсантъ-Власть», 1999];

Я молодой, здоровый, из рабочей семьи – по всем статьям подходил [Михаил Карпов. Список Визенталя (2003) // «Совершенно секретно», 2003.05.05];

Он был на двадцать лет старше матери, последний, если не считать самой Анны Фёдоровны, представитель медицинской немецкой семьи, преданный своей профессии до степени, не совместимой с жизнью [Людмила Улицкая. Пиковая дама (1995–2000)].

4. Ряд монархов из одного и того же рода, сменяющих друг друга на престоле по праву наследования:

Тесная связь королевской семьи с масонством никогда не считалась в Британии чем-то предосудительным [Климентий Амелин. Правда про ложи: антимасонский заговор // «Коммерсантъ-Власть», 1998];

Думские коммунисты её называли сами: 17 июля, годовщина расстрела царской семьи по приказу Ленина [Антон Лебедев. Прощания не будет // «Коммерсантъ-Власть», 1999];

Я не представляю, в какой ещё стране королевская семья вызывает такое почтение и такую всенародную любовь [Сати Спивакова. Не всё (2002)];

А под конец жизни так допёк подданных своими разорительными причудами и шокирующей «сексуальной ориентацией», что парламент при поддержке королевской семьи объявил монарха безумным и сослал в замок Штарнберг [Владимир Гаков. Сказочными дорогами Германии (2001) // «Туризм и образование», 2001.03.15].

5. Люди, объединенные общими интересами, общей деятельностью:

Романцев сказал прямо и без обиняков: «Отныне и до конца нашего участия в чемпионате мира, за исключением одного-единственного выходного 20 мая, мы будем жить одной семьёй» [Константин Гетманский, Евгений Зуенко. Команда на вылет. У сборной России по футболу отныне нет ни жен, ни самолетов (2002) // «Известия», 2002.05.16];

Дружная семья, замечательные артисты; в их репертуаре, конечно, песни и «ридной» Украины, и «эстонских горячих парней» [Тверской Иван Купала // «Народное творчество», 2004].

6. Биол. Обособленная группа некоторых животных, насекомых, растений или грибов одного вида:

Поведение насекомых, объединённых в единую семью, порой становится настолько сложным, что хочется сказать о нём: «культура» [Кирилл Ефремов. Размышления у книжной полки: Бегство от одиночества // «Знание – сила», 2003];

Каждая семья состоит из одной матки и тысячи рабочих пчёл. Летом в ней живут ещё и самцы – трутни [Сочинение девочки по биологии (2003)].

7. Группа машин, приборов, аппаратов, программного обеспечения и т. п., объединённых рядом важных сходных качеств:

Потом дядя Юра рассказал мне, что «Абфлекс» – из семейства статичных тренажёров [Александр Зильберт. Укрепление тонуса (1997) // «Столица», 1997.03.18];

*Функция нового **семейства** – регулировка и контроль топливной аппаратуры и систем её привода непосредственно во время ремонта [Совершенствуем технологию ремонта локомотивов (2001) // «Локомотив», 2001.06.28];*

***Семейство** мини-АТС «Meridian-1» поддерживает интерфейс ISDN BRI (S или U) при наличии дополнительного программного обеспечения. [Предложение об установке мини-АТС (2001)];*

На автомобилях ВАЗ «десятого» семейства по сравнению с прежними «самарами» намного усложнились некоторые операции – например, замена троса сцепления [Советы бывалых (2003) // «За рулем», 2003.05.15];.

8. Полит., публ. Ближайшее окружение Б.Н. Ельцина, сформировавшееся в высших властных структурах России в последние годы его президентского правления (1991–1999 гг.):

*А о том, что политическая смерть Лужкова облегчает жизнь не только «**семье**», но и российским левым, в администрации президента предпочитают не задумываться [Игорь Клочков. Лужков в семейном окружении // «Коммерсантъ-Власть», 1999];*

*Как можно заключить из довольно прозрачных намёков сотрудников Кремля, «**семья**» держала Чубайса в неведении относительно тех усилий по провалу импичмента, которые предпринимали в Думе главные кремлёвские лоббисты Андрей Логинов и Александр Котенков [Александр Андреев. Как обманули Чубайса // «Коммерсантъ-Власть», 1999];*

*Несмотря на то, что Надя – дочка Никиты Михалкова, а у Ельцина (который сразу угадывается за героем Табакова) нет, кажется, никакой внучки, а есть дочка и **СЕМЬЯ**, и сам бывший российский президент вовсе не такой обаятельный, как Табаков, почему-то светло и радостно на душе [Вадим Самодуров. Рождественские забавы: песни, порно, президент... (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.01.10];*

А скандал, затеянный российскими либералами с их диссидентским инстинктом, попытались использовать те, кто мечтает втянуть Путина в

*распри между **Семьёй** и «питерскими»* [Иосиф Гальперин. Власть «делом» занимается (2003) // «Совершенно секретно», 2003.08.09];

Крупный бизнесмен, не связанный генетически с ельцинской «семьёй» и её деяниями, он только и может освободить Россию и власть от мёртвой хватки олигархического конклава [Алексей Шнейдер. Ходорковский против Кремля (2003) // «Завтра», 2003.08.13];

***Семья** Бориса Николаевича Ельцина, о которой мы стали постепенно забывать* [Евгений Толстых. Пивка для рывка (2003) // «Совершенно секретно», 2003.09.01].

9. Лингв. Группа родственных языков:

*Если латынь – это изобретение средневекового фальсификатора, то он несомненно должен был знать сравнительную грамматику не только романских языков, но и всей индоевропейской **семьи языков** в целом* [А.А. Зализняк. Лингвистика по А.Т. Фоменко // «Вопросы языкознания», 2000];

*Было много баталий по поводу того, существует ли вообще алтайская **семья языков*** [Сергей Старостин, Григорий Зеленко. У человечества был один праязык // «Знание – сила», 2003];

Самые неукротимые хунны сбежали от врага далеко на запад, в Приуралье, и осели там среди местных жителей из угорской языковой семьи. [Сергей Смирнов. Конец серебряного века. Anno Domini 180 // «Знание – сила», 2003].

10. Полит., публ. Совокупность этнических или социальных образований, объединенных дружескими связями (перен.):

*Здесь мы не притворяемся **семьёй народов**, здесь мы - застольцы одной трапезы, начинающейся материнским молоком и кончающейся последним причастием* [Рецепты национальных кухонь: Франция (2000-2005)];

*Однако после смены режима и недолгой эйфории от обретения долгожданной независимости и вступления в **семью европейских народов***

(Польша вошла в ЕС в 2004 году) церковь вдруг начала терять свои позиции в обществе [Нина Ильина. Не перестроились // «Эксперт», 2013];

*То есть, конечно, любовь Европы к России крепка, как никогда, голос России слышится, интересы учитываются, однако после вступления Польши и Литвы в **семью** цивилизованных **наций** (они же — Шенгенские соглашения) ни о каких транспортных коридорах, соединяющих Россию с ее калининградским анклавом, не может быть и речи [Максим Соколов. 25.V — 31.V // «Известия», 2002.05.31].*

11. Член семьи; такой, который имеет семью:

*Сокращение затронет такие неприоритетные, по мнению правых, статьи, как ремонт полигонов и казарм, переоборудование плацев, строительство жилья **для семейных контрактников**, выделение денег на жилье под наем. [Ольга Тропкина. Немцов готовится дать решающий бой Генштабу // «Независимая газета», 2003.02.12];*

*По поводу Ибицы, мне жаль что твоя подруга ничего не поняла об острове, я туда езжу каждое лето, и могу тебе точно сказать, что при желании можно там и не тусоваться, а просто хорошо провести время, на вилле, например, посещая интереснейшие рестораны и тихие vip-пляжи — где лежаки надо резервировать заранее, есть там и для старичков и **для семейных** спокойнейшие райончики [Что сейчас модно? (форум) (2005)]*

*— Второе отделение не **для семейных**, так что нам пора домой [В. А. Ярмолинец. Свинцовый дирижабль «Иерихон 86-89» // «Волга», 2008].*

12. Имеющий отношение к семье, входящий в семью; такой, который относится к семье, связан с жизнью семьи:

*Утренняя полемическая разминка, для постороннего взгляда похожая на открытый бой, не была опасна **для семейных уз**, ведь Клава инстинктивно выплескивала, а не копила повседневную раздражительность, питающую ссоры, размолвки, разводы, побуждая к тому же и Костю [Ольга Новикова. Мне страшно, или Третий роман // «Звезда», 2003];*

*Известно, что компания Volkswagen планирует показать экономичную двухместную машинку, которая на 100 км «съедает» всего один литр горючего, а Renault представит вместительный минивэн Espace, идеальный **для семейных вылазок на природу*** [Марина Каминарская. Мартовские иды // «Домовой», 2002.03.04];

*Разработана программа **для семейных посещений**, оборудуем все дворцы с учетом проблем инвалидов, начинаем делать виртуальный центр* [Арина Абросимова. Москва и Питер — спор двух столиц // «Аргументы и факты», 2001.03.07];

*— Коломнин отступил, и сам сообразив, что банковские помещения с десятком любопытных ушей не место **для семейных сцен*** [Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003)].

13. Принадлежащий семье, предназначенный для семьи:

*Снимаем детей и их родителей **для семейных портретов*** [Детские развлечения (форум) (2006)];

*Их покупают теперь не только фирмы, но главным образом **для семейных нужд***, — отмечает Алексей Владимирский [Владимир Салмин. Комфортно ездить не запретишь. Автодилеры продали в России почти в 1,5 раза больше новых иномарок // «Известия», 2003.01.27];

*Но мужчина в доме может вести себя так без всякого расчета — ну, такой он от природы, не созданный для блаженства, **для семейных радостей*** [Татьяна Иванова. Портрет моего мужа // «Семейный доктор», 2002.10.15];

*Так появились варианты игры, предназначенной **для семейных** и даже светских **развлечений*** [Сергей Носков. Поиграем в бирюльки? // «Наука и жизнь», 2009].

14. Семейная жизнь:

*Не знаю, какова была их **семейная жизнь** на протяжении многих лет, но все те годы, что я их наблюдаю, мне кажется, они абсолютно дополняют друг друга* [Сати Спивакова. Не всё (2002)];

Семейная жизнь Павла Алексеевича и Елены Георгиевны складывалась столь счастливо, что даже Танино нездоровье сообщало особую ноту близости между супругами [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000];

Если несформированность установок на семью и дом у мальчиков традиционны, то для девочек, особенно самых старших (14-15 лет), подобная «бессемейная» картина мира, на наш взгляд, — тревожный факт, требующий серьезного внимания [В. В. Абраменкова. Половая дифференциация и сексуализация детства: горький вкус запретного плода // «Вопросы психологии», 2003.10.21].

15. Нормы, правила, идеалы семейной жизни:

Побольше бы примеров такого семейного единения и сохранения народных традиций — трудовых, бытовых, праздничных [Тверской Иван Купала // «Народное творчество», 2004];

У мамы трое детей, и я вообще считаю, что это семейный идеал [Александр Чудодеев. Расписание на завтра // «Итоги», 2003.02.04];

Мусульманская семейная клановость имела свои достоинства и недостатки, как два конца одной палки [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002];

Там он неожиданно для себя женился на богатой вдове по имени Пудентилла, соблазнившись мыслью о семейном покое [Владислав Отрошенко. Эссе из книги «Тайная история творений» // «Октябрь», 2001].

16. Носитель норм, правил, идеалов семейной жизни:

Интернет пока является самым свободным местом на земле, и потому по поведению людей в сети можно судить об их реальной сути — примерный семьянин тайком идёт на непристойный сайт, а закомплексованный прыщавый юнец взламывает сайт Пентагона [Идет война безродная. Фишки. Интернет // «Известия», 2001.09.13];

В воспоминаниях своих современников Ж. Батмунх предстаёт как высокообразованный и мудрый политик, справедливый, неконфликтный и бес-

корыстный человек, не стремящийся к личному обогащению, добрый **семьянин** [Жамбын Батмунх: насилие не применять // «Проблемы Дальнего Востока», 2002.12.30].

17. Обладающий необходимыми для семейной жизни качествами:

[b_a_n_s_h_e_e, жен] *А нет бы свои. Для родни старался дедок, **семейственный**.* // [cat_in_the_sea, жен] *Да сразу видно что для бабушки семейные ценности превыше всего)))* [коллективный. Форум: Неравный брак (2013)];

*Но в деревне ведь как? Очень важна **семейственная** преемственность.* У Александра дядька всю жизнь в лесниках проработал, и тетка в лесниках ходила [Элла Матонина. Портрет Александра в Левендянском интерьере // «Дружба народов», 1999.06.15];

*В **семейственном** вакууме Дворца, выродившегося в карликовое государство внутри беспредельной Державы, как в затхлом воздухе, мутилось нравственное сознание и пробуждался нездоровый аппетит* [Александр Архангельский. Александр I (2000)].

18. Соответствующий нормам, правилам, идеалам семейной жизни:

*О своей будущей участи он размышлял или в сухих терминах «теории управления» государственным механизмом, или в чувствительных образах **семейственной** гармонии России-матушки и Царя-батюшки* [Александр Архангельский. Александр I (2000)];

*И потому Сперанский приготовился к новому образу **семейственного** блага — элегическому; к новой маске семьянина — наслаждающегося своей печалью* [Александр Архангельский. Александр I (2000)];

*А именно — чувство домашнего уюта, налаженного быта, где всякая безделушка давно притерлась к своему месту, ощущение **семейственной** теплоты, деликатности и взаимной чуткости* [Наум Лейдерман. «Уходящая натура» или самый поздний Катаев // «Октябрь», 2001].

19. Отношения на службе, основанные на предоставлении льгот и побряжек родственникам, друзьям и близким (неодобр.):

Он ушёл оттуда давно, молодым ещё, сначала в соседнее хозяйство, потому что работать под рукой отца-председателя было в ту пору неловко: называли это "семейственностью" [Борис Екимов. Пиночет (1999)];

*Правда, на «Комарове» дирекция не дала спокойно работать, попрекали нас **семейственностью** и в итоге заставили в титрах написать, что она ассистент художника, хотя, конечно, это была ее работа [Л. В. Носырев. Подсолнух для «Антошки» я взял из своего детства (2015)];*

*Боясь обвинений в **семейственности**, на том конце провода отказались подобное обращение даже рассматривать [Евгений Водолазкин. Соловьев и Ларионов (2009)].*

20. Проникнутый отношениями на службе, основанными на предоставлении льгот и поблажек родственникам, друзьям и близким (неодобр.):

*Социологи революций обнаружили устойчивую связь между вероятностью восстания и коррумпированностью **семейственной власти** — по Максиму Веберу, султанизмом [Георгий Дерлугьян, профессор Северо-Западного университета, Чикаго. Нальчик как российский Андижан? // Известия, 2005.10].*

21. Имеющий сходство с семьей, похожий на семью (перен.):

И греют фестивальные огни. В общем, атмосфера получилась почти семейная. Звучали шутки, стихи, анекдоты [Виктория Тарасова. Купол неба и - песня! // «Вечерняя Москва», 2002.06.13];

И атмосфера на съемках какая-то такая семейственная [Елена Жарова. Тупик Горевского // «Домовой», 2002.11.04];

*На зеленом языке пологого склона они разбросаны, как шляпки грибов. **Семейно!** Между ними толкутся всадники, деревянно прыгают стреноженные кони, ползают пестрые букашки людей [Владимир Скрипкин. Тинга // «Октябрь», 2002].*

22. Чувственно воспринимаемый физический, природный или искусственный объект, имеющий структуру (концепт.-метаф.):²:

Конечно, сексуальная дисгармония разрушает семью, но возникает она, как правило, не из-за каких-либо физиологических особенностей, а именно из-за психологической несовместимости [Владимир Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО (№№ 1-500) (1999)].

23. Вещество, субстанция твердой или жидкой консистенции (концепт.-метаф.):

*И распалась бы молодая **семья**, ячейка коммунистического общества, разведённая комсомольско-партийная активистка в слезах припёрлась бы к Гастеву: «Ты сломал мне жизнь!..» [Анатолий Азольский. Облдрамтеатр // «Новый Мир», 1997].*

24. Трехмерный контейнер (вместилище), обладающий неким содержанием (концепт.-метаф.):

И ради него они готовы были истреблять свой народ, который влился в семью других советских народов, образовавших величайшую социалистическую державу [Вадим Кожевников. Щит и меч. Книга первая (1968)]

25. Физическая среда, пространство, в котором можно находиться или перемещаться (концепт.-метаф.):

Другая картина Гуцина, подписанная 1906 годом, находится в семье ленинградского учёного Козырева — он работал над проблемой времени, достиг результатов, но ему не дали продолжить работу, то ли засекретили [В. В. Лопатин, Стелла Чеботарева. Не «Ностальгия», а воспоминание. Из цикла «Беседы на выставке» // «Волга», 2016].

26. Одушевленная сущность, активное и целесообразно действующее человеческое существо (концепт.-метаф.).

*Это говорит через тридцать лет один из тех, кто стоял зимой 42-го в четырнадцати километрах от моего дома, где умирала моя **семья**, и кто*

²Основной массив текстовых примеров, иллюстрирующих КП концептуально-метафорического характера 22–26 с комментариями приводится в предыдущей главе II, в разделе 2.3. Здесь мы только приводим по одному примеру из числа не вошедших в окончательный текст главы II.

уничтожил бы нас без раздумий [Владимир Арро. Дом прибежища // «Звезда», 2002].

В качестве промежуточных выводов отметим, что основной массив примеров связан с выражением значений ‘близкие родственники’ и ‘совместное проживание’: современные употребления *семья* существенно расширяют свою сочетаемость, в результате чего слово может определяться характеристиками степени состоятельности: *малообеспеченная семья, малоимущая семья*, наличия обоих родителей: *полная семья, неполная семья*.

Отмечается также крайне широкие и разнообразные сферы использования слов – репрезентантов концепта «семья». Прежде всего это касается художественных текстов, отражающих всё многообразие человеческих отношений, а также таких тематических областей, как психология, педагогика, социология, юриспруденция, журналистика, представители биологии, лингвистики используют лексему *семья* в терминологическом значении. Активность использования в политическом дискурсе обусловлена новым значением лексики *семья*.

Лексемы — репрезентанты концепта «семья» используются в разных типах дискурса: помимо ожидаемой частотности употребления этого слова в художественной литературе, оно актуально также в политических и медийных текстах, в рекламе, в неформальной Интернет-коммуникации (чаты, блоги, форумы, твиты, социальные сети и пр.).

Также анализ текстовых данных Национального корпуса русского языка подтверждает и выявленный на предыдущих стадиях анализа существенный концептуально-метафорический потенциал лексем — репрезентантов концепта «семья».

3.1.2. Новые явления в языковой репрезентации концепта «семья»: лексико-семантический и словообразовательный уровень

В соответствии с принятой концепцией исследования, в данном подразделе рассматриваются лексико-семантические и словообразовательные преобразования слов — репрезентантов концепта «семья» в современной русской речи. Анализ проводится по данным Национального корпуса русского языка и собственного интернет-мониторинга автора.

Новые явления на лексико-семантическом уровне. Данные явления свидетельствуют, что концепт «семья» сегодня только увеличивает свою представленность в современной русской речи, демонстрируя расширение своей сочетаемости и обогащение смыслового объема, а также развитие коннотативно-оценочного потенциала.

В современной русской речи значительный положительный образно-ассоциативный потенциал таких слов, как *семья*, *семейный*, *семейство* и др. активно используется в нейминге — теории и практике создания названий фирм, товаров, продукции, торговых марок. Так, нами обнаружено название сети магазинов «*Семья компьютеров*», торговая сеть «*Семья*». Слово *семейство* используется в специальной математической терминологии в метаязыковом значении ‘*матем. Множество, элементами которого являются другие множества*’.

Также слово *семья* имеет особое значение в воровском арго — это ‘небольшая группировка осужденных, сформированная про принципу личной симпатии, общности интересов и пр.’ [СТРА 2003].

Значительный семантический потенциал развивает и прилагательное *семейный*, которое расширяет свою сочетаемость за счет наличия потенциально положительно-оценочных сем ‘соответствующий идеалу семьи’ и ‘предназначенный для идеальной, образцовой семьи’ — см. примеры из Национального корпуса русского языка:

Этот набор приёмов в сочетании с фабульной болванкой "доброго" семейного кино иногда даёт потрясающие результаты [Плюс-минус гамбургер // «Экран и сцена», 2004.05.06];

Спасибо за умную, лишённую дешёвой конъюнктуры, такую "свою", семейную газету [Из почты «МП». За нашу газету! // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.11];

Оно уже обрело много смыслов и стало нарицательным в нашем семейном сленге [Анна Карабаш. La perla, или мало ли что? // «Домовой», 2002.06.04].

Это слово также активно используется маркетологами для создания коммерческих наименований — название магазина «*Семейная радость*», название клуба «*Семейный досуг*», есть зубная паста «Семейная», мебель «Семейная и пр.

Использование слова *семейный* для названия разного рода товаров и услуг хорошо проиллюстрировать на широко известном устойчивом составном наименовании *семейные трусы*. Это сочетание обозначает свободное широкое мужское нижнее белье черного или синего цвета, которое является многофункциональным, в том числе может быть использовано и в качестве просто домашней одежды, в которой можно ходить перед домочадцами. Именно в этом значении оно возникает в 30-40-е гг. XX в. в качестве нейтрального наименования. Однако во второй половине XX в. это устойчивое словосочетание приобрело в разговорной речи негативно-сниженный оттенок. По данным «Большого словаря русской разговорной экспрессивной речи» В.В. Химика», оно имеет помету *шутл.* или *насмешл.* в значении 'О слишком просторных, чрезмерно длинных мужских трусах'. Примечателен комментарий составителя словаря: «Предполагается, что такого рода предмет нижнего белья носят только женатые мужчины и что его слишком большой размер якобы “может вместить всю семью”» [БСРРЭР, 2004: 620].

Новые явления на словообразовательном уровне. Здесь речь пойдет о словообразовательных неологических образованиях на базе лексем — репрезентантов концепта «семья», которые отсутствуют в нормативном литературном русском языке. Отметим, что многие из них нельзя назвать действительно новыми, потому что они фиксируются в говорах и в просторечии с

XVII в. Например, слово *семейский*, которое в БАС отмечается как просторечный вариант общеупотребительного *семейный* [БАС-ХІІІ 1963]. Также *семейскими* называются особая группа старообрядцев в Забайкалье.

Ряд просторечных наименований образовано с помощью уменьшительных суффиксов или других размерно-оценочных суффиксов, которые имеют семантику субъективной оценки — чаще всего употребляются в ироническом или пренебрежительном плане— это такие слова, как *семеечка*, *семышка*, уменьшительно-ласкательное *семыюшка*, увеличительное *семыща* (многие из них есть в древнерусских текстах еще с конца XVII в., отражены в словаре В.И. Даля и, как видно из примеров ниже, также фиксируются в Национальном корпусе русского языка начиная со второй половины XIX в. или с первой половины XX в., т.е. в полной мере неологизмами их назвать нельзя):

— *И как они тебе? — Верткая семеечка. Умеет старый Двоеданов ветер нюхать* [Евгений Пермяк. Бабушкины кружева (1955-1965)];

Тут и живи! А у меня семышка. Всякому хлеб жевать хочется [А.Е. Зарин. Кровавый пир (1901)];

[Трутнев, піск] *Если это была не единственная семыюшка, даже семейкой ее не назвать.* [коллективный. Следопытство в улье (2012)];

— *Ихний медведевский дом через улицу, — сказал старик. — Семыща большая, тесно. Нам, колхозникам, чем теснее, тем теплее* [Г. Е. Николаева. Битва в пути (1959)];

У него же, бедного, семыща поди-ка какая! [П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая (1871-1874)].

Важно, что все эти слова достаточно активно употребляются и в современной разговорной речи и даже используются в нейминге. В Ульяновске есть продуктовый магазин «*Семеечка*». Также об активности этих слов свидетельствуют данные неформального интернет-общения:

Семеечка, порадуйтесь за меня, пожалуйста)))) Я сегодня полдня хожу сама не своя»; Только бы марта дожждаться) [https://vk.com › wall-25016515_262606];

Так наоборот же, сначала плохонькая **семышка** и голодное детство, а потом уже вебкам. Тоже вполне обычная история, но, на мой взгляд, извиняющая подобный род занятий [<https://2ch.hk/b/arch/2021-12-07/res/259204973.html>];

В статусе - Я люблю свою **семышку**. Заходила на свою страничку 12 ноября 2021 в 16:34. Найди себя. Открытая информация о пользователе ВК. Друзья и подруги [<https://vk-look.com/user/mlivarimehdiyeva>];

Александр, ну что вы хотите, в езде где управляет пенсионного возраста человек — спросу нет НИКАКОГО только деньги им нужны ваши, там ведь **семыща**, гляди, большая, вот там дворники, уборщики, надо выбирать не депутатов в управляшке, а работоспособного человека [<https://gorod48.ru/news/553031/>].

Еще одна область внелитературного употребления неодериватов на базе семья — это жаргон и уголовное арг. Так, арготизм *семе́йник* означает ‘член «семьи»’ (см. выше), т.е. небольшой группировки осужденных, сформированной по принципу личной симпатии, общности интересов и пр. [СТРА 2003]. Также от арготического «семья» образован неодериват *семе́йничать* — ‘делить тюремные тяготы с членами «семьи», «семе́йниками»’ [СТРА 2003].

Также сравнительно давно образовано такое производное слово, как *семе́йствовать* (оно имеется в Словаре В.И. Даля [СД-IV 1993]). Но оно тоже как бы получает «второе рождение» в современной русской речи. Так, в нашем материале в результате интернет-мониторинга оно обнаружилось в двух значениях:

(1) (о животных) ‘образовывать семью в сезон размножения на к.-л. территории и жить там к.-л. время, выкармливая детенышей’: *Лёд на Финском заливе и Ладожском озере прогнулся под тяжестью мокрых насыпей. Из-за обильного снега балтийской нерпе придётся семе́йствовать где попало* [<https://47news.ru/articles/153035/>];

(2) (о людях) ‘заводить семью, иметь семью’: *Выходит мужчина, которому не рекомендуется **семействовать** до четвертого десятка, скорее всего даже не доживает до совершеннолетия своих детей ...* [<https://ngs.ru/text/relations/2012/09/28/732757/comments/>].

Подлинными словообразовательными неологизмами наших дней мы, видимо, можем считать приставочные образования на базе *семья*, например, *несемья*. Так называется проект в интернете — **#несемья**. Есть и форум с таким названием. Несемья — это не состояние отсутствия семьи. Это семья, но не соответствующая нормам по каким-то параметрам, значимым для говорящего, т.е. неполноценная в чем-то, ненастоящая семья: **НЕсемья**. // *Что-то грустно стало от истории ниже, где у автора муж все на маму записывал. Ну какая это семья, если есть жена, двое детей, а муж-жук все на маму записывает? Вот вы бы с таким человеком строили семью?* [<https://lady.mail.ru/forum/topic/nesemja/>].

Также имеются неодериваты с таким же негативно-сниженным значением — с приставками *недо-* в значении ‘не соответствующая нормативным представлениям’ и *псевдо-* / *квази-* — с значением мнимости, ложности, фальшивости. Иногда они даже встречаются в одном контексте, как в следующем примере: *Акцент делается на анализе пограничных ситуаций, которые описываются словами «недосемья», «несемья», «псевдосемья». Материалом для исследования послужили записи в блогах и на форумах, доступные поиском в русскоязычном Интернете* [https://elibrary.ru/download/elibrary_43925832_94024484.pdf].

Близок по значению к вышеозначенным неодериват с префиксоидом *полу-* — *полусемья*, которая также рассматривается как нечто ущербное, неполноценное: *Мутная какая-то полусемья, мама с дочкой, а дочка еще и глупая, план на любовь поставила, если я полюблю...* [<https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/8992/foto/168324/>].

Еще один ряд приставочных неодериватов связан с образованием новых слов с помощью размерно-оценочных префиксов — например, посред-

ством иноязычного префикса *мега-*: Достаточно много внутриличностных проблем и сложностей в супружеских отношениях связано с системой так называемой **мегасемьи**. // Это семья в самом широком понимании этого слова: родственники, объединенные вместе для совместного проживания, а точнее, выживания. Прототип **мегасемьи** — дикая стая. Собственно, человек, хоть и говорит, что "семейные законы — это законы человеческие, надо жить по-человечески, семьей" и тому подобное, перенял мегасемью именно у братьев наших меньших [<https://www.naritsyn.ru/>].

Еще примеры с другими префиксами иноязычного происхождения — *супер-*, *гипер-*, *архи-*, *ультра-* и пр. и исконного происхождения *сверх-*:

*Просто сам социум структурируется как один большой семейный союз, как некая единая **сверхсемья*** [[https://books.google.ru/books?id](https://books.google.ru/books?id;)];

Суперсемья, пример для многих! [<https://afisha.bigmir.net>];

*Откуда берет свое начало борейская **гиперсемья** языков?* [<https://otvet.mail.ru/question/12486012>];

*... Значит, учеба в конце голодных 90хх... какие там **архисемьи** были? Концы с концами еле сводили...* [<https://forum.baginya.org>].

Отметим, что в ряде случаев размерно-оценочный суффикс действительно указывает на размер объекта, превышающий стандартную семью (в разных значениях исходного слова), а в ряде случаев выражает положительно-оценочное отношение к объекту номинации — к семье.

Таким образом, анализ новых явлений в языковой репрезентации концепта «семья» в русском языке на лексическом и словообразовательном уровне показал, что в новообразованиях также отражаются основные когнитивные признаки концепта «семья», обнаруженные на предыдущих стадиях исследования. Мы выявили, что многие лексемы, воспринимаемые как неологизмы, имеют давнюю историю бытования в русском языке, в просторечной и жаргонной сферах, но в наши дни активизируются в неофициальном общении. Также в новых явлениях отражены оценочные коннотации неологизмов — репрезентантов концепта «семья», как в позитивном, так и в нега-

тивном плане. В целом мы можем заключить, что новые явления свидетельствуют о том, что и в наше время семья переживается как одна из базовых культурных доминант русского мира, как один из важнейших феноменов человеческого существования в целом.

3.2. Концепт «семья» в языковом сознании современных носителей русского языка (по результатам свободного ненаправленного цепочечного ассоциативного эксперимента)

3.2.1. Особенности проведения ассоциативного эксперимента в лингвистической концептологии

На данном этапе описывается ход и результаты проведенного нами ассоциативного ненаправленного цепочечного эксперимента.

Ассоциативный эксперимент начинался в рамках традиционной психологии, потом он прочно вошел в научный инструментарий психолингвистики и когнитивной лингвистики. Ученые считают, что подлинную психологическую реальность для языкового сознания носителей языка тех или иных элементов содержания интересующих нас языковых единиц возможно установить только в эксперименте [Ситникова 2013: 40].

Ассоциативный эксперимент как метод представлен большим количеством разновидностей:

- свободный;
- направленный;
- рецептивный;
- эксперимент на субъективные дефиниции [Рыжкина 2014: 119].

В числе свободных ненаправленных экспериментов выделяют **цепной (цепочечный)** эксперимент, согласно которому надо дать цепочку ассоциа-

тов (от 3 до 5) в произвольной форме [Попова, Стернин 2007]. В нашем исследовании использован именно этот вид эксперимента.

В современной теории и практике проведения психолингвистических экспериментов накоплен значительный опыт оценки и интерпретации разных типов ассоциатов, связей между ними, анализа количественного аспекта частотности и пр. Начинаясь в рамках когнитивной психологии и психолингвистики, в последнее время эксперимент активно используется и в концептологических исследованиях. Можно видеть следующие основания, по которым экспериментальные методики стали востребованы в анализе концептов:

(1) посредством эксперимента выявляется инвентарь языка культуры этноса, т.е. ментальный лексикон, составные части языковой картины мира этноса;

(2) посредством эксперимента исследователь получает доступ к когнитивной базе этноса [Красных 2002], его коллективной памяти, тезаурусу [Караулов 1987]

(3) посредством эксперимента можно описать и интерпретировать этнические авто- и гетеростереотипы, «прототипические ситуации» и концептуальные схемы действий, жизненные установки и ценностные приоритеты этноса;

(4) посредством эксперимента можно построить целостную многоуровневую и многоплановую смысловую иерархию концепта, установить или уточнить его смысловой объем и семантическую структуру [Палеева 2010: 2].

Как отмечает Л.И. Ручина: «Материал ассоциативных экспериментов даёт возможность выявить наибольшее количество актуальных для современного состояния сознания когнитивных признаков концепта» [Ручина 2012: 102].

Также интерес представляет связь восприятия концепта языковым сознанием этноса с ассоциативным и нормами этноса, словари которых в последнее время создаются во все большем количестве. А.А. Леонтьев подчер-

кивает, что ассоциативные нормы дают результаты не избирательного, а массового эксперимента. [САНРЯ 1977: 10].

В эксперименте используется метод свободной ассоциации, согласно которому в ходе исследования выявляются типовые ассоциативные связи: полученные от респондентов индивидуальные реакции на слова-стимулы суммируются и обобщаются по сходным смысловым параметрам. «Каждый признак может быть ранжирован по яркости в структуре концепта, можно выделить ядерные и периферийные когнитивные признаки, а также сравнить результаты ассоциативных экспериментов на один и тот же стимул в разных группах испытуемых, относящихся к разным социальным, гендерным, возрастным группам» [Попова, Стернин 2007: 140-142]. На этой основе верифицируются выявленные ранее когнитивные признаки концепта.

Концепт «семья» принадлежит к понятийно-языковому ядру лексики многих языков. Он воспроизводит разнообразные представления о родственных отношениях в языковом сознании носителей языка:

- общечеловеческие: совокупность родственных отношений;
- культурно-специфические: социальные, нравственные, этические [Харузина, Чибисова 2015].

Для проведения свободного ассоциативного эксперимента, который позволил сформировать образ семьи в языковом сознании носителей русской культуры, необходимо было составить список стимулов, соответствующий проблематике исследования. В «Большом толковом словаре русских существительных» под редакцией Л.Г. Бабенко представлена лексико-семантическая группа «Термины родства», в которой содержится полный список лексических единиц, включенных в эту совокупность. Выбор только 13 слов-стимулов обусловлен их частотностью и неоднородностью употребления [БТСРС 2005]. По мнению Т.А. Михайловой, в настоящее время из русского речевого обихода постепенно уходят в прошлое термины свойства, особенно на уровне сиблингов (жён и мужей сестёр и братьев, то есть лиц, принадлежащих одному поколению) [Михайлова 2013: 77-85].

В связи с этим с помощью метода простой выборки для эксперимента было отобрано 13 слов-стимулов (*семья, мать, отец, брат, сестра, дедушка, бабушка, дядя, тётя, муж, жена, сын, дочь*), наиболее понятных для современных носителей русского языка.

Данные лексические единицы в роли стимулов отвечают следующим базовым требованиям, предъявляемым в словам в этой роли в проведении разных типов ассоциативного эксперимента: это слова, относящиеся к ядерной зоне концепта «семья», широко известные всем носителям русского языка, начиная с малых лет, эти слова обладают интуитивно высокой частотностью употребления в дискурсах разного типа, прежде всего в обиходно-разговорном, они также имеют эмоциональную значимость для говорящих по-русски, создают примерно схожие мысленные образы при их упоминании в речи и пр. [Золтова 2005: 118].

Также наш выбор именно этих ассоциатов отвечает и реальным внеязыковым представлениям о двух категориях отношений в семье: родство по крови и свойство. Иначе говоря, ряд членов семьи являются кровными родственниками, так сказать, облигаторно, т.е. вне отношений свободного выбора (*мать, отец, брат, сестра, дедушка, бабушка, тётя, дядя*), а ряд членов семьи являются продуктом как раз собственной воли, свободного выбора (*муж, жена*) и его вероятным итогом (*сын, дочь*).

3.2.2. Концепт «семья» по данным ненаправленного ассоциативного цепочечного эксперимента

Нами проведено два ассоциативных эксперимента:

- 1) слово-стимул *семья* (февраль 2018 г.);
- 2) 12 слов-стимулов, обозначающих родственников: *мать, отец, брат, сестра, дедушка, бабушка, тётя, дядя, муж, жена, сын, дочь* (апрель 2018 г.).

В первом ассоциативном эксперименте принимали участие 200 респондентов-носителей русского языка. Возраст – от 18 до 45 лет. Половое распределение – поровну: 100 респондентов женского пола и 100 мужского. Участники эксперимента – студенты и работники разнообразных предприятий и учреждений города Нижний Новгород.

Эксперимент осуществлялся в индивидуальной форме. На ответ выделялось 3 минуты. При этом респондент мог указывать любое количество ассоциаций. Задание звучало следующим образом: «Запишите, пожалуйста, с чем у вас ассоциируется слово *семья*». Плюс: респонденты заполняли общие сведения (возраст и пол).

Задание у респондентов не вызывало затруднений. 18 испытуемых дало по 1 ответу на вопрос, 23 – более 5 ответов. В результате эксперимента получено 721 ассоциативная реакция. Полный список реакций на слова-стимулы, обозначающие родство, по данным цепочечного ассоциативного эксперимента, приводится в **Приложении** к данной работе.

На первом месте – обобщения: родные, дом, содружество, близкие, родственники. Встречается в ответах 186 человек. Причем, в 128 случаях – это первое слово ассоциативного ряда, в 29 – второе.

В ответах с количеством ассоциаций, большим, чем одна, часто встречается соединение «родных» и «дома».

На втором, с небольшим разрывом, – абстрактные существительные, называющие чувства (*любовь, нежность, радость* и т.д.) и другие лексикотематические группы (*помощь, понимание* и др.). Присутствуют в ответах 171 человека. Причем определение чувств как составляющей концепта семьи присутствует в ответах всех женщин. В 78 женских ответах чувства и эмоции указываются не в одном, а в нескольких пунктах. В 7 случаях названием чувства ответ и ограничивался. У мужчин чувства фигурируют, в основном, в качестве только одного пункта.

На третьем – названия членов семьи (*мама, папа, жена, девушка, муж, парень, ребенок, бабушка, дедушка, брат, сестра* и др.). Такие ответы при-

сутствуют у 144 респондентов. Первоначально, видимо, формируется такое представление о родственниках, которое характеризует их родство по отношению к нему (*мама, папа, бабушка, брат* и др.). 48 человек в члены семьи включили и домашних питомцев. 9 человек указали растения. 36 человек указали предметы (ноутбук, диван, телевизор).

В семейную сферу некоторые также включают слова *друзья, однокурсники, сотрудники*. Это связано, в первую очередь, с деятельностью возрастного периода.

Примечательно, что не было получено на слово-стимул «семья» отрицательных реакций. Более того, большая часть ассоциаций обладает выраженной положительной коннотацией. Таким образом, мы можем судить о сформированности ценностного компонента концепта «семья».

Во втором ассоциативном эксперименте приняли участие 100 респондентов – носителей русского языка. Возраст – от 18 до 70 лет. Половое распределение – поровну: 50 респондентов женского пола и 50 мужского пола. Участники эксперимента – студенты и работники разнообразных предприятий и учреждений города Нижний Новгород.

Эксперимент осуществлялся в электронной форме.

При этом респондент мог указывать любое количество ассоциаций. Задание звучало следующим образом: «После каждого слова запишите первые несколько слов, которые придут Вам в голову. При этом Вы должны писать предельно быстро, не раздумывая, быстрота Ваших реакций является обязательным условием работы в эксперименте». Также респонденты заполнили общие сведения (возраст и пол).

Для всех респондентов родной язык – русский.

Задание у респондентов не вызывало затруднений. 1 реакция на 1 слово-стимул в 841 случае, в 8 – 5 и более ответов. В результате эксперимента получено 1543 ассоциативные реакции. Отказ получен в 76 случаях.

На слово-стимул *отец* получено 74 разные реакции, *мать* – 140, *брат* – 56, *сестра* – 69, *дедушка* – 74, *бабушка* – 104, *дядя* и *тётя* – по 86, *муж* и *жена* – по 73, *сын* – 69, *дочь* – 72.

Наибольшее количество разных реакций получено на стимулы *мать* и *бабушка*, что объясняется значительной ролью старших женщин в воспитании детей.

Отказы были в основном к словам-стимулам *дядя*, *тётя*, *брат*, *сестра*, связано это с отсутствием у респондентов этих родственников.

Ассоциативные репрезентации концепта «семья» в его первом структурном измерении позволяют сформировать образы матери, отца, брата, сестры, дедушки, бабушки, тети, дяди, существующие в сознании современных носителей русского языка. Эти образы чёткие, так как формировались с рождения на собственном опыте. Для носителей русской культуры семья больше связывается с образом *матери*.

Образ *сестры* сближается с понятием *подруга*, *брат* – с понятиями *друг*, *защита* (последнее – у респондентов женского пола).

В русском образе *дедушки* важное место занимает ассоциации *старость*, *мудрость*, *участник войны*, *фронтовик*, *герой войны*, *память*. Последнее объясняется историческим прошлым России, в некоторых семьях ещё живы участники Великой Отечественной войны. Популяризуется акция «Бессмертный полк», когда родственники выходят на парад с транспарантами, на которых размещаются фотография и информация о родственниках – погибших участниках войны.

Образ русской *бабушки* связан с вкусной едой и выпечкой. Образ дяди связан с весельем (реакции «весёлый», «забавный», «весельчак», «шутник»). Образ тёти вызывает ассоциации *добрая*, *хорошая*, *поучения*, *советчица*.

Для слов-стимулов *отец*, *мать*, *бабушка*, *дедушка*, *брат*, *сестра* зафиксированы реакции – прилагательные в превосходной степени со словами *самый*, *лучший* (*лучший*, *самый дорогой*, *самый любимый* и т. п.).

Ассоциативные репрезентации концепта «семья» в его втором измерении позволяют сформировать образы мужа, жены, сына, дочери. Данные образы отражают стереотипы русской культуры (жена = уют, забота, хозяйство; муж = глава семьи, добытчик, опора). Именно эти образы в языковом сознании наиболее метафоричны, так как метафора имеет гипотетическую функцию, то есть помогает представить что-то еще не до конца осознанное [Чудинов 2001].

В частности, среди представленных частотных ассоциаций, связанных с образом жены, яркой метафорой является *одна сатана* (реакции давались респондентами мужского пола). Мы также обнаружили другие метафоры. Например, *муж – голова, жена – шея*. Интересно, что последняя метафорическая реакция дана информантами женского пола. Это начало популярной пословицы *Муж – голова, жена – шея (куда хочу, туда головушку верчу)*. В ней подчёркивается ведущая роль жены, несмотря на кажущееся главенство мужа. Вторые два образа из описываемого измерения концепта – сына и дочери, возможно, были частично сформированы под влиянием самоанализа (это доказывают некоторые ассоциации), а также культурных стереотипов, поскольку у некоторых респондентов собственных детей нет. Необходимо отметить, что последние образы из этого измерения концепта совсем не содержат отрицательных ассоциаций. Сын и дочь представляются как *надежда, будущее, помощники, гордость*.

Большое количество реакций *опора, плечо, добытчик, помощник* обнаруживает особую черту русской языковой картины мира – приоритет общего над индивидуальным. Семейный человек не свободен, он всегда должен считаться с интересами своей семьи, его жизненная позиция и сама жизнь не всецело принадлежат ему.

Единичные реакции *дура, меркантильность, злая, завистливая, хочу, чтобы стал лучше, дебил* свидетельствуют о том, что в семье могут быть конфликты, ссоры, вражда между её членами.

Результаты проведенного эксперимента показывают, что все проанализированные образы имеют преимущественно положительные ассоциации. Это позволяет сделать вывод о значимости концепта «семья» в системе базовых общечеловеческих ценностей современных носителей русского языка.

Все методы исследования концептов взаимодействуют между собой, взаимно дополняя друг друга. Это позволяет исследовать концепт, как объект взаимодействия языка, мышления и культуры.

Анализ концептов позволяет рассмотреть культурные ценности, выделить отличительные компоненты ассоциативных рядов, выявить культурно-историческую обусловленность содержания ментальной единицы.

Ассоциативный эксперимент позволяет приблизиться к ментальному лексикону, открывает доступ к вербальной памяти, иллюстрирует культурные стереотипы, выявляет содержание концепта в мыслительном пространстве, позволяет ранжировать признаки, образующие концепт.

Относительно концепта «семья» используется не только прямое, но и переносное значение слова. Понятие имеет несколько смысловых наполнений. Ассоциативный эксперимент, проведенный среди студентов и работников учреждений города Нижний Новгород, показал следующие значения, вкладываемые в концепт:

- разнообразные обобщения;
- абстрактные чувства и другие лексико-тематические группы;
- названия членов семьи;
- домашние животные;
- друзья, однокурсники, сотрудники.

Таким образом, концепт «семья» имеет положительное наполнение. Связывается, в первую очередь, с общими понятиями, что говорит о духовном и психологическом значении семьи. Также семья является частью чувственной сферы внутренней картины мира респондентов, о чем говорят ассоциации, связанные с эмоциями и чувствами.

Тот факт, что указание членов семьи в качестве ассоциаций находится только на третьем месте, говорит о сложности и неоднозначности данного образования для многих людей. Семья перестает ассоциироваться с конкретным стереотипом.

Включение в сферу семьи домашних животных говорит о недостаточности эмоциональных связей между членами семьи, вследствие чего происходит компенсация. Это – эффект «одинокости в толпе».

Большая роль чувственного ряда показывает, что в состав семьи включаются те элементы, с которыми у человека имеется эмоциональная связь. Таким образом, недостаток в последней приводит к расширению концепта «семья» и на домашних питомцев. Об этом, только ещё в более усугубленном виде, свидетельствует включение в состав семьи предметов.

Включение в сферу семьи не-родственников показывает выход семьи из интимной сферы и переход в сферу «общественного пользования». Таким образом, происходит блокировка разрушительного для психики понимания относительности и хрупкости современных семейных связей (частые разводы). Следовательно, человек стремится защититься, абстрагируясь и как бы психологически отдаляясь от семейных отношений.

Данные цепочечного ассоциативного эксперимента выявили возможность приобретения этим первоначально положительно-оценочным концептом отрицательных коннотаций, связанных со столкновением в семье многообразных человеческих отношений, с разного рода конфликтами, в целом с падением нравственного статуса семьи в современном мире. Носители языка ощущают эту оценочную амбивалентность концепта «семья», отражая в своих реакциях как позитивные, так и негативные реакции.

Выводы по содержанию III главы

В главе проанализированы особенности дискурсивного варьирования

слов, воплощающих концепт «семья» в русской речи. Контексты употребления этих слов по данным Национального корпуса русского языка позволили верифицировать все выявленные на предыдущих стадиях комплексного описания концепта 26 когнитивных признаков.

Исследование новых явлений в употреблении слов — репрезентантов концепта «семья» на лексическом и словообразовательном уровне выявило ряд интересных семантических и коннотативно-оценочных преобразований. Анализ лексических новых явлений обнаружил обогащение смыслового объема концепта за счет расширения областей использования этих слов. Так, выяснилось, что значительный положительный образно-ассоциативный потенциал таких слов, как *семья*, *семейный*, *семейство* и др. активно используется в нейминге — теории и практике создания названий фирм, товаров, продукции, торговых марок. Мы также обнаружили широкую представленность семантических неологизмов на базе слов — репрезентантов концепта «семья» во внелитературных сферах речи — в просторечии, в диалектах, в жаргонах и в воровском аргю.

Анализ новых явлений на словообразовательном уровне тоже выявил активную представленность неогенераций на базе *семья* во внелитературных сферах речи. Активно используются новообразования с суффиксами субъективной оценки, с размерно-оценочными суффиксами (*семеечка*, *семьишка*, *семьюшка*, *семьища* и пр.), которые восходят еще к древнерусскому языку, но в современной неформальной речи получают «второе рождение». Значительный оценочный потенциал концепта «семья» используется и в префиксальных новообразованиях с приставками, обозначающими несоответствие норме, ложность, мнимость описываемой семьи, с точки зрения говорящего (*несемья*, *недосемья*, *псевдосемья*, *полусемья* и пр.), а также — с размерно-оценочными приставками (*мегасемья*, *сверхсемья*, *суперсемья*, *гиперсемья*, *архисемья* и пр.).

В целом анализ новых явлений в языковой репрезентации концепта «семья» в русском языке на лексическом и словообразовательном уровне по-

казал, что в новообразованиях также отражаются основные когнитивные признаки концепта «семья», обнаруженные на предыдущих стадиях исследования. Также в новых явлениях отражены оценочные коннотации неолексем — репрезентантов концепта «семья», как в позитивном, так и в негативном плане.

На завершающей стадии исследования, в соответствии с его концепцией, был проведен цепочечный ненаправленный ассоциативный эксперимент. По результатам обработки полученных статистических данных были выявлены такие ассоциаты. На слово-стимул *отец* получено 74 разные реакции, *мать* — 140, *брат* — 56, *сестра* — 69, *дедушка* — 74, *бабушка* — 104, *дядя* и *тётя* — по 86, *муж* и *жена* — по 73, *сын* — 69, *дочь* — 72. Наибольшее количество разных реакций получено на стимулы *мать* и *бабушка*, что объясняется значительной ролью старших женщин в воспитании детей. Образ *сестры* сближается с понятием *подруга*, *брат* — с понятиями *друг*, *защита* (последнее — у респондентов женского пола). В русском образе *дедушки* важное место занимает ассоциации *старость*, *мудрость*, *участник войны*, *фронтовик*, *герой войны*, *память*. Последнее объясняется историческим прошлым России, в некоторых семьях ещё живы участники Великой Отечественной войны. Образ русской бабушки связан с вкусной едой и выпечкой. Образ дяди связан с весельем (реакции «весёлый», «забавный», «весельчак», «шутник»). Образ тёти вызывает ассоциации *добрая*, *хорошая*, *поучения*, *советчица*. Для слов-стимулов *отец*, *мать*, *бабушка*, *дедушка*, *брат*, *сестра* зафиксированы реакции — прилагательные в превосходной степени со словами *самый*, *лучший* (*лучший*, *самый дорогой*, *самый любимый* и т. п.).

Ассоциативные репрезентации концепта «семья» в его втором измерении позволяют сформировать образы мужа, жены, сына, дочери. Данные образы отражают стереотипы русской культуры (жена = уют, забота, хозяйство; муж = глава семьи, добытчик, опора). Мы также обнаружили другие метафоры. Например, *муж* — *голова*, *жена* — *шея*. Интересно, что последняя метафорическая реакция дана информантами женского пола. Это начало популярной

пословицы *Муж – голова, жена – шея (куда хочу, туда головушку верчу)*. В ней подчёркивается ведущая роль жены, несмотря на кажущееся главенство мужа.

Большое количество реакций *опора, плечо, добытчик, помощник* обнаруживает особую черту русской языковой картины мира – приоритет общего над индивидуальным. Семейный человек не свободен, он всегда должен считаться с интересами своей семьи, его жизненная позиция и сама жизнь не всецело принадлежат ему. Единичные реакции *дура, меркантильность, злая, завистливая, хочу, чтобы стал лучше, debil* свидетельствуют о том, что в семье могут быть конфликты, ссоры, вражда между её членами.

В целом семья перестает ассоциироваться с конкретным стереотипом. Включение в сферу семьи домашних животных говорит о недостаточности эмоциональных связей между членами современной семьи. Об этом, только ещё в более усугубленном виде, свидетельствует включение в состав семьи предметов.

Также данные свободного ассоциативного эксперимента выявили возможность приобретения этим первоначально положительно-оценочным концептом отрицательных коннотаций, связанных со столкновением в современной семье многообразных человеческих отношений, с определенной девальвацией ценностей патриархальной семьи в современном русском мире, с распадом традиционных семейных связей и отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе осуществлено комплексное синхронно-диахронное лингвокультурологическое описание концепта «семья» в русской национальной концептосфере и его языковой объективации в современной русской речи. В процессе исследования была достигнута цель и полностью решены задачи исследования, получили аргументированное подтверждение все положения, вынесенные на защиту.

На основе изучения научной и учебно-методической литературы по проблеме была обоснована процедура комплексного анализа концепта «семья» на лингвокогнитивной основе, которая заключается: в осмыслении экстралингвистического содержания и когнитивных признаков концепта на материале энциклопедий и словарей; в анализе языковой объективации концепта в контексте его парадигматики, синтагматики и деривации; в уточнении полученных данных посредством анализа текстовой реализации слов — репрезентантов концепта и данных ассоциативного цепочечного эксперимента.

В рамках исследования нами был рассмотрен концепт как основная категория изучения и описания языковой картины мира. Также концепт является важнейшей категорией, посредством которой индивид познаёт и воспринимает окружающий его мир. В отношении концепта можно сказать, что это универсальная категория, которая, однако, имеет различные трактовки. Исследование природы данного феномена показало, что концепт воспринимается как комплексное, многомерное социопсихологическое и культурологическое образование, которое соотносится с коллективным и индивидуальным сознанием, сферой науки и искусства, бытовой сферой и т. д.

Под концептами в настоящем исследовании понимаются «идеальные» объекты, отражающие определённые культурно-ценностные представления человека о действительности. Концепты формируются в процессе познания и восприятия мира человеком, отражают и синтезируют человеческий опыт и

окружающий мир. При этом концепт не просто отражает объективную реальность, а формирует некий образ, созданный продуктивным воображением с использованием наглядно-образного знания и накопленного духовного опыта личности, социума и / или этноса.

В свою очередь, концептуальный анализ представляет собой совокупность исследовательских процедур, направленных на анализ смыслов, передаваемых через значения языковых единиц, репрезентирующих концепт, и через речевые контексты. При описании концептов лингвисты опираются, главным образом, на языковую информацию, почерпнутую из словарей или текстов.

В соответствии с принятой в работе концепцией исследования, на первом этапе описания концепта были рассмотрены особенности бытования понятийной категории «семья» в экстралингвистическом аспекте. По результатам анализа специальной литературы было показано, что рассмотрение различных аспектов института семьи занимает важное место в самых разных научных дисциплинах гуманитарного цикла. При этом и в философии, и в социологии, и в психологии, и в педагогике, и в юриспруденции отчетливо проявляется единство взгляда на феномен семьи как на малую группу, основанную на браке и / или кровном родстве, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью, а также моральной и правовой ответственностью.

Далее мы осуществили сопоставительный анализ представлений о семье в русской и китайской культурах. Исследование выявило, что идеи Конфуция, сыгравшие ведущую роль практически во всех сферах жизни китайского общества, оказали особое влияние и на формирование концепта «семья» в китайской культуре. На представления о семье в русской культуре повлияла отмечаемая многими исследователями оппозиция между языческим и христианским типами мировоззрения.

На следующем этапе мы рассмотрели концепт «семья» в этимологическом и историко-лингвистическом освещении. Мы выяснили, что этимологически слово *семья* происходит от известного индоевропейского корня **kei-*

‘лежать’, который часто использовался для образования наименований селений, жилища, стоянок.

Наше исследование также показало, что в каждую историческую эпоху когнитивные признаки концепта «семья» претерпевают изменения. В русском языке XI–XVII веков ядро концепта «семья» составляют концепты-номинации членов семьи: *муж – жена, отец – мать, дети (сын – дочь)* и т. д., а также *домочадцы*, под которыми подразумеваются не только дети, но и слуги. Семья являлась самой высокой ценностью и основывалась на таких понятиях, как вера, супружеский союз, полная покорность женщины, послушание и др. На рубеже XIX и XX веков для большей части населения России было характерно раннее вступление в брак. При этом традиционная модель брачного поведения с течением времени вытесняется новой моделью, характеризующейся более поздним вступлением в первый брак и значительной долей неженатых и незамужних. В первой половине XX века пошатнулись представления о семье как патриархально организованном сообществе с главенствующей ролью мужчины, которая просуществовала много столетий. На семейный уклад советской семьи оказали влияние культурные и мировоззренческие изменения, происходившие в обществе. Концептуальное значение слова *семья* расширяется до государственного масштаба (*братская семья народов СССР, дружная семья братских республик, в семье единой* и т. д.).

Также наше исследование выявило три базовых смысловых пласта концептуального содержания «семья», вокруг которых группируются когнитивные признаки концепта:

- I. Общее происхождение.
- II. Совместное проживание.
- III. Общность интересов, деятельности.

Далее было проанализировано смысловое наполнение концепта «семья» по данным основных лексикографических источников русского языка. В результате было выявлено 10 исходных когнитивных признаков, которые составили базовый смысловой объем концепта:

Затем мы охарактеризовали словообразовательные, парадигматические и синтагматические особенности языковой объективации концепта «семья». Анализ словообразовательных особенностей в языковой экспликации концепта «семья» позволил обнаружить еще 11 когнитивных признаков концепта. Анализ парадигматических особенностей его языковой экспликации, т.е. синонимических, гиперо-гипонимических и антонимических, отношений не выявил новых когнитивных признаков концепта. Наконец, анализ синтагматики концепта, а именно изучение неузуальных контекстов употребления слова *семья*, в которых отражены семантические преобразования данного концепта по типовым моделям концептуальной метафоризации, позволил установить ряд концептуальных схем для образования онтологических метафор для слов — репрезентантов концепта по типу овеществления и / или одушевления. Это позволило сформулировать еще 5 концептуально-метафорических когнитивных признаков для данного концепта.

В итоге совокупное концептуальное содержание концепта составили следующие 26 когнитивных признаков.

1. Близкие родственники (*муж, жена, отец, мать, дети, сын, дочь* и т. д.).
2. Люди, объединенные совместным проживанием (*домочадцы*, под которыми подразумеваются не только члены семьи, но и слуги, домашние животные).
3. Ряд поколений, передающих из рода в род мастерство, трудовые традиции.
4. Ряд монархов из одного и того же рода, сменяющих друг друга на престоле по праву наследования.
5. Люди, объединенные общими интересами, общей деятельностью.
6. *Биол.* Обособленная группа некоторых животных, насекомых, растений или грибов одного вида.
7. Группа машин, приборов, аппаратов и т. п., объединённых рядом важных сходных качеств.

8. *Полит., публ.* Ближайшее окружение Б.Н. Ельцина, сформировавшееся в высших властных структурах России в последние годы его президентского правления (1991–1999 гг.).

9. *Лингв.* Группа родственных языков.

10. *Полит., публ.* Совокупность этнических или социальных образований, объединенных дружескими связями (*перен.*).

11. Член семьи; такой, который имеет семью

12. Имеющий отношение к семье, входящий в семью; такой, который относится к семье, связан с жизнью семьи

13. Принадлежащий семье, предназначенный для семьи

14. Семейная жизнь

15. Нормы, правила, идеалы семейной жизни

16. Носитель норм, правил, идеалов семейной жизни

17. Обладающий необходимыми для семейной жизни качествами

18. Соответствующий нормам, правилам, идеалам семейной жизни

19. Отношения на службе, основанные на предоставлении льгот и побряжек родственникам, друзьям и близким (*неодобр.*)

20. Проникнутый отношениями на службе, основанными на предоставлении льгот и побряжек родственникам, друзьям и близким (*неодобр.*)

21. Имеющий сходство с семьей, похожий на семью (*перен.*)

22. Чувственно воспринимаемый физический, природный или искусственный объект, имеющий структуру (*концепт.-метаф.*)

23. Вещество, субстанция твердой или жидкой консистенции (*концепт.-метаф.*)

24. Трехмерный контейнер (вместилище), обладающий неким содержанием (*концепт.-метаф.*)

25. Физическая среда, пространство, в котором можно находиться или перемещаться (*концепт.-метаф.*).

26. Одушевленная сущность, активное и целесообразно действующее человеческое существо (*концепт.-метаф.*).

В результате анализа на данном этапе итоговый совокупный смысловой объем концепта «семья» составил 26 когнитивных признака.

В целом проведенный анализ выявил существенное качественное и количественное разнообразие концептуально-метафорических моделей ове­щствления и одушевления неконкретного концепта «семья», что может косвенным образом свидетельствовать о значительной степени «культурной разработанности» (А. Вежбицкая) данного концепта в национальном языковом сознании, о его вписанности в мир национальных идеалов и ценностей, как это свойственно и другим ключевым абстрактным концептам русской культуры — разум, душа, совесть, добро, воля и под.

Заключительный этап анализа, согласно замыслу исследования, заключался в верификации полученных данных посредством изучения особенностей дискурсной актуализации слов — репрезентантов концепта в русской речи. Базой для исследования языковой объективации концепта «семья» в современной русской речи стали тексты Национального корпуса русского языка. Анализ контекстов употребления слов — репрезентантов концепта «семья», извлеченных из Национального корпуса русского языка, подтвердил реальность обнаруженных на предыдущих этапах анализа 26 когнитивных признаков концепта в речевой практике носителей русского языка.

Основной массив примеров связан с выражением значений ‘близкие родственники’ и ‘совместное проживание’: современные употребления *семья* существенно расширяют свою сочетаемость, в результате чего слово может определяться характеристиками степени состоятельности: *малообеспеченная семья, малоимущая семья*, наличия обоих родителей: *полная семья, неполная семья*. Отмечается также крайне широкие и разнообразные сферы использования слов — репрезентантов концепта «семья». Прежде всего это касается художественных текстов, отражающих всё многообразие человеческих отношений, а также таких тематических областей, как психология, педагогика, социология, юриспруденция, журналистика, представители биологии, лингвистики используют лексему *семья* в терминологическом значении. Актив-

ность использования в политическом дискурсе обусловлена новым значением лексемы *семья* (*семья народов*).

Слово *семья* используется в разных типах дискурса: помимо ожидаемой частотности употребления этого слова в художественной литературе, оно актуально также в политических и медийных текстах, в рекламе, в неформальной Интернет-коммуникации (чаты, блоги, форумы, твиты, социальные сети и пр.).

Далее, согласно принятой концепции исследования, были рассмотрены новые явления в образовании и функционировании лексем, воплощающих концепт «семья», в современной русской речи на лексическом и словообразовательном уровне. В целом результаты анализа продемонстрировали, что и в наше время семья переживается как одна из базовых культурных доминант русского мира и как один из важнейших феноменов человеческого существования в целом.

Мы показали, что новые явления в языковой объективации концепта «семья» на лексико-семантическом уровне свидетельствуют о том, что концепт «семья» сегодня только увеличивает свою представленность в современной русской речи, демонстрируя расширение своей сочетаемости и обогащение смыслового объема, а также развитие коннотативно-оценочного потенциала. В современной русской речи значительный положительный образно-ассоциативный потенциал таких слов, как *семья*, *семейный*, *семейство* и др. активно используется в нейминге — теории и практике создания названий фирм, товаров, продукции, торговых марок. Также собственно лексические инновации проявляют значительную активность и во внелитературных формах русского языка — в просторечии, в жаргонах и воровском арготе. С другой стороны, обнаруживается и значительный потенциал инновационного использования лексических неологизмов в научном дискурсе, в терминологическом употреблении — в логике, в математике, в биологии и пр.

Анализ новых явлений в языковой репрезентации концепта «семья» в русском языке на словообразовательном уровне показал, что и в этих ново-

образованиях также отражаются основные когнитивные признаки концепта «семья», обнаруженные на предыдущих стадиях исследования. Активно используются новообразования с суффиксами субъективной оценки, с размерно-оценочными суффиксами (*семеечка, семьишка, семьюшка, семьища* и пр.), которые восходят еще к древнерусскому языку, но в современной неформальной речи получают «второе рождение». Значительный оценочный потенциал концепта «семья» используется и в префиксальных новообразованиях с приставками, обозначающими несоответствие норме, ложность, мнимость описываемой семьи, с точки зрения говорящего (*несемья, недосемья, псевдосемья, полусемья* и пр.), а также — с размерно-оценочными приставками (*мегасемья, сверхсемья, суперсемья, гиперсемья, архисемья* и пр.). Также в новых явлениях отражены оценочные коннотации неолексем — репрезентантов концепта «семья», как в позитивном, так и в негативном плане.

На завершающей стадии исследования, в соответствии с его концепцией, был проведен цепочечный ненаправленный ассоциативный эксперимент. В целом данные эксперимента также подтвердили релевантность многих из выявленных на предыдущих этапах анализа когнитивных признаков для языкового сознания носителей современного русского языка.

Ассоциативные репрезентации концепта «семья» в его первом структурном измерении позволили сформировать образы матери, отца, брата, сестры, дедушки, бабушки, тети, дяди, существующие в сознании современных носителей русского языка. Эти образы чёткие, так как формировались с рождения на собственном опыте. Для носителей русской культуры семья больше связывается с образом *матери*. Образ *сестры* сближается с понятием *подруга*, *брат* — с понятиями *друг*, *защита* (последнее — у респондентов женского пола). В русском образе *дедушки* важное место занимает ассоциации *старость, мудрость, участник войны, фронтовик, герой войны, память*. Последнее объясняется историческим прошлым России, в некоторых семьях ещё живы участники Великой Отечественной войны. Популяризуется акция «Бессмертный полк», когда родственники выходят на парад с транспаранта-

ми, на которых размещаются фотография и информация о родственниках – погибших участниках войны. Образ русской *бабушки* связан с вкусной едой и выпечкой. Образ дяди связан с весельем (реакции «весёлый», «забавный», «весельчак», «шутник»). Образ тёти вызывает ассоциации *добрая, хорошая, поучения, советчица*.

Ассоциативные репрезентации концепта «семья» в его втором измерении позволяют сформировать образы мужа, жены, сына, дочери. Данные образы отражают стереотипы русской культуры (жена = уют, забота, хозяйство; муж = глава семьи, добытчик, опора). Большое количество реакций *опора, плечо, добытчик, помощник* обнаруживает особую черту русской языковой картины мира – приоритет общего над индивидуальным. Семейный человек не свободен, он всегда должен считаться с интересами своей семьи, его жизненная позиция и сама жизнь не всецело принадлежат ему.

Данные эксперимента продемонстрировали снижение статуса семьи в современном обществе, ослабление семейных связей, которые считались всегда в России основной общественной жизни и культуры. В область семьи не обязательно включаются родственники или свойственники, это могут быть просто значимые в духовном или эмоциональном плане для респондента люди — соседи, крестные, коллеги по работе, одноклассники или однокурсники и под. При этом в состав семьи люди включают домашних животных, с которыми у них проявляется эмоциональная связь, даже неодушевленные предметы.

Также данные свободного ассоциативного эксперимента выявили возможность приобретения этим первоначально положительно-оценочным концептом отрицательных коннотаций, связанных со столкновением в современной семье многообразных человеческих отношений, с определенной девальвацией ценностей патриархальной семьи в современном русском мире, с распадом традиционных семейных связей и отношений.

Проведенное исследование не может исчерпать все смысловое и ценностное разнообразие представлений о семье в мировой и отечественной

культуре. Это позволяет наметить перспективы для дальнейшего исследования, которые состоят в дополнении и расширении сопоставительного аспекта лингвокультурологического описания концепта за счет включения в область исследования данных по другим лингвокультурам (например, европейским, тюркским и пр.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники:

1. Даль В.И. Пословицы русского народа (ПРН). – М.: Изд-во Эксмо-Пресс. Изд-во ННН, 2000. – 616 с.
2. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – URL: [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru).
3. Толстая С.А. Дневники. В 2-х томах. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1978. – 606 с.

Научная, учебно-методическая и справочная литература

4. Алефиренко Н.Ф. Вербализация концепта и смысловая синергетика языкового знака // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: м-лы междунар. симпозиума: в 2 ч. Ч. 1. Науч. ст. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 3–13.
5. Алефиренко Н.Ф. Проблема вербализации концепта: Теоретическое исследование. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.
6. Ани Рахмат. Концепт *семья* в русской паремике: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2013. – 231 с.
7. Аристотель. Политика / пер. с древнегреч. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 393 с.
8. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык: к проблеме языковой «картины мира» // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.
9. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 431 с.
10. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
11. Арутюнова Н.Д., Кубрякова Е.С. Юрий Сергеевич Степанов. Очерк научной деятельности // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-

летию Юрия Сергеевича Степанова / отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 27.

12. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 367–279.

13. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. Т. 3. – М.: Индрик, 1994. – 840 с.

14. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. – 104 с.

15. Багичева Н.В. Лексическая и прагматическая семантика терминов родства / отв. ред. А.П. Чудинов // Функциональная семантика слова: сб. науч. тр. – Екатеринбург: Изд-во УГПУ, 1993. – С. 77–84.

16. Баландина Е.С. Динамика образа семьи в языковом сознании носителей разных культур: дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2013. – 234 с.

17. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. № 1. – С. 11–21.

18. Белковский С.В. Концепт «семья» в современной массовой российской прессе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 4-2. – С. 193–199.

19. Бельчиков Ю.А. Перифраза // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 334.

20. Бельчиков Ю.А. Языковая личность в контексте духовной культуры России на рубеже 19 – 20 веков // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – №2. – С. 179–183.

21. Биктагирова З.А. Концепт «Семья» в паремиологии английского, турецкого и татарского языков: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2007. – 228 с.

22. Богуславский В.М. Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка. – М.: Космополис, 1994. – 238 с.
23. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 25–36.
24. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира: На материале русской грамматики. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
25. Бутто О.Л. Репрезентация концептов «семья», «брак», «жена» в итальянской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2010. – 189 с.
26. Бытева Т.И. Очерки по русской перифрастике: монография. – М.: ООО «Изд-во «Элпис», 2008. – 303 с.
27. Васильев Л.М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики. – Уфа: БашГУ, 2006. – 524 с.
28. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
29. Вежбицкая А. Сопоставление культуры через посредство лексики и прагматики. Пер. с англ. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
30. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
31. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. – М.: Изд-е гос. ун-та рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1999. – 84 с.
32. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Дом бытия языка. В поисках новых путей лингвострановедения: концепция логоэпистемы / Гос. ун-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – М.: Издательство ИКАР, 2000. – 124 с.

33. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: «Индрик», 2005. – 1040 с.
34. Вишневский А.Г. Эволюция российской семьи [Электронный ресурс] // Экология и жизнь. – 2008. – № 7. – Режим доступа: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430650#b1
35. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология: учебник для вузов / под ред. проф. В.И. Добренкова. – М.: Гардарики, 2000. – 432 с.
36. Волотова М.Г. Концептуализация домостроительства в русской языковой картине мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2013. – № 3. – С. 11–14.
37. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. – Краснодар, 2002. – С. 4–5.
38. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 69–70.
39. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
40. Воронцова М.В. История семьи и брака в России (с Древней Руси до наших дней): учеб. пособие. – Таганрог: Изд-во Ступина А.Н., 2011. – 157 с.
41. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
42. Гибадуллина Л.З. Объективация концептов любовь и семья в татарской и русской языковой картине мира (на материале современной женской прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тобольск, 2012. – 21 с.
43. Глебкин В.В. От христианина к дворянину системы базовых ценностей «Домостроя» и «Юности честного зеркала» // Россия XXI. – 2013. – 4 (июль). – С. 96–113.

44. Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. Лекционный курс для студентов РКИ. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 120 с.
45. Гудова М.Ю. Гендерные нравы, модернизация и глянцево-журналы // Культурология XXI века: теория и практика. 20 лет Кафедры Культурологии и Дизайна: сборник научных трудов. – Екатеринбург: ФГАОУ ВПО УрФУ, 2011. – С. 89–95.
46. Гулканян М.К. Этнокультурная и языковая специфика реализации концептов FAMILY, СЕМЬЯ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2010. – 21 с.
47. Гумбольдт В. фон. О различии в строении человеческого языка и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – 396 с.
48. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.
49. Гуняшова Г.А. Концепт FAMILIE в немецкой языковой картине мира (на материале текстов нормативного и публицистического дискурсов): дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2007. – 251 с.
50. Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. – М.: Индрик, 2012. – 936 с.
51. Гусейнов Г. Нулевые на кончике языка: Краткий путеводитель по русскому дискурсу. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. – 240 с.
52. Добровольская Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2005. – 203 с.
53. Дружинин В.Н. Психология семьи. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 176 с.
54. Железнова Ю.В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «Семья»: дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2009. – 205 с.

55. Жигулина Д.В. Формирование концепта «семья» у древних русичей (по материалам славянских памятников X – XIV вв.): автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2015. – 19 с.
56. Жидков В.С., Соколов К.Б. Искусство и картина мира. – СПб.: Алетейя, 2003. – 463 с.
57. Жуковская Л.И. Семантическое наполнение концепта «менталитет / ментальность» и его языковое воплощение в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2015. – 197 с.
58. Закорко С.В. Свободный ассоциативный эксперимент как основной метод психолингвистического исследования // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2012. – № 1 (9). – С. 105–108.
59. Занегина Н.Н. Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 254 с.
60. Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона как естественный метаязык: монография. – Тверь: Лилия Принт, 2005. – 204 с.
61. Ильин И.А. О русской идее // Жизнь национальностей. – 2002. – № 2. – С. 34.
62. Кабакова Г.И. Женщина // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2: Д – Крошки / под общ. ред. Н.И. Толстого. — М.: Междунар. отношения, 1999. – С. 205–208.
63. Кабакова Г.И. Мать // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3: К (Круг) – П (Перепёлка) / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2004. – С. 203–208.
64. Кабакова Г.И. Мужчина // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3: К (Круг) – П (Перепёлка) / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2004. – С. 317–319.
65. Кабакова Г.И. Родня за столом // Категория родства в языке и культуре. – М.: Индрик, 2009. – С. 159–169.

66. Кабакова Г.И. Семья // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 4: Переправа через воду – Сирота / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2009. – С. 613–616.
67. Казаченко Б.И. Русское родство: прошлое и настоящее. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 304 с.
68. Камалова А.А. Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах: монография. – Архангельск: Изд-во Помор. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1998. – 325 с.
69. Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
70. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75–80.
71. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 365 с.
72. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
73. Касьянова Л.Ю. Когнитивно-дискурсивные механизмы неологизации: монография. – Астрахань: Издательским дом «Астраханский университет», 2009. – 320 с.
74. Кидямкина С.А. Семиосфера семейных аномалий в современной русской лингвокультуре (на материале текстов художественной литературы конца 20-го – начала 21-го вв.): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 177 с.
75. Килина Л.Ф. Способы языковой репрезентации концепта «Любовь» в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2008. – № 3. – С. 71–78.
76. Киреева Е.З. Концепт «Семья» в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: дис. ... канд. филол. наук. – Тула, 2008. – 198 с.

77. Колесов В.В. Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой / изд. подгот. В.В. Колесов, В.В. Рождественская. – СПб.: Наука: Санкт-Петербург. изд. фирма, 1994. – С.65–66.
78. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. – СПб.: СПбГУ, 2000. – С. 8.
79. Колесов В.В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. – СПб.: Юна, 1998. – 247 с.
80. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национального менталитета. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
81. Корчуков Е. Влияние аскетически-монашеского идеала на семейный уклад в России в XIII–XVII вв. // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2014. – Вып. 2 (2). – С. 95–102.
82. Кострубина Е.А. Гиперконцепт Семья/Дом – Family/Home в русской и английской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2011. – 159 с.
83. Кострубина Е.А. Типы концептов: гиперконцепт «семья-дом» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – № 6. – С. 51–57.
84. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
85. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1995. – № 4. – С. 15.
86. Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник ВГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Вып.1. – 2002. – С. 3–9.
87. Кузьмина Г.Ш. Синергетика концептосферы С.Т. Аксакова как русской языковой личности в диалогии «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука»: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2005. – 24 с.

88. Кульсарина Г.Г. Репрезентация концепта «семья (ғаилә)» в башкирской языковой картине мира (на материале фольклорных текстов) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 16 (345). – С. 52–58.
89. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М.: Языки славянской культуры, 2004 – 472 с.
90. Кушу С.А. Лингвокультурные концепты как отражение языковой картины мира (на материале языка оригиналов и переводов произведений Т. Керашева с адыгейского на русский и английский языки): дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2004. – 203 с.
91. Лавровский П.А. Коренное значение в названиях родства у славян. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 144 с.
92. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
93. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. – М.: Едиториал, 2004. – 256 с.
94. Ларин Б.А. Из истории слов: *лютый зверь, семья, кавардак* // Русский язык – Первое сентября. – 2013. – № 5. – С. 6–10.
95. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Наука, 1993.
96. Лещенко В.Ю. Семья и русское православие (XI–XIX вв.). – СПб.: Изд-во Т.В. Фроловой, 1999. – 396 с.
97. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология – М.: Academia, 1997. – С. 28–37.
98. Логический анализ языка. Культурные концепты: Сб. науч. трудов / отв. ред. Арутюнова Н.Д. и др. – М.: Наука, 1991. – 204 с.
99. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 74.

100. Лысова А.В. Психология семьи. Ч. 2. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2003. – 121 с.
101. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. – Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та, 1997. – Вып. 1. – С. 17–27.
102. Макашова А.С. День семьи, любви и верности: символический формат социальной политики // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 2. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 249–253.
103. Маковский М.М. «Картина мира» и миры образов: Лингвокультурологические этюды // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 36–53.
104. Матвеева М.В. Концепт *семья* и его репрезентация в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2007. – 22 с.
105. Мержоева З.С. Концепты родства в молодежном языковом сознании русских и ингушей: дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2009. – 159 с.
106. Мигранова Л.Ш. «Полнота страдания и пустота счастья»: Лингвокультурологический словарь-комментарий к роману «Анна Каренина» Л. Н. Толстого / под ред. Л.Г. Саяховой. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – 230 с.
107. Михайлова Т.А. ШУРИН или ДЕВЕРЬ, или «Ой, я всегда их путаю!» // Ритуал в языке и коммуникации: Сб. статей / сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. – М.: Знак; РГГУ, 2013. – С. 77–85.
108. Моисеева Т.П., Деркач В.В. Философия: учеб. пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 100 с.
109. Найденова Л.П. Мир русского человека XVI–XVII вв. (по Домострою и памятникам права). – М.: Изд. Сретенского монастыря, 2003. – 208 с.
110. Николаева Е.И. Психология семьи: учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2013. – 336 с.
111. Николич М., Новоспасская Н.В. Термины родства в русском и сербском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2013. – № 1. – С. 74–78.

112. Новикова Н.С., Черемисина Н.В. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира // Филологические науки. – 2000. – № 1. – С. 40–49.
113. Основы психологии семьи и семейного консультирования: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под общ. ред. Н.Н. Посысоева. – М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. – 328 с.
114. Павлова А.А. Концептосфера внутрисемейных родословных: дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2004. – 211 с.
115. Палеева Е.В. Концептуальный анализ как метод лингвистических исследований // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2010. – Вып. 2 (8). – С. 1–5.
116. Пименова М.В. Концептосфера внутреннего мира человека // Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – Севастополь: Рибэст, 2009. – Вып. 4. – С. 128–183.
117. Пименова М.В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Т. 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 15–20.
118. Платон. Государство. Законы. Политика. – М.: Мысль, 1998. – 798 с.
119. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 189 с.
120. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ: Восток—Запад, 2007. — 314 с.
121. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 25–34.
122. Протченко И.Ф. Лексика и словообразование советской эпохи. – М.: Наука, 1975. – 324 с.
123. Прохоров, Ю.Е. В поисках концепта. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 176 с.

124. Пьянкова Т.В. Лексическое представление ассоциативно-семантического поля «Семья» в современной женской прозе (на материале произведений Л. Улицкой и Л. Петрушевской): дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2012. – 203 с.
125. Радбиль Т.Б. Герой Андрея Платонова как языковая личность (образ Фомы Пухова в «Сокровенном человеке») // Русистика сегодня. – 1999. – № 3–4. – С. 66–83.
126. Радбиль Т.Б. Норма и аномальность в парадигме «реальность — текст» // Филологические науки. – 2005. – № 1. – С. 53–63.
127. Радбиль Т.Б. Языковая аномальность в русской речи: к проблеме типологии // Русский язык в научном освещении. – 2006. – № 1 (11). – С. 77–100.
128. Радбиль Т.Б. О концепции изучения русского языкового менталитета // Русский язык в школе. – 2011. – № 3. – С. 54–60.
129. Радбиль Т.Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Русский язык в научном освещении. – 2007. – № 1 (13). – С. 239–265.
130. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. – 2-е изд., стереотипн. – М.: Флинта : Наука, 2012. – 328 с.
131. Радугин А. А., Радугин К. А. Социология: курс лекций. – М.: Владос, 1995. – 192 с.
132. Рахилина Е.В. О концептуальном анализе в лексикографии А. Вежбицкой // Язык и когнитивная деятельность / отв. ред. Р.М. Фрумкина – М.: Наука, 1989. – С. 46–51.
133. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 212 с.
134. Рузин И.Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // Вопросы языкознания. – 1996. – № 5. – С. 39–50.
135. Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. – СПб.: Политехника, 2003. – 242 с.

136. Рухленко Н.Н. Концепт «СЕМЬЯ» в жанре семейных родословных: дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2005. – 265 с.
137. Ручина Л.И. Ассоциативный эксперимент как инструмент выявления когнитивных признаков концепта // Вестник ННГУ. – 2012. – № 5 (3). – С. 102–106.
138. Ручина Л.И. Место лингвокультурологии в ряду лингвистических дисциплин // Вестник Нижегородского государственного университета. – 2000. – № 1. – С. 183–186.
139. Рыжкина А.А. О методах анализа концепта // Вестник ОГУ. – 2014. – № 11 (172). – С. 117–120.
140. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
141. Ситникова Е.В. Свободный ассоциативный эксперимент в лингвокультурном исследовании // Научный потенциал. – 2013. – № 2 (11). – С. 40–46.
142. Слышкин Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: ВГУ, 2000. – С. 38–45.
143. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
144. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 1 – С. 75–80.
145. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 125 с.
146. Спиркин А.Г. Философия: учебник. – М.: Гардарики, 2000. – 816 с.
147. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. – М.: Наука, 1975. – 311 с.

148. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 58–65.
149. Схалыхова С.Ш. Концепты «венчание», «брак», «семья» как отражение русского менталитета (на материале языка произведений русской литературы): дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2008. – С. 170.
150. Телия В.Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке // Сущность, развитие и функции языка. – М.: Наука, 1987.
151. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
152. Терпак М.А. Английский лингвокультурный концепт «семья» и способы отражения его коннотативного содержания в языке (на материале семантического поля «Родственные отношения»): дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2006. – 204 с.
153. Токарев Г.В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «трудовая деятельность»). – Тула: ТГПУ, 2000. – 92 с.
154. Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре. – М.: Индрик, 2009. – С. 7–22.
155. Толстая С.М. Род, родство // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т.4: Переправа через воду – Сирота / под ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2009. – С. 441–445.
156. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерк по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
157. Трубачёв О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 215 с.

158. Трубачёв О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. – Изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 2003. – 489 с.
159. Трущинская А.С. Лексико-фразеологическая объективация концепта *семья* в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009. – 208 с.
160. У Синьуй. Лингвокультурологические и лингвометодические аспекты концепта «семья» в русской и китайской культурах: дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2009. – 192 с.
161. Уорф Б.Л. Наука и языкознание. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Новое в лингвистике. Вып. I / пер. с англ.; под ред. В.А. Звегинцева. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960 – С. 169–182.
162. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку [Текст] / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. I / пер. с англ.; под ред. В.А. Звегинцева. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – С. 135–168.
163. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. – М.: Языки русской культуры, 2003. – 224 с.
164. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания, 1996. – С.139–163.
165. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – С. 207–219.
166. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.
167. Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сборник обзоров. – №4. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 2–7.

168. Харузина Ю.В., Чибисова О.В. Родственные отношения в практике научного анализа // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 11. – Режим доступа: <http://human.nauka.ru/2015/11/12976> (дата обращения: 24.12.2017).
169. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2008. – 184 с.
170. Целуйко В.М. Психология современной семьи: кн. для педагогов и родителей. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2006. – 287 с.
171. Чернейко О.Л. Логико-философский анализ абстрактного имени. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 320 с.
172. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. – 2002. – № 2.
173. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург: УрГПУ, 2001. – 238 с.
174. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
175. Щапов Я.Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. – 1970. – № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://Annales.info/rus/small/dr_brak.htm (дата обращения: 24.12.2017).
176. Щеголихина Ю.В. Концепт «Familie» в лингвокультуре российских немцев Сибири: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2015. – 23 с.
177. Щепанская Т.Б. Блудный грех // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1: А-Г / под ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1995. – С. 58–61.
178. Щепанская Т.Б. Развод // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4: Переправа через воду – Сирота / под ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2009. – С. 513–515.

179. Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. – 1996. – № 1 – 3.

180. Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. – 1998. – № 3. – С. 43–73.

Словари и энциклопедические источники

181. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений (СРСА). – М.: Русские словари, 1999. – 431 с.

182. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник (ССРЯА). – 8-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1991. – 144 с.

183. Базовые ценности носителей русской культуры: Словарь (БЦНРК) / Отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – М., Ияз РАН, 2019. – 550 с.

184. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thesaurus1.narod.ru/> (дата обращения: 22.01.2018).

185. Большая юридическая энциклопедия (БЮЭ). – М.: Эксмо, 2007. – 688 с.

186. Большой толковый психологический словарь (БТПС) / Ребер Артур (Penguin). Т. 2 (П–Я): пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 2000. – 560 с.

187. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы: свыше 15 000 существительных (БТСРС) / под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с.

188. Большой толковый словарь русского языка (БТСРЯ) / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

189. Большой универсальный словарь русского языка (БУСРЯ) / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая. – М.: «Словари XXI века», 2017. – 1456 с.

190. Грачев М.А. Словарь тысячелетнего русского аргю. 27 000 слов (СТРА). – М.: Рипол-Классик, 2003. – 1120 с.
191. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Цитадель, 1998. – Режим доступа: <http://www.agape-biblia.org/books/Book05/P206.HTM> (дата обращения: 05.04.2018).
192. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 3-х т. (СЕ). – М.: Русский язык, 2000. – Т. I. – 1168 с.
193. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 3-х т. (СЕ). — М.: Русский язык, 2000. – Т. II. – 1088 с.
194. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 3-х т. (СЕ). — М.: Русский язык, 2000. – Т. III. – 1042 с.
195. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов (НСИС). – 3 е изд., испр. и доп. – М.: Азбуковник, 2008. – 1040 с.
196. Кравченко А.Н. Краткий социологический словарь (КСС). – М.: Проспект, 2009. – 352 с.
197. Краткий словарь когнитивных терминов (КСКТ) / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ, 1996. – 248 с.
198. Лебедева Л.А. Словарь устойчивых сравнений русского языка. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1996. – 161 с.
199. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка (САРЯ). – М.: Русский язык, 1985. – 384 с.
200. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1–2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. – СПб.: Тип. Ак. наук, 1896–1912. – Режим доступа:

https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/2445/династия (дата обращения: 07.04.2018).

201. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ : Астрель, 2005. – 505 с.

202. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. – СПб.: Норинт, 2003. – 608 с.

203. Новейший философский словарь (НФС) / гл. ред. и сост. А.А. Грицанов. - Минск, 1999. – 1450 с.

204. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка (НОССРЯ) / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. Вып. 1. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 1488 с.

205. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка (СО). – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

206. Педагогика: Большая современная энциклопедия (ПБСЭ) / сост. Е.С. Рапацевич. – Минск: Современное слово, 2005. – 720 с.

207. Педагогический энциклопедический словарь (ПЭС) / гл. ред. Б.М. Бим-Бад. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. – 528 с.

208. Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. (РПЭ). Т.2: М–Я / гл. ред. В.В. Давыдов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – 607 с.

209. Российская социологическая энциклопедия (РСЭ) / под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА М, 1998. – 672 с.

210. Руднев В.П. Словарь культуры XX в.: Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 2003.

211. Русский язык. Энциклопедия (РЯЭ) / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перер. и доп. – М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 916 с.

212. Саяхова Л.Г. и др. Тематический словарь русского языка (ТСРЯ) / Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова, В.В. Морковкин; под ред. В.В. Морковкина. – М.: Русский язык, 2000. – 560 с.
213. Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка: Русский язык от А до Я (ЭССРЯ). – М.: Издательство «ЮНВЕС», 2003. – 704 с.
214. Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 4: Переправа через воду – Сирота / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2009. – 900 с.
215. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2: Д – Крошки (СДЭС) / под общ. ред. Н.И. Толстого. — М.: Междунар. отношения, 1999. – 786 с.
216. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3: К (Круг) – П (Перепёлка) (СДЭС) / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 840 с.
217. Словарь ассоциативных норм русского языка (САНРЯ) / под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 563 с.
218. Словарь русского языка: В 4-х т. (МАС) / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985–1988. – Т.4. – 1988. – 802 с.
219. Словарь русского языка XI–XVII вв. (СРЯ XI–XVII вв.)– Вып. 4. – М.: Наука, 1977. – 403 с.
220. Словарь синонимов (СС). – Режим доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/ (дата обращения: 10.04.2018).
221. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. (БАС). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. — Т. 14. — 1963. — 808 с.
222. Словарь сочетаемости слов русского языка (СССРЯ) / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – М.: Русский язык, 1983. – 686 с.
223. Солганик Г.Я. Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения (ТС-ЯГРТ). – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 749 с.
224. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка (МДСДРЯ). – М.: ГИС, 1958. – Т. 1–3.

225. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
226. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия (ЮЭ). – Изд. 5-е, доп. и перераб. / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: Юринформцентр, 2006. – 972 с.
227. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка в двух томах: Ок 145000 слов: В 2-х т. (СТ). – М.: Русский язык, 1985. – Т 2. – 885 с.
228. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика (ТСРЯ-XXI)/ под ред. Г.Н. Складчиковой. – М.: Эксмо, 2008. – 1136 с.
229. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. (ЭСРЯФ). Т. 1 (А – Д); пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – 576 с.
230. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. (ЭСРЯФ). Т. 3 (Муза – Сят); пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.
231. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь. – М., Русский язык, 1979. – 256 с.
232. Философский словарь (ФС) / под ред. И.Т. Фролова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
233. Философский энциклопедический словарь (ФЭС) / гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
234. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи (БСРРЭР). – СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.
235. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. (ИЭССРЯ). Т. I: А – Пантомима. – 3-е изд., стереотип. – М: Русский язык, 1999. – 624 с.

236. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. (ИЭССРЯ). Т. II: Панцирь – Ящур. – 3-е изд., стереотип. – М: Русский язык, 1999. – 560 с.
237. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителей (КЭСРЯ) / под ред. С.Г. Бархударова. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1975. – 543 с.
238. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка (ТССРЯ). – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство «Русские словари»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 1022 с.
239. Энциклопедический словарь. Т. 3 (ЭС) / гл. ред. Б.А. Введенский. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 744 с.
240. Этика: Энциклопедический словарь (ЭЭС) / Под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. 671 с.
241. Языкознание. Большой энциклопедический словарь (ЯБЭС) / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
242. Словарь китайских пословиц / под ред. Чжоу Цзинци. – Пекин: Шану, 2006. – 593 с.
243. Словарь современного китайского языка / под ред. Люй Шусян. – Пекин: Шану, 1996. – 1869 с.
244. Словарь китайского литературного языка / под ред. Чжан Шуянь. – Шанхай: Большой китайский словарь, 2000. – 886 с.
245. Словарь китайского языка. – Пекин: Шану, 2002. – 1999 с.

Реакции на слова-стимулы, обозначающие родство, по данным свободного ассоциативного эксперимента

Отец	Мать	Брат	Сестра	Дедушка	Бабушка
<i>74 разные реакции</i>	<i>140 разных реакций</i>	<i>56 разных реакций</i>	<i>69 разных реакций</i>	<i>74 разные реакции</i>	<i>104 разные реакции</i>
Авторитет (5)	Беречь (1)	90-е (1)	Бантики (2)	балует меня (1)	Бабуля (1)
Батя (1)	В памяти	Братство (2)	Близнецы (1)	борода (1)	Бабушка в деревне (1)
Баян (1)	моей (1)	В мечтах (1)	Болтовня (1)	Ветеран (1)	Бабушки мои хорошие (1)
Весёлый (2)	Вкусно (1)	Веселье (1)	Болтушка (2)	Военный (1)	Балует (2)
Воля (1)	Вкусно готовит (1)	Второй отец (1)	Весёлый (1)	ворчание (1)	Блины (2)
Глава семьи (2)	Воспитывает (2)	Далеко (1)	Вредина (3)	газета (1)	Болезнь (1)
Главный (1)	Всегда	Дебил (1)	Всегда под-держит (1)	Герой (4)	Великий (1)
Голова (1)	поддержит (2)	Деревня (1)	Вторая мать (2)	герой ВОВ (1)	Вкусности (2)
Дарил подарки (1)	Всех при-голубит (1)	Друг (14)	Гости (1)	герой войны (3)	Вкусные блины (1)
Деревня (1)	Вся в семье (1)	Дурак (1)	Далеко (1)	Гордость (1)	Вкусняшки (1)
Дети (1)	Деревня (1)	Единствен-ный (2)	Дальняя (1)	дедуля (1)	Внуки (1)
Детство (1)	Детство (1)	Заботливый (1)	Деревня (1)	дедушка	Воспитание (1)
Доброта (1)	Добрая (8)	Защита (4)	Добрая (1)	Мороз (1)	Воспоми-ния (1)
Добрый (4)	Добрейшая (1)	Защитник (5)	Добрые советы (1)	Деревня (5)	Время (1)
Добряк (1)	Доброта 96)	Каникулы (2)	Доверие (1)	Детство (1)	Выпечка (1)
Добытчик (2)	Добрые ру-ки (1)	Коррупция (1)	Друг (1)	Добродуш-ный (1)	Вяжет носки (1)
Душа (1)	Дом (2)	Кумовство (1)	Дура (2)	Доброта (2)	Вязание (2)
Жена (1)	Домохо-зяйка (4)	Лучший друг (6)	Забота (3)	Добрый (6)	Гостинцы (4)
Жив-здоров (1)	Еда (1)	Любимый (1)	Классная (1)	Его никогда не видел (1)	Готовка (1)
Заботливый (1)	Единствен-ная (1)	Любовь (1)	Красавица (1)	Жаль, что уже его нет (1)	Деревня (4)
Козел (1)	Жива-здоров (1)	Малыш (2)	Красивая (4)	Запах дет-ства (1)	Детство (3)
Красавец (1)	Забота (9)	Мечты (1)	Кухня (2)	Злой (2)	Добрая (7)
Красота (1)	Заботливая (5)	Младшень-кий (1)	Лучшая (3)	Золотые ру-ки (1)	Добро (1)
Кремень (1)	Злая (1)	Младший (1)	Лучшая подру-га (5)	Колхозник (1)	Доброта (1)
Лояльный (2)	Которая вырастила (1)	Мужество (1)	Лучший совет-чик(ица) (4)	Коровы (1)	Добрые (1)
Лучший друг (2)	Красавица (1)	Надёжность (1)	Любимая (3)	Кресло (1)	Дом (1)
Любимый (1)	Красивая (2)	Надёжный (1)	Любит наряды (1)	Кроссворды (1)	Домашнее хозяйство (1)
Мой отец – это мой муж (1)	Кухня (1)	Один за всех (3)	Маленькая (1)	Ласковый (1)	Еда (1)
Мудрость (2)			Малышка (1)	Лето (2)	Забота (3)
Мудрый (1)			Меркантиль-ность (1)		Запах вкус-няшек (1)
Мужик (1)			Младшая (2)		
Надёжность (3)			Модная (1)		
Надёжный (1)			Модница (3)		
Немногослов-ный (1)			Мудрая (2)		
			Нежность (1)		
			Неотзывчивая		

Образец (1) Образец для подражания (1) Образец мужчины (1) Опора (4) Опора семьи (2) Ответственность (1) Папа (9) Папочка (1) Плечо (2) Поддержка (3) Помощник (1) Пример (1) Пример для подражания (2) Работа (1) Работает (4) Работает на благо семьи (1) Работяга (2) Работающий (1) Рубашка (1) Самый добрый папа (1) Самый дорогой человек (3) Самый лучший папа (1) Семьянин (1) Сила (6) Сила воли (1) Сильные руки (1) Сильный (3) Совет (1) Справедливый (1) Строгий (5) Строгость (2) Товарищ (2) Трудолюбивый (1) Трудыга (1) Уважаю (2) Уважение (2)	Ласка (2) Ласковая (2) Лучшая (1) Лучше всех (1) Любимая (4) Любит всех (1) Люблю (2) Любовь (2) Любящая (3) Мама (7) Мамочка (1) Мамуль (1) Мамуся (1) Мать Тереза (1) Милая (1) Мир (1) Моя душа (1) Мудрая (2) Нежная (1) Нежность (2) Никогда не унывает (1) Опора (1) Отдача (2) Отзывчивая (1) Очаг (1) Очень люблю (1) Переживания (3) Поддержка (2) Поддержка семьи (1) Проблемы (1) Радость (1) Родина-мать (1) Родитель (1) Самая	Опора (6) Отвага (1) Плечо (1) Поддержка (1) Помощник (3) Помощь (1) Проказник (1) Проказы (1) Родной (4) Розыгрыш (1) Рукопожатие (1) Самый лучший (2) Сила (2) Сильный (1) Скучаю (1) Совет (2) Советник (1) Старший (7) Товарищ (2) Умный (1) Фильм (2) Футбол (2) Хемингуэй (1) Хотелось бы (1) Хочу, чтоб изменился (1) Человечность (1) Шутник (1) Ябеда (1)	(1) Никогда не осудит (1) Один за всех (2) Ответственность (1) Отзывчивая (1) Отличница (1) Платья (1) Поддержка (3) Подруга (4) Подружка (2) Покровительство (1) Помощь (1) Преданность (1) Радость (2) Разговоры до утра (1) Разговоры на кухне (1) Раздолбайка (1) Ровесница (1) Секрет (1) Сестра (1) Сестра милосердия (1) Сестра-хозяйка (1) Смех (2) Совет (1) Советчик(ица) (2) Соратник (2) Старшая (3) Строгая (1) Три лучших сестры (1) Хорошая (3) Хохотушка (1) Чай (1) Чистота (1) Шлюха (1)	Лысина (1) Лысый (1) Любимый (2) Любовь (1) Любящий (1) Мечта (1) Мой герой (1) Мой кумир (1) Мудрец (1) Мудрость (4) Мудрый (1) Немощь (1) Новости (1) Один за всех (1) Опыт (3) Очки (2) Память (3) Погиб в ВОВ (1) Погиб на войне (4) Подарки (2) Подвиг (1) Пожилой (1) Работяга (2) Родной (2) Рыбалка (2) Седая бородка (1) Седина (2) Седой (1) Сенокос (2) Сильный (2) Смех (1) Спасибо dedu за победу (1) Старость (5) Старый (6) Тепло (1) Трудыга (1) Уважение (1) Ум (1) Умер (2)	Защита (1) Защищает (1) Золотые руки (1) История (1) Каникулы (1) Капризная (1) коровы (1) Кухня (1) Ласка (1) Лето (2) Любимая (2) Любит поучать (1) Люблю (2) Любовь (2) Любящая (2) Молоко (1) Моя героиня (1) Моя любовь (1) Мудрость (4) Не помню (1) Немощь (1) Нет её уже давно (1) Огород (2) Один за всех (1) Оладушки (1) Опыт (1) Ответственная (2) Очаг (1) Очки (1) Память (2) Печка (1) Пирог (9) Пирог печёт (2) Пирожки (2) Платок (3) Подарки (1) Помню (1) Порядок (1)
---	--	---	---	---	---

Ум (1) Учитель (1) Хороший (3) Ценю (1)	лучшая (1) Самая лучшая ма- ма (2) Самоотдача (1) Самый до- рогой чело- век (4) Слёзы (1) Солнышко (1) Спокойная (1) Спокой- ствие (1) Стабиль- ность (1) Строгая (4) Тепло (2) Терпеливая (1) Тоска (1) У меня две мамы – моя мама и све- кровь (1) Ужин (1) Умная (1) Умница (1) Уют (2) Хозяйка (1) Хорошая (1) Чуткая (1)			Умный (1) Участник ВОВ (1) Участник войны (5) Фотографии (1) Фронтовик (5) Юмор (1)	Последняя (1) Пример для подражания (1) Родная (1) Рукодель- ница (1) Самая луч- шая (1) Самая лю- бимая (2) Седина (1) Сенокос (1) Сказки (3) Сказочница (1) Скот (1) Слава богу жива (1) Слова (1) Смех (1) Старость (1) Тёплая (1) Тепло (2) Тоже нико- гда не видел (1) Уборка (1) Уважение (1) угощение (1) Умерла (1) Умная (4) Участник ВОВ (1) Участник войны (1) Уют (2) Фартук Фронтовик (1) Хозяйствен- ная (1) Цветы на столе (1) Чай (1) Чистота (1) Что-то шьёт (1) Шаль (1)
--	---	--	--	--	---

					Шутки (1) Я на нее по- хожа (1)
--	--	--	--	--	---------------------------------------

Дядя	Тётя	Муж	Жена	Сын	Дочь
<i>86 разных реакций</i>	<i>86 разных реакций</i>	<i>73 разных реакций</i>	<i>73 разных реакций</i>	<i>69 разных реакций</i>	<i>72 разные реакции</i>
Балагур (2)	Аккуратист- ка (1)	Верный друг (1)	Актриса (1)	Беспокой- ство (1)	2 лапочки дочки (1)
Бедолага (1)	Алкоголь (1)	Вместе (1)	Борщ (1)	Будет (1)	Балерина (1)
Бизнесмен (1)	Блины (1)	Воля (1)	Варка (1)	Будущее (8)	Баловница (1)
Богатый (2)	Болтовня (1)	Всегда готов	Верность (4)	В будущем (1)	Бантики (1)
Брат мамы (1)	В памяти (1)	защитить семью (1)	Вкусно на кухне (1)	В планах (1)	Будет (1)
Брат папы (1)	Веселье (1)	Всегда ря- дом (2)	Гибкость (1)	Веселый (1)	будущее (6)
В Москве (1)	Ветренный (1)	Глава (1)	Дети (3)	Воспитание (1)	В будущем (1)
В памяти (1)	Вкусно (1)	Глава семьи (5)	Деятельна (1)	Гений (1)	Вкусенькая (1)
Весёлый (2)	Ворчание (1)	Голова (6)	Дом (2)	Гордость (9)	Воспитание (1)
Веселье (3)	Врач (1)	Добрый (3)	Домашний Очаг (1)	Добрый (2)	Воспитание (1)
Весельчак (2)	Вредная (1)	Добытчик (5)	Домохозяйка (1)	Долгождан- ный (1)	Восхищение (1)
Выпивка (1)	Выходные (3)	Доверие (1)	Друг (1)	Дорогой (1)	Гордость (4)
Герой (1)	Гостеприим- ная (1)	Дорогой (1)	Забота (7)	Заветный (1)	Губки бан- тиком, бров- ки домиком (1)
Гитарист рок-группы (1)	Гости (1)	Достоинство (1)	Заботливая (4)	Зайка (1)	Девчуля (1)
Гости (3)	Далеко (1)	Его дом – крепость (1)	Интересна (1)	Защита (2)	Долгождан- ная (2)
Далеко (1)	Добродуш- ная	Единствен- ный (3)	Использует (1)	Здоровый (1)	Дочь своего отца (1)
Дела (1)	Доброта (1)	Жена (2)	Красавица (3)	Золото (1)	Егоза (1)
Деловой (2)	Домохозяйка (1)	Забота (2)	Красивая (5)	Крошка (1)	Жемчужина (1)
Добродуш- ный (1)	Домохозяйка (1)	Заботливый (2)	Красота (1)	Любимый (2)	Жизнь (1)
Добрый (1)	Друг (1)	Защита (7)	Кухня (1)	Люблю (1)	Забота (1)
Долг (1)	Жена дяди (1)	Защитник (7)	Ласка (2)	Любовь (1)	Звёздочка (1)
Должник (1)	Женщина (1)	Ипотека (1)	Ласковая (2)	Маленький (1)	Золотая (1)
Дом (1)	Жизнера- достная (1)	Кормилец (2)	Лёгкая (1)	Машинки (1)	Игра (1)
Дяденька (1)	Забавная (1)	Кремень (1)	Любима (1)	Мечта (1)	Косметика (2)
Жадный (1)	Забота (1)	Крепость (2)	Любимая (10)	Милый (1)	Красавица (11)
Живёт рядом (1)	Заботливая (1)	Любимый (15)	любит мужа (1)	Моё буду- щее (1)	Красота (1)
Забавный (2)	Завистливая (1)	Любит се- мью (1)	любит своих домочадцев (1)	Мои помощ- ники (1)	Красотка (1)
Застолье (1)	Застолье (2)	Любовь (4)	люблю (1)	Мой (2)	Лапочка (2)
Здоровяк (1)	Злюка еще та (1)	Любовь лю- бовная (1)	Любовь (12)	Молодой (1)	Лапушка (1)
Злой (1)	Знакомая (1)	Любящий (1)	Любящая (4)	Моя гор- дость (3)	Ласковая (1)
Знания (1)	Карьеристка (1)	Мечты (1)	Любящая	Моя отрада (1)	Ласточка (1)
Золотые ру- ки (1)	Красотка (1)	Молодец (1)			

губной гар- мошке (1)	Крестная мама (1)	Мудак (1)	мужа (1)	Мужик (1)	Луч света (2)
Интересный (1)	Кумир (1)	Мягкий (1)	Мечтаю о жене. Надое- ло посуду	Мужчина (1)	Лучшая (1)
Интересный собеседник (1)	Многочис- ленность (1)	Надежный (1)	мыть (1)	Надежда (7)	Любимая (2)
Карьерист (2)	Мода (1)	Неповтори- мый (1)	Моя (1)	Надежды (1)	Любимица (1)
Компаней- ский (1)	Модница (3)	Объелся груш (4)	Мудрость (1)	Наше буду- щее (2)	Любимые (1)
Лентяй (1)	Моё зеркало (1)	Опора (4)	Муж (1)	Носит сумки (1)	Люблю (1)
Мастер на все руки (1)	Непознанное (1)	Опора семьи (8)	Нежность (1)	Озорник (1)	Любовь (3)
Мой дядя самых чест- ных правил (1)	Нянчила ме- ня в детстве (1)	Отец детей (1)	Одна сатана (4)	Опора (2)	Малышка (1)
Молодец (3)	Общитель- ная (2)	Поддержка (2)	Опора (3)	Открытый (1)	Мамина по- мощница (1)
Незнакомый Дядя (1)	Один за всех (1)	Понимание (1)	Партнёр (2)	Очень ску- чаю (1)	Мечты сбы- ваются (1)
Ни то ни сё (1)	Опора (1)	Понимаю- щий (2)	Плечо (1)	Пацан (2)	Милая (1)
Никто (1)	Отзывчивая (2)	Простак (1)	Поддержка для мужа (1)	Поддержка, Помощник (5)	Моё буду- щее (1)
Один за всех (1)	Отзывчи- вость (1)	Работа (1)	Подруга по жизни (1)	Послушный (1)	Моё настоя- щее и буду- щее (1)
Ответствен- ный (1)	Певунья (1)	Работящий (1)	Поездка (1)	Прилежный (1)	Моя (1)
Открытый (1)	Пироги (1)	Ревнивый (1)	Половинка (1)	Радость (2)	Моя душа (2)
Охота (1)	Пицца (1)	Решитель- ность (1)	Понимание (2)	Разница (1)	Моя надежда
Плохо знаю (1)	Подарки (1)	Родной (3)	Послушная (1)	Родной (2)	Моя отрада (1)
Поёт матер- ные частуш- ки (1)	Подруга (1)	Самая луч- шая (1)	Радость (2)	Светлый (1)	Моя сол- нышко (1)
Полицей- ский (1)	Позитивная (1)	Самостоя- тельна (1)	Самая луч- шая (1)	Семьянин (1)	На гимна- стике скачет (1)
Посторонний (1)	Полная (1)	Секс (2)	Самостоя- тельна (1)	Сердце моё (1)	Надежда (2)
Предприим- чивый (1)	Померла (1)	Семья (1)	Секс (2)	Сильный (1)	Надежды (1)
Природа (1)	Помощница (1)	Создаёт уют (1)	Семья (1)	Солнышко (2)	Наряды (1)
Пьяный (1)	Порядок (1)	Смотреть семью (1)	Создаёт уют (1)	Спортивный (2)	Наше буду- щее (2)
Работа (1)	Поучения (1)	Спокойствие (1)	Справедли- вая (1)	Счастье (1)	Не сын (1)
Работяга (2)	Похожа на Аллегрову (1)	Справедли- вый (1)	Спутница (1)	Сын (1)	Одежда (1)
разгильдяй (1)	Работа (1)	Спутник жизни (1)	Спутница жизни (1)	Сын Отече- ства (1)	Отрада (1)
Разочарова- ние (1)	Радужная (1)	Стержень (1)	Стерва (2)	Талантливый (1)	Очарова- тельная (1)
Рекламщик (1)	Родная (2)	Страсть (2)	Стирка (1)	Умный (3)	Песня (1)
	Родня (4)	Супруг (1)	Страсть (2)	Успех (1)	Платя (1)
	Родственник (2)	Счастье (2)	Счастливая (1)	Ученик (2)	Помощница (4)
	Рукодельни- ца (1)	Тыл (1)	Счастье (1)	Хорошо (1)	Прилежная (2)
	Рюмка (1)	Уважение (1)	Та, что хра- нит уют в семье (1)	Хочу (4)	Принцесса (1)
	Себе на уме (2)	Ум (1)	Тепло (1)	Хулиган (1)	Радость (5)
	Семейное застолье (1)	Умница (1)	Тыл (1)		Сердце моё (1)
		Хозяин (1)	Умница (2)		Симпатичная (1)
		Хочет груш	Уют (1)		

Родной (1)	Смех (1)	(1)	Хозяйка (1)		Справедли- вая (1)
Родной че- ловек (1)	Смешная (1)	Честность	Хозяйствен- ная (1)		Ученица (1)
Родня (3)	Советчица	(1)	Хозяюшка		Хорошая (1)
Родственник	(1)	Честь (1)	(3)		Хорошо (1)
(1)	Странная	Щедрость (3)	Хранитель- ница домаш- него очага		Хотелось бы
Рыбалка (2)	женщина (1)	Щедрый (4)	(1)		(1)
Самых чест- ных грабил	Строгость		Хранитель- ница очага		Хочу (7)
(1)	(2)		(5)		Ювелирная
Смешной (3)	Тётя Мотя		Чистоплот- ная (1)		работа (1)
Ссыт (1)	(2)		Шея (3)		
Станный	Толстушка				
чувак (1)	(1)				
Талант (1)	Трудолюби- вая (1)				
Умелец (1)	Тупая (1)				
Умелый (1)	Угощение				
Умный (2)	(1)				
Усатый (1)	Ум (2)				
Успешный	Умная (1)				
(1)	Учёный (1)				
Усы (2)	Характерная				
Футбол (1)	(1)				
Хорошее	Хитрость (1)				
чувство	Хорошая (9)				
юмора (1)	Хороший				
Хороший (1)	советчик (2)				
Целеустрем- лённый (2)	Чай (1)				
Часто мне	Чистота (1)				
помогал (1)	Чужая (1)				
Честный (1)					
Чужой (1)					
Шутит (1)					
Шутник (3)					